

ЛИЯ НОРД

НАСЛЕДНИЦА РАЗЛОМА

КРОВЬ ДВУХ МИРОВ

— КНИГА I —

18+

Лия Норд

**Наследница Разлома.
Книга 1. Кровь двух миров**

«Автор»

2026

Норд Л.

Наследница Разлома. Книга 1. Кровь двух миров / Л. Норд —
«Автор», 2026

После предательства мужа Эллианна перестала верить в любовь. Она научилась жить с болью, работать, улыбаться друзьям и делать вид, что прошлое осталось позади. Но однажды ночью в её руках появляется странное перо, а привычный мир начинает трещать по швам. Разлом переносит её в Эйрилон — древний мир парящих островов, крылатого народа и законов, нарушать которые нельзя. Здесь её называют Наследницей Разлома — женщиной, способной изменить судьбу двух миров. Её должны убить. Исполнить этот приказ поручено Каэлю — легендарному командующему Дома Ноктис, человеку, который давно похоронил в себе способность любить и привык подчиняться приказам, каким бы ни была их цена. Но чем ближе он узнаёт Эллианну, тем сложнее становится выбор между долгом и сердцем. А пока за ней охотятся Великие Дома, наследный принц Лиор протягивает руку помощи, не подозревая, что однажды ему тоже придётся выбирать между любовью и властью. Иногда одна встреча меняет судьбу. Иногда — судьбу двух миров.

© Норд Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Трещина	5
Глава 2 Тот, кто исполняет приказы	17
Глава 3 Перо	38
Глава 4 Принц Лиор	57
Глава 5 Разлом	78
Г	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Лия Норд

Наследница Разлома.

Книга 1. Кровь двух миров

Глава 1 Трещина

Люди часто говорили, что время лечит. Эллианна никогда не спорила с этим утверждением, хотя в глубине души давно перестала в него верить. Время не лечило. Оно просто приглушало ощущения, заставляло привыкать к пустоте, которая сначала казалась невыносимой, а потом постепенно становилась частью повседневной жизни, такой же привычной, как чашка кофе по утрам или шум дождя за окном.

Вот и сейчас она сидела на широком подоконнике своей небольшой квартиры, расположенной на десятом этаже современного жилого комплекса, и рассеянно наблюдала, как по стеклу медленно скатываются тяжелые капли апрельского дождя. Серое небо низко нависало над городом, скрывая верхушки небоскребов, а ветер то и дело трепал ветви деревьев, растущих вдоль пустынной улицы.

Кофе в ее руках давно остыл, но Эллианна не замечала этого. За последние месяцы она вообще перестала замечать многие вещи.

Перестала любить музыку, без которой раньше не проходил ни один день. Перестала покупать цветы, хотя когда-то могла принести домой целый букет тюльпанов только потому, что ей понравился их запах. Перестала фотографировать закаты.

И, что было хуже всего, перестала строить планы.

Потому что каждый раз, когда она пыталась представить свое будущее, в голове возникал лишь один вопрос:

«А ради чего?»

Телефон, лежавший на журнальном столике, завибрировал уже в четвертый раз за утро.

Эллианна тяжело вздохнула, прекрасно понимая, кто именно не собирается оставлять ее в покое.

— Если ты не возьмешь трубку, она приедет сюда, — пробормотала она себе под нос и потянулась за телефоном.

На экране светилось имя Сары.

— Ты удивительно предсказуема, — произнесла Эллианна вместо приветствия, принимая вызов.

— А ты удивительно упряма, — тут же отозвалась подруга. — Доброе утро, дорогая разведенная женщина. Как проходит твой очередной день в компании депрессии, кофеина и пледа?

Эллианна невольно улыбнулась.

— Не преувеличивай. Пледа сегодня нет.

— Ах, ну тогда все прекрасно. Осталось узнать, ела ли ты что-нибудь, кроме воздуха и чувства собственной трагедии.

— Сара...

— Нет, серьезно, Элли. Я беспокоюсь. Ты уже неделю не отвечаешь никому, кроме меня, не выходишь из дома, отменяешь встречи, а вчера вообще прислала мне фотографию дождя с подписью: «Настроение».

— Это было красиво.

— Нет, это было тревожно.

Эллианна подняла глаза к потолку.

— Я не понимаю, почему ты так переживаешь. Со мной ничего страшного не происходит.

— Правда? — голос Сары стал мягче. — Тогда объясни мне, почему ты до сих пор держишь его рубашку на спинке стула.

Эллианна замолчала.

Она медленно перевела взгляд на темно-синюю рубашку, небрежно висевшую возле письменного стола.

Андрей забыл ее три месяца назад. Нет. Не забыл. Оставил. Как оставляют ненужную вещь перед переездом. Как оставляют старую книгу, которую уже не будут перечитывать. Как оставляют прошлую жизнь.

— Элли?

— Я выброшу ее, — тихо сказала она.

— Когда?

— Скоро.

— Ты говорила это месяц назад.

— Я знаю.

Сара шумно выдохнула.

— Послушай меня внимательно. Я понимаю, что тебе больно. Понимаю, что потеря ребенка сломала вас обоих. Но ты не виновата в том, что произошло.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Если бы знала, то не повторяла бы каждый день одну и ту же ошибку.

— Какую?

— Ты продолжаешь искать причину в себе.

Эллианна медленно прикрыла глаза. Она помнила тот вечер слишком хорошо. Помнила запах остывающего ужина. Помнила, как Андрей стоял у окна, засунув руки в карманы брюк. Помнила, что тогда впервые испугалась тишины. Потому что именно тишина всегда предшествует словам, которые меняют жизнь.

— Нам нужно поговорить, — сказал он тогда.

— Обычно после этой фразы ничего хорошего не происходит, — попыталась пошутить она.

Но Андрей не улыбнулся. Он долго молчал, будто подбирал слова, способные сделать боль менее болезненной. Однако таких слов не существовало.

— Я устал, Элли.

— От работы?

— Нет.

— От меня?

Он поднял глаза. И этого оказалось достаточно. Она все поняла раньше, чем услышала признание.

— У тебя кто-то есть?

— Да.

Она помнила, как засмеялась. Именно засмеялась. Потому что иногда человек смеется не от счастья, а от шока.

— Господи... — прошептала она тогда. — Ты хотя бы понимаешь, насколько это жестоко?

— Я не хотел делать тебе больно.

— Не хотел? — в голосе появилась дрожь. — Андрей, я потеряла нашего ребенка четыре месяца назад. Четыре месяца пыталась собрать себя заново. А ты в это время нашел себе другую женщину?

— Все не так просто.

— Нет, все именно так просто! — впервые за долгое время она повысила голос. — Ты просто решил уйти от женщины, которая перестала быть удобной. От женщины, которая плакала ночами. От женщины, которой было страшно жить дальше.

— Элли...

— Нет. Не надо. Не называй меня так.

Он молчал. И это молчание оказалось больнее любых оправданий.

Андрей молчал.

Эллианна и сейчас помнила это молчание так отчетливо, словно разговор состоялся не три месяца назад, а несколько минут назад. Оно было тяжелым, вязким, похожим на густой туман, который постепенно заполняет комнату, лишая воздуха и возможности дышать полной грудью.

Тогда она смотрела на человека, с которым прожила почти пять лет, с которым выбирала обои для их первой квартиры, спорила о цвете кухонного гарнитура, вместе строила планы на отпуск и придумывала имена будущему ребенку, и никак не могла понять, в какой момент он превратился в незнакомца.

— Скажи мне честно, — произнесла она после долгой паузы, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все дрожало от напряжения. — Ты полюбил ее?

Андрей потер переносицу и отвел взгляд.

— Я не знаю.

— Не знаешь?

— Нет.

— Тогда что ты знаешь?

Он тяжело вздохнул.

— Я знаю только то, что последние месяцы мне было очень тяжело находиться дома.

— Потому что я плакала?

— Потому что ты перестала жить, Элли.

Она замерла.

— Прости?

— Ты словно исчезла, понимаешь? После того, что произошло, ты перестала быть собой. Ты закрылась. Перестала разговаривать, перестала смеяться, перестала интересоваться хоть чем-то. Я приходил домой и чувствовал себя чужим.

— А мне, по-твоему, было легко? — ее голос дрогнул. — Я потеряла ребенка, Андрей. Я каждое утро просыпалась и вспоминала, что внутри меня больше нет маленького человека, которого я уже любила. Ты думаешь, я не хотела смеяться? Думаешь, мне нравилось чувствовать себя пустой?

— Я этого не говорил.

— Но именно это ты имеешь в виду.

— Я просто...

Он запнулся.

— Просто встретил женщину, рядом с которой снова почувствовал себя живым.

Эллианна долго смотрела на него. Удивительно, но именно в тот момент ей захотелось не плакать.

Ей захотелось закричать. Разбить тарелку. Швырнуть в стену чашку. Сказать что-нибудь жестокое. Но вместо этого она лишь кивнула.

— Тогда уходи.

— Элли...

— Нет. Правда. Уходи. Потому что если ты останешься еще хотя бы на пять минут, я, возможно, скажу тебе вещи, которые никогда себе не прощу.

Андрей сделал шаг вперед.

— Я никогда не хотел стать для тебя врагом.

Она усмехнулась.

— А кем ты стал?

Он не ответил. И это был конец.

— Элли?

Голос Сары вернул ее в реальность.

— Ты снова ушла в себя?

— Немного.

— Я ненавижу его.

— Не надо.

— Надо. Кто-то должен это делать вместо тебя.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я больше не злюсь.

— А что ты чувствуешь?

Эллианна задумалась.

— Будто я долго держала в руках стеклянный шар, который считала самым ценным в своей жизни. А потом он разбился. И теперь я сижу среди осколков и просто не понимаю, зачем пытаться собрать его обратно.

Сара молчала несколько секунд.

— Элли.

— Мм?

— А если это не конец?

Она тихо усмехнулась.

— Не начинай свои мотивационные речи.

— Я серьезно. Иногда кажется, что жизнь закончилась, а потом происходит что-то настолько неожиданное, что ты понимаешь: все прежнее было лишь подготовкой.

— Ты насмотрелась романтических фильмов.

— Возможно. Но я все равно приеду к тебе вечером.

— Нет.

— Да.

— Сара.

— Эллианна.

— Ты используешь мое полное имя только тогда, когда хочешь добиться своего.

— Потому что это работает.

— Бессовестная.

— Зато любимая.

Элли улыбнулась. По-настоящему. Впервые за долгое время.

— Ладно, приезжай.

— Отлично. А теперь обещай, что выйдешь прогуляться.

— Ты не отстанешь?

— Никогда.

— Хорошо. Обещаю.

— Вот и умница.

Отключив звонок, Эллианна еще несколько минут сидела неподвижно, глядя на дождь. В какой-то момент ей показалось, что за окном стало темнее. Слишком быстро.

Словно тяжелые облака внезапно закрыли солнце.

Она подняла голову. И замерла. На крыше соседнего дома кто-то стоял. Высокий мужской силуэт, неподвижный, словно высеченный из камня. Расстояние было слишком большим, чтобы рассмотреть лицо. Но ей почему-то показалось, что этот человек смотрит прямо на нее.

Элли моргнула. И фигура исчезла.

— Господи, — пробормотала она, нервно усмехнувшись. — Похоже, Сара права. Мне действительно нужно выйти из дома.

И она еще не знала, что этой ночью впервые увидит мир, которого не существовало ни на одной карте Земли.

Эллианна еще несколько секунд смотрела на крышу соседнего дома, пытаясь понять, действительно ли там кто-то стоял или это была всего лишь неудачная игра теней, дождя и собственного воображения, которое в последние месяцы нередко подбрасывало ей странные вещи.

В конце концов она тихо выдохнула, поставила пустую чашку в раковину и направилась в ванную.

— Поздравляю, Эллианна Морган, — пробормотала она, рассматривая свое отражение в зеркале. — Двадцать восемь лет, высшее образование, стабильная работа, прекрасная подруга и, судя по всему, начинающиеся галлюцинации.

Отражение выглядело не слишком обнадеживающе.

Темно-русые волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбилось несколько прядей. Серо-голубые глаза казались значительно темнее обычного из-за недосыпа, а легкие тени под ними недвусмысленно намекали, что последние недели сон не был ее лучшим другом.

— Замечательно, — усмехнулась она. — Просто замечательно.

Через час Эллианна все-таки заставила себя выйти из квартиры. Дождь к этому времени почти закончился, оставив после себя влажный асфальт, прохладный воздух и особенный запах весны, который всегда нравился Элли — запах мокрой земли, молодых листьев и чего-то неуловимо нового, словно сама природа каждый год получала возможность начать все сначала.

Она медленно шла вдоль набережной, засунув руки в карманы светлого пальто, наблюдая за людьми. Молодая пара смеялась возле кофейни, деля один большой стакан латте. Пожилой мужчина кормил уток. Девочка лет пяти старательно прыгала через лужи, а ее мать безуспешно пыталась сохранить чистыми белые кроссовки ребенка. И от этого простого, обыкновенного счастья почему-то стало больно.

Элли остановилась возле ограждения и посмотрела на темную воду. Раньше она мечтала гулять здесь с коляской. Раньше она представляла, как Андрей будет держать малыша на руках, а она будет фотографировать их украдкой, чтобы потом пересматривать снимки по вечерам. Раньше. Сколько же всего уместается в одном слове.

Телефон снова завибрировал. На этот раз пришло сообщение. Андрей.

«Я сегодня заеду за оставшимися вещами. Если тебя не будет дома, открою своим ключом.»

Эллианна несколько секунд смотрела на экран, ощущая странное спокойствие. Еще месяц назад она наверняка расплакалась бы, перечитала сообщение десятки раз, пытаясь уловить скрытый смысл, а потом полночи мучительно размышляла, не означает ли это, что он скучает, жалеет или хочет поговорить.

Теперь же она испытывала лишь усталость. Не злость. Не обиду. А именно усталость.

Так чувствует себя человек, который слишком долго держал тяжелый чемодан и наконец поставил его на землю, понимая, что руки еще болят, но больше не обязаны нести этот груз.

«Своим ключом.»

Словно он все еще имел право на что-то в ее жизни.

Пальцы быстро набрали ответ.

«Ключ оставишь на тумбе в прихожей. Больше он тебе не понадобится.»

Ответ пришел почти сразу.

«Элли, давай не будем ссориться.»

Она прочитала сообщение дважды. А потом просто выключила телефон. Потому что некоторые разговоры заканчиваются не тогда, когда люди перестают говорить. Они заканчиваются тогда, когда один из них перестает ждать объяснений.

В этот момент над рекой поднялся сильный порыв ветра. Такой холодный, что по коже побежали мурашки.

Эллианна вернулась домой уже ближе к вечеру. Прогулка не принесла долгожданного облегчения, о котором так уверенно говорила Сара, но, по крайней мере, позволила немного отвлечься от четырех стен квартиры, которые за последние месяцы начали давить сильнее любых воспоминаний.

Сняв пальто, она повесила его в прихожей и, не включая свет, прошла на кухню. В сумерках квартира выглядела непривычно чужой. Казалось, что она давно перестала быть домом и превратилась в место временного пребывания человека, который никак не может решить, куда ему идти дальше.

Элли машинально открыла холодильник и несколько секунд изучала его содержимое.

Йогурт. Сыр. Бутылка минеральной воды. Половина лимона. Баночка оливок.

— Да уж, — тихо усмехнулась она. — Если однажды меня найдут здесь без сознания, полиция решит, что я умерла от кулинарной безысходности.

Она уже собиралась закрыть дверцу холодильника, когда телефон коротко звякнул.

Телефон завибрировал. На этот раз это была Сара.

«Открывай. И давай без своего фирменного "я не голодная". Я знаю, что ты не ела.»

Элли невольно улыбнулась и направилась в прихожую.

За дверью действительно стояла Сара, удерживая в руках два пакета, бутылку вина и коробку с пищей.

— Ты выглядишь лучше, — заявила она вместо приветствия, внимательно осматривая подругу.

— Спасибо. А ты выглядишь так, словно собралась пережить конец света.

— Практически. Судя по содержимому твоего холодильника, конец света у тебя уже начался.

— Не драматизируй.

— Я? Никогда. Я просто пытаюсь понять, как человек, умеющий переводить древние тексты, может забыть купить себе нормальную еду.

— Это называется депрессия.

— Нет, дорогая моя, это называется безобразие. Депрессия — это когда плачешь под грустные песни. А у тебя уже стадия, на которой организм начинает существовать исключительно благодаря кофеину и силе характера.

— Значит, сила характера у меня впечатляющая.

— Безусловно. Иначе ты бы давно убила меня за назойливость.

Элли рассмеялась.

— Иногда я об этом думаю.

— Вот видишь. Появились эмоции. Значит, лечение работает.

Они устроились в гостиной. Сара включила какой-то старый фильм, который никто из них не собирался смотреть, разлила вино по бокалам и подтянула ноги под себя.

Несколько минут они ели молча. Это было одно из достоинств их дружбы. Им не нужно было постоянно говорить. Можно было просто быть рядом.

— Ты знаешь, — неожиданно произнесла Сара, крутя в руках бокал, — я ведь долго думала, что мне сказать тебе после развода.

— И что придумала?

— Ничего.

— Очень поддерживающе.

— Нет, правда. Я поняла, что любые фразы вроде «время лечит», «все будет хорошо» или «ты встретишь другого» звучат ужасно глупо, когда человеку действительно больно.

Элли кивнула.

— Потому что они обесценивают чувства.

— Именно. Поэтому я решила говорить правду.

— И какая же она?

Сара посмотрела на подругу серьезно.

— Правда в том, что сейчас тебе плохо. Возможно, будет плохо еще месяц. Может быть, полгода. Возможно, иногда ты будешь плакать даже через год. Но однажды ты проснешься и поймешь, что вчера ни разу не вспомнила о нем.

— А если не пойму?

— Тогда я буду напоминать тебе каждый день, какая ты замечательная, пока ты сама в это не согласишься.

Элли улыбнулась.

— Ты ужасно упрямая.

— Конечно. Иначе мы бы не дружили столько лет.

Она помолчала.

— Скажи честно.

— Что?

— Ты до сих пор считаешь, что он ушел из-за ребенка?

Эллианна долго смотрела на мерцающий экран телевизора.

— Иногда.

— А иногда?

— Иногда мне кажется, что люди просто не всегда выдерживают чужую боль. Некоторые умеют держать за руку человека, который падает. А некоторые начинают падать вместе с ним и в какой-то момент отпускают ладонь.

Сара молча протянула руку и сжала пальцы подруги.

— Тогда тебе повезло, что он ушел.

— Почему?

— Потому что рядом с тобой однажды должен оказаться человек, который не отпустит.

Именно в этот момент Элли впервые за долгое время подумала, что, возможно, ее жизнь действительно еще не закончилась.

Ближе к одиннадцати вечера Сара все же собралась домой, несмотря на настойчивые предложения Элли остаться на ночь.

— Нет уж, дорогая моя, — произнесла она, застегивая пальто и поправляя светлые волосы, выбившиеся из хвоста. — Во-первых, завтра мне вставать в семь утра, а во-вторых, если я останусь здесь еще хотя бы на пару часов, то съем оставшуюся пиццу и буду ненавидеть себя до следующей недели.

— Ты говоришь так каждый раз, а потом все равно заказываешь десерт.

— Потому что я человек слабый и уязвимый, — трагично вздохнула Сара, приложив руку к груди. — Но ты не пытайся перевести тему. Я сейчас говорю серьезно.

Эллианна вопросительно посмотрела на подругу.

— Я понимаю, что тебе сейчас сложно, — продолжила Сара уже гораздо тише, и веселые нотки в ее голосе почти исчезли. — Я понимаю, что ты все еще проживаешь потерю ребенка, проживаешь развод, проживаешь то, что человек, которого ты считала своей семьей, оказался не таким сильным, как тебе казалось. Но ты должна дать себе право жить дальше.

— А если я не знаю, как это сделать? — спросила Элли, опираясь плечом о дверной косяк.

Сара некоторое время молчала, словно подбирая слова.

— Тогда не пытайся сразу жить дальше, — наконец сказала она. — Попробуй просто жить сегодняшний день. Не думай о следующем месяце, не думай о следующем годе, не думай о том, встретишь ли ты когда-нибудь другого мужчину или снова захочешь стать матерью. Просто просыпайся утром, выпивай свой кофе, выходи на прогулку, ходи на работу, читай книги. Делай маленькие шаги. Потому что иногда человек выбирается из темноты не одним большим прыжком, а сотней маленьких шагов.

Элли почувствовала, как что-то болезненно сжалось в груди.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не позволяешь мне утонуть.

Сара улыбнулась.

— Для этого и существуют лучшие подруги. Ну и еще для того, чтобы критиковать твой гардероб и отбивать у тебя неподходящих мужчин.

— Очень важная миссия.

— Самая важная.

Они обнялись.

Когда дверь за Сарой закрылась, квартира вновь погрузилась в тишину, но теперь она уже не казалась такой тяжелой, как утром.

Эллианна собрала пустые бокалы, поставила посуду в посудомоечную машину и несколько минут просто стояла у окна, глядя на ночной город.

Дождь закончился.

Асфальт блестел в свете фонарей.

Где-то в соседнем доме горели окна, и за одним из них молодая пара украшала елку.

Элли усмехнулась.

— Июнь, а люди уже готовятся к Новому году?

Приглядевшись внимательнее, она поняла, что это вовсе не елка. Мужчина просто помогал ребенку прикрепить к стене гирлянду в форме звезд. Странно. Еще недавно такая картина заставила бы ее отвернуться. А сейчас она вдруг подумала, что однажды, возможно, сможет смотреть на чужое счастье без боли. Возможно. Не сегодня. Но когда-нибудь.

Приняв душ, она переоделась в мягкую пижаму, выключила свет и забралась под одеяло.

Сон долго не приходил. В голове вновь всплывали слова Сары.

«Иногда человек выбирается из темноты сотней маленьких шагов».

Элли повернулась на бок. Интересно, сколько шагов уже сделала она? Один? Два? Или все это время просто стояла на месте, боясь сделать первый? Она не заметила, в какой момент мысли стали расплываться. Шум города постепенно стих. Тяжесть собственного тела исчезла.

А потом она открыла глаза. И сразу поняла, что находится не в своей спальне.

Воздух был прохладным и пах незнакомыми травами, влажным камнем и водой. Перед ней раскинулось огромное озеро, настолько темное, что казалось, будто кто-то разлил среди гор жидкое ночное небо. Его поверхность была спокойной, лишь изредка вздрагивая от легкого ветра, а в отражении мерцали две луны — одна серебристая, вторая с едва заметным голубоватым оттенком.

Эллианна медленно обернулась. Горы окружали озеро со всех сторон, поднимаясь высоко вверх, а их вершины скрывались в тонкой дымке.

Мир был незнакомым. Красивым. И удивительно реальным. Она сделала несколько шагов вперед и вдруг остановилась. Неподалеку, у самой воды, стоял мужчина.

Он был высок и широкоплеч, а в его фигуре чувствовалась та особая уверенность, которая бывает у людей, привыкших подчинять обстоятельства своей воле. Темные волосы слегка шевелил ветер, а сам он смотрел на озеро так неподвижно, словно давно знал, что рано или поздно здесь появится кто-то еще. Эллианна не испытывала страха. Только странное чувство узнавания. Будто она уже видела этого человека.

Не во сне. Не на фотографии. А где-то очень давно. Там, куда память по каким-то причинам больше не могла дотянуться. И тогда мужчина медленно повернул голову. Не удивленно. Не настороженно. А так, словно совершилось именно то, чего он опасался больше всего.

И в этот момент Элли поняла одну странную вещь. Он смотрел не на незнакомку. Он смотрел на нее так, словно знал ее имя.

Эллианна не сразу поняла, что именно заставило ее остановиться. Возможно, дело было в его взгляде. Не холодном. Не враждебном. И даже не удивленном.

Скорее в том, что он смотрел на нее так, словно перед ним стояла не живая женщина, а воспоминание, которое он давно похоронил и уже не надеялся увидеть вновь. Несколько долгих мгновений они просто смотрели друг на друга.

Ветер усилился, пробежал по темной глади озера, заставляя серебристые дорожки света, падавшие от двух лун, дрогнуть и рассыпаться сотнями искр. Где-то высоко в горах прокатился приглушенный раскат, похожий не то на далекую грозу, не то на камнепад.

Мужчина первым нарушил молчание.

— Кто привел тебя сюда?

Его голос оказался неожиданным. Низким, спокойным, с едва уловимой хрипотцой человека, который привык отдавать приказы и редко повышает тон, потому что в этом просто нет необходимости.

Эллианна растерялась.

— Я... не знаю.

Она оглянулась по сторонам, словно надеясь увидеть кого-то еще.

— Я вообще не понимаю, где нахожусь.

Он медленно повернулся к ней всем корпусом. Теперь она могла рассмотреть его лучше.

На вид ему было около тридцати пяти лет. Черты лица были правильными, но слишком жесткими, чтобы их можно было назвать красивыми в привычном понимании этого слова. В них чувствовалась усталость человека, который слишком многое видел и слишком многое потерял, чтобы позволять себе беспечность.

На нем была темная одежда, напоминавшая одновременно и форму, и дорожный костюм. Матовая ткань плотно облегла широкие плечи и сильные руки, а высокий воротник скрывал шею почти до подбородка.

Однако странным было не это.

Станным было ощущение, что этот человек здесь принадлежал всему окружающему миру так же естественно, как горы, озеро или свет двух лун. А она — нет. Она была здесь чужой.

— Это сон? — спросила Эллианна, пытаясь улыбнуться, хотя улыбка вышла нервной. — Потому что если да, то у меня, честно говоря, очень богатое воображение. Теперь я еще и sny вижу с красивыми мужчинами, которые ведут себя загадочнее, чем герои дешевых сериалов.

Мужчина несколько секунд молчал. Потом едва заметно качнул головой.

— Хотелось бы мне, чтобы это был только сон.

— Что это значит?

— Это значит, что ты не должна была оказаться здесь.

— Но я здесь.

— Именно это и вызывает у меня вопросы.

Эллианна нахмурилась.

— Послушайте, я понимаю, что выгляжу странно. Я сама себя сейчас ощущаю довольно странно. Но если вы знаете, где мы находимся, может быть, просто объясните?

Он отвел взгляд к озеру. Казалось, он размышлял не над ответом, а над тем, стоит ли вообще говорить с ней.

Когда он снова посмотрел на Эллианну, в его глазах появилось что-то похожее на тревогу. Не за себя. За нее.

— Как тебя зовут?

— Эллианна.

Он замер. Совсем ненадолго. Настолько, что другой человек, возможно, ничего бы не заметил. Но она заметила. Заметила, как напряглись мышцы его челюсти. Как чуть сильнее расправились плечи. Как в глазах мелькнуло нечто, похожее на узнавание.

Или страх.

— Что такое?

Он долго не отвечал. А потом тихо произнес:

— Ничего хорошего.

— Очень обнадеживает.

Несмотря на ситуацию, Эллианна все же попыталась улыбнуться.

— Может быть, теперь вы скажете свое имя? Или это государственная тайна?

Впервые за весь разговор уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Каэль.

— Красивое имя.

— Не уверен, что тебе стоит его запоминать.

— Почему?

Каэль посмотрел ей прямо в глаза. И впервые за весь разговор его голос стал жестче.

— Потому что, Эллианна, если ты когда-нибудь снова найдешь дорогу сюда, тебе придется сделать выбор, к которому ни один человек не может быть готов.

— Какой выбор?

Но он уже не ответил. Потому что озеро вдруг начало покрываться кругами, словно в его глубине пробуждалось что-то древнее. И Каэль поднял голову так резко, словно услышал звук, недоступный ей.

Каэль еще несколько мгновений всматривался в темную гладь озера, словно пытался уловить нечто, что оставалось недоступным для Эллианны. Ветер усилился, заставляя длинные пряди его волос скользнуть по вискам, а по поверхности воды пробежала едва заметная рябь, нарушив зеркальное отражение двух лун.

Эллианна невольно обхватила себя руками. Странно, но холод, который она ощущала, исходил не от ночного воздуха. Скорее от непонимания происходящего.

— Вы меня пугаете, — призналась она, стараясь говорить спокойно. — Я засыпаю в своей квартире, просыпаюсь в каком-то невероятном месте, встречаю человека, который ведет себя так, словно увидел привидение, а потом узнаю, что мое имя почему-то вызывает у него беспокойство. Думаю, я заслужила хотя бы несколько объяснений.

Каэль медленно перевел взгляд с озера на нее. Вблизи его глаза казались необычными. Не из-за цвета — обычного серого оттенка, каким бывает небо перед дождем, — а из-за выражения. В них не было высокомерия человека, привыкшего знать больше остальных. Не было раздражения или недоверия. Только усталость и напряженное ожидание чего-то неизбежного.

— Иногда незнание защищает лучше любых ответов, — тихо произнес он.

— А иногда оно сводит с ума.

На губах Каэля появилась почти незаметная улыбка.

— Верно.

— Значит, вы все-таки умеете соглашаться с людьми.

— Редко.

— Мне повезло.

— Возможно, — ответил он после короткой паузы, а затем неожиданно спросил: — Ты счастлива в своем мире?

Вопрос застал Эллианну врасплох. Она отвела взгляд.

— Не думаю, что сейчас я подходящий человек для разговоров о счастье.

— Почему?

Она усмехнулась.

— Потому что мой муж ушел к другой женщине, потому что я до сих пор не научилась говорить о своем ребенке без чувства вины и потому что последние несколько месяцев единственным моим достижением стало то, что я начала выходить из дома.

Каэль долго молчал.

— Ты винишь себя.

Это прозвучало не как вопрос.

— А вы наблюдательный.

— Нет, — негромко сказал он. — Я просто знаю, как выглядит человек, который несет чужую вину как собственную.

Эллианна подняла голову. Впервые за весь разговор ей захотелось спросить что-то не о себе.

— А вы?

— Что я?

— Вы тоже кого-то потеряли?

На мгновение его лицо изменилось. Совсем немного. Но этого оказалось достаточно, чтобы понять: она случайно коснулась старой раны.

— Да, — ответил он после долгого молчания. — Давно.

Эллианна хотела спросить еще что-то, но Каэль внезапно насторожился. Он словно прислушался к чему-то, чего она не могла услышать. Его взгляд снова метнулся к озеру. Потом к горам. А затем он посмотрел на Эллианну так внимательно, будто пытался запомнить каждую черту ее лица.

— Тебе пора уходить.

— Я не знаю, как это сделать.

— Ты проснешься.

— А если я снова окажусь здесь?

Он замолчал. Ветер стал сильнее. Темная вода у берега беспокойно всколыхнулась.

Каэль сделал шаг назад.

— Тогда постарайся никому не говорить, что видела меня.

— Почему?

Он ненадолго прикрыл глаза, словно выбирая между правдой и молчанием. А когда снова открыл их, в голосе появилась та самая тревога, которую невозможно сыграть.

— Потому что если ты действительно сможешь вернуться, Эллианна... это будет означать, что произошло то, чего не должно было произойти.

— Что именно?

Каэль посмотрел на нее долго, почти мучительно.

— Я очень надеюсь, что никогда не узнаю ответ на этот вопрос.

И в следующее мгновение мир вокруг начал растворяться, словно его смывал дождь, а голос Каэля донесся уже откуда-то издалека:

— И если сможешь... не ищи дорогу обратно.

Голос Каэля становился все тише, будто его уносил ветер, гулявший между горных вершин. Очертания озера начали расплываться, серебристый свет двух лун потускнел, а затем и

вовсе растворился в густом, вязком тумане, который поднимался от воды и постепенно поглощал все вокруг.

Эллианна хотела что-то сказать. Спросить. Остановить его. Попросить объяснить хотя бы одну вещь. Почему именно она? Почему он так отреагировал на ее имя? Почему смотрел на нее так, словно видел человека, которого давно оплакал? Но губы не слушались. Туман поднимался все выше. Скрывал берег. Камни. Темный силуэт мужчины. Последнее, что она успела увидеть, были его глаза. Спокойные. Уставшие.

И наполненные тревогой, которая явно была вызвана не встречей с незнакомкой, а чем-то гораздо большим. Чем-то, что находилось далеко за пределами ее понимания.

А потом мир исчез.

Эллианна резко села на кровати, жадно хватая воздух, словно действительно долго находилась под водой. В комнате было темно. Лишь полоска света от фонаря за окном падала на ковер, очерчивая знакомые контуры шкафа, кресла и книжного стеллажа.

Сердце билось слишком быстро. Она провела рукой по лицу и тихо выдохнула.

— Господи...Сон.

Это был всего лишь сон.

Очень странный и реалистичный. Но сон.

Элли откинулась на подушки и посмотрела на часы. Четыре двадцать семь утра.

До будильника оставалось чуть больше двух часов.

— Прекрасно, — пробормотала она, откидывая волосы со лба. —

Она даже тихо усмехнулась нервно. Но искренне.

— Не ищи дорогу обратно, — повторила она шепотом.

— Можно подумать, я знаю, где вообще была.

Эллианна потянулась к стакану воды, стоявшему на прикроватной тумбе, но вдруг замерла. Что-то коснулось ее запястья. Мягкое. Легкое. Она нахмурилась и опустила взгляд. На белоснежной простыне, рядом с ее рукой, лежало длинное перо. Темное. Почти черное. С едва заметным серебристым отливом по краям, словно его касался лунный свет. Несколько секунд Элли просто смотрела на него, не двигаясь. Потом осторожно взяла находку двумя пальцами. Оно было теплым. Настоящим. Не нарисованным. Не искусственным.

Эллианна медленно поднялась с кровати, включила настольную лампу и еще раз внимательно рассмотрела перо.

Оно было слишком большим, чтобы принадлежать птице, которую можно встретить на Земле. Слишком необычным. Слишком красивым. И слишком реальным.

— Нет, — тихо произнесла она, качнув головой. — Нет. Этого не может быть.

Она положила перо на стол. Отступила на шаг. Снова посмотрела. Оно никуда не исчезло. Не растворилось. Не превратилось в пылинку. Просто лежало там. Как доказательство того, что этой ночью произошло нечто, чему не существовало разумного объяснения.

Эллианна опустила на край кровати, не сводя с него взгляда.

А где-то очень далеко, в мире, которого не существовало ни на одной карте Земли, мужчина по имени Каэль стоял на берегу черного озера и смотрел на воду, понимая, что произошло именно то, чего он боялся больше всего.

Путь был открыт.

И впервые за многие столетия Разлом ответил.

Глава 2 Тот, кто исполняет приказы

Ночь над озером Мирай подходила к концу.

Серебристое сияние старшей луны постепенно тускнело, уступая место первым лучам восходящего солнца, которые медленно окрашивали вершины гор в оттенки меди и золота. Холодный ветер, приходивший с северных хребтов, скользил над темной водой, поднимая легкую рябь на идеально гладкой поверхности.

Каэль продолжал стоять на том же месте, где еще несколько минут назад находилась земная девушка.

Если бы кто-то увидел его сейчас, то, вероятно, решил бы, что перед ним статуя, высеченная из черного камня. Он не двигался. Не говорил. Не пытался убедить себя в том, что произошедшее было ошибкой. Потому что ошибкой это не было. Он видел ее. Слышал ее голос. Запомнил имя.

Эллианна.

Имя отозвалось в памяти слишком болезненно. Слишком знакомо и опасно.

За двести тридцать семь лет службы Дому Ноктарис Каэль научился принимать все, что приносила судьба. Он научился хоронить товарищей, выполнять приказы, которые ненавидел, и возвращаться с войн, после которых многие предпочитали добровольно уйти в Зал Безмолвия и больше никогда не брать в руки оружие.

Но растерянность была чувством, которое он почти забыл.

Мужчина медленно опустился на одно колено возле самой воды и коснулся поверхности озера кончиками пальцев. Вода оставалась холодной и спокойной. Будто ничего не произошло. Но он знал. Мирай никогда не ошибался.

Озеро было связано с Разломом.

А Разлом никогда не открывался случайно.

— Ты выбрал очень неподходящее время для пробуждения, — тихо произнес Каэль.

Его слова унес ветер. Впрочем, ответа он и не ждал. Он поднялся, расправил огромные темные крылья. Одно мощное движение. Еще одно. И через несколько секунд фигура мужчины уже поднималась над озером, направляясь к городу, который еще спал среди скал.

Астерион.

Столица Дома Ноктарис.

Город, который никогда не строили. Его выращивали.

Камень подчинялся магии древних хранителей и столетиями принимал форму башен, мостов и террас, соединявших между собой отвесные скалы. С высоты город напоминал гигантское серебристое дерево, пустившее корни в горный массив. Водопады срывались с уступов вниз, исчезая в облаках, а узкие воздушные мосты соединяли десятки башен, вершины которых терялись в утреннем тумане.

Каэль приземлился на одну из площадок перед центральной цитаделью.

И почти сразу услышал знакомый голос.

— Ты выглядишь так, словно провел ночь не на дежурстве, а в объятиях собственной смерти.

Каэль даже не обернулся. Потому что прекрасно знал, кому принадлежит этот голос.

Насмешливый. Мягкий. Почти дружелюбный.

Именно таким голосом обычно разговаривают люди, которые способны улыбаться во время переговоров о войне и искренне сочувствовать человеку, которого сами же несколько часов назад обрекли на поражение.

— Ты слишком рано проснулся для человека, который не имеет никакого отношения к военным дежурствам, — спокойно ответил Каэль.

— А ты слишком мрачен для человека, которому удалось пережить очередную ночь без покушения, переворота и нападения соседнего Дома, — отозвался собеседник. — Я начинаю переживать. Ты стареешь.

Каэль наконец повернул голову. Лиор стоял в нескольких шагах от него, небрежно прилонившись плечом к белоснежной колонне.

Если бы художника попросили изобразить идеального аристократа Эйрилона, он, вероятно, написал бы именно такого мужчину.

Высокий, стройный, но вовсе не хрупкий, Лиор обладал той особой грацией, которая появляется не от тренировок, а от осознания собственной привлекательности и положения в обществе. Его светлые волосы, чуть длиннее, чем было принято среди военных, свободно спадали до плеч, а глаза необычного янтарного оттенка казались почти золотыми в лучах поднимающегося солнца.

Черты его лица были мягче, чем у Каэля. Более утонченные. Более располагающие. В уголках губ постоянно жила тень улыбки, словно происходящее вокруг забавляло его больше, чем тревожило.

За спиной Лиора были сложены крылья.

В отличие от почти черного оперения Каэля, его крылья были светло-серыми с серебристым отливом, и даже в сложенном состоянии выглядели настолько безупречно, будто их владелец уделял им больше внимания, чем некоторые жители Астериона собственным детям.

Каэль скользнул взглядом по крыльям и усмехнулся.

— Ты опять их расчесывал.

— Конечно.

— В пять утра?

— Каэль, некоторые из нас обладают чувством прекрасного.

— А некоторые обладают чувством ответственности.

— И именно поэтому тебя любят солдаты, а меня женщины.

— Тебя любят не женщины.

— А кто?

— Ты сам.

Лиор тихо рассмеялся.

— Ну вот. Я уже начал скучать по твоим комплиментам.

Он выпрямился и внимательно посмотрел на друга. Улыбка постепенно исчезла.

— А теперь серьезно.

Каэль промолчал.

— Ты был у Мирая.

— Да.

— И что-то произошло.

— Почему ты так решил?

— Потому что за двести лет знакомства я научился понимать, когда ты раздражен, когда зол, когда собираешься кого-то убить и когда напуган.

Каэль поднял взгляд.

— Я не напуган.

— Значит, произошло что-то настолько плохое, что ты пока не придумал, как это назвать.

Несколько секунд между ними стояла тишина. Лиор больше не улыбался. Он умел быть внимательным. И именно поэтому считался одним из самых опасных людей при дворе Архонта.

— Сегодня ночью, — наконец произнес Каэль, — озеро откликнулось.

Лиор не пошевелился. Но янтарные глаза стали серьезнее.

— Ты уверен?

— Да.

— Ты видел кого-то?

— Видел.

— Хранителя?

— Нет.

— Представителя другого Дома?

— Нет.

Лиор чуть прищурился.

— Тогда кого?

Каэль некоторое время молчал.

А затем сказал:

— Человека.

— Из Нижнего мира?

— Да.

— Мужчину?

— Женщину.

Лиор выдохнул. Провел рукой по волосам. И неожиданно улыбнулся.

— Ну что ж.

— Что?

— Это объясняет твоё лицо.

— Мое лицо?

— Конечно. Представляю себе ситуацию. Командующий Каэль, победитель восстания Южных земель, герой трех кампаний и самый устрашающий мужчина Эйрилона внезапно встречает на берегу Мирая земную девушку.

— Ты невыносим.

— Нет, я очарователен.

— Ты сам это сказал.

— И не соврал.

Каэль впервые за утро позволил себе едва заметную улыбку. Но она быстро исчезла.

— Лиор.

— Да?

— Она назвала своё имя.

— И?

— Эллианна.

Улыбка медленно исчезла с лица Лиора. Он выпрямился. И впервые за весь разговор выглядел действительно встревоженным.

— Архонт уже знает?

— Пока нет.

— Тогда нам стоит поторопиться.

— Почему?

Лиор долго смотрел на него. А потом тихо произнес:

— Потому что если это имя связано с тем, о чем я думаю...

Он замолчал.

— То Эйрилон проснулся совсем не вовремя.

Дорога до Цитадели заняла совсем немного времени, однако Каэлю показалось, что он провел в размышлениях несколько часов.

Он почти не слышал, как приветствовали его стражи, не замечал молодых воинов, спешивших к тренировочным площадкам, и даже не обратил внимания на шум водопадов, которые сотни лет служили музыкой пробуждающегося Астериона.

Мысли возвращались только к одному.

К девушке. К тому, как она смотрела на него. Без страха и без благоговения. Без желания понравиться. Словно перед ней был просто человек. Не командующий. Не один из сильнейших воинов Ноктариса. Не тот, чьего имени опасались даже некоторые представители других Великих Домов.

Просто мужчина. Потерянный мужчина возле незнакомого озера.

— Ты уже третий раз проходишь мимо одной и той же колонны.

Голос Лиора прозвучал мягко, почти дружелюбно, но в нем слышалась внимательность человека, привыкшего замечать детали.

Каэль поднял голову. И действительно. Они стояли в западной галерее уже несколько минут. Лиор неспешно шел рядом, заложив руки за спину.

— Знаешь, — задумчиво произнес он, рассматривая профиль друга, — за последние сто лет я видел тебя разным. Видел после битвы на Хребте Шиар, когда ты трое суток не снимал доспехов, потому что вытаскивал раненых из-под завалов. Видел после казни заговорщиков, когда Архонт приказал тебе лично исполнить приговор, хотя прекрасно понимал, что ты ненавидишь подобные поручения. Видел после смерти Иара.

Он ненадолго замолчал.

— И даже тогда ты выглядел спокойнее.

Каэль медленно выдохнул.

— Не начинай.

— Нет, сегодня начну именно я. Потому что, если ты продолжишь молчать, через час весь дворец будет обсуждать две версии. Либо наш непобедимый командующий наконец сошел с ума. Либо в Эйрилоне произошло что-то настолько серьезное, что ты впервые за двести лет не можешь найти решение.

Каэль усмехнулся.

— Ты всегда был удивительно тактичным.

— А ты удивительно не благодарным слушателем.

Лиор остановился.

Впервые за все утро его лицо стало серьезным.

— Каэль. Посмотри на меня.

Тот нехотя поднял взгляд.

— Хорошо. Допустим, озеро действительно откликнулось. Допустим, ты действительно видел человека. Но почему ты выглядишь так, словно тебе сообщили о собственной казни?

Несколько секунд Каэль молчал. Потом негромко ответил:

— Потому что она была настоящей.

— Ты уверен?

— Я чувствовал ее присутствие.

— Эмоции можно почувствовать и во сне.

— Нет.

Каэль покачал головой.

— Ты не понимаешь. Она не вела себя как человек, попавший в пророчество. Не пыталась что-то узнать. Не задавала вопросы о Разломе. Не называла себя избранной. Она была растеряна. Шутила. Старалась скрыть страх. Говорила о своем мире так, словно до сна ее больше волновал развод, чем судьба двух миров.

Лиор неожиданно усмехнулся.

— Подожди. Она говорила с тобой о разводе?

Каэль нахмурился.

— Это сейчас важно?

— Безусловно.

— Почему?

— Потому что я пытаюсь представить лицо женщины, которая просыпается неизвестно где, встречает вооруженного мужчину с крыльями и решает обсудить с ним свою личную жизнь.

Каэль задумался. И неожиданно понял, что Лиор прав. Эллианна действительно была странной. Даже по человеческим меркам.

— Она сказала, что считает себя виноватой.

— В чем?

— В том, что муж ушел после смерти их ребенка.

Лиор перестал улыбаться.

— А.

Он опустил взгляд.

— Теперь понимаю, почему ты не смог смотреть на нее как на угрозу.

Каэль резко повернулся.

— Не выдумывай.

— Я ничего не выдумываю.

Лиор пожал плечами.

— Просто знаю тебя слишком давно. Ты всегда защищаешь сломанных.

— Я защищаю слабых.

— Нет.

Лиор покачал головой.

— Слабых ты обучаешь. Глупых ты раздраженно терпишь. Самоуверенных ты ставишь на место. А вот сломанных...

Он немного помолчал.

— Их ты почему-то всегда пытаешься спасти.

Каэль хотел ответить. Но двери Совета уже открылись. И оба мужчины одновременно замолчали. Потому что внутри их уже ждал человек, которому даже Лиор никогда не позволял себе улыбаться слишком широко.

Архонт Аэрон.

Двери зала Совета бесшумно распахнулись.

Каэль первым вошел внутрь, привычно скользнув взглядом по длинному помещению, которое больше напоминало храм, высеченный внутри горы, чем место для обсуждения военных и политических вопросов.

Высокие своды терялись где-то в полумраке, а стены были пронизаны тонкими серебряными прожилками живого камня, мерцавшего мягким холодным светом. В центре зала находился огромный круглый стол, поверхность которого представляла собой карту Эйрилона. Горные цепи поднимались над ней объемными гребнями, реки переливались настоящей водой, а над территориями Великих Домов мерцали миниатюрные символы их власти.

Однако внимание Каэля, как и всегда, почти сразу остановилось на человеке, стоявшем у высокого окна.

Архонт Аэрон.

Несмотря на то, что его возраст давно перевалил за четыре столетия, он не выглядел стариком.

Напротив. В нем было что-то пугающе совершенное.

Высокий, широкоплечий, с прямой осанкой человека, никогда не позволяющего себе показывать усталость, Аэрон казался воплощением той власти, которая не нуждается в демонстрации собственной силы.

Его длинные волосы цвета серебра были свободно собраны на затылке, открывая лицо с резко очерченными скулами, прямым носом и тонкими губами, на которых редко можно было увидеть даже подобие улыбки. Светлые глаза, почти бесцветные при определенном освещении, смотрели на собеседников так внимательно, что у многих возникало неприятное ощущение, будто Архонт видит не только слова, которые они произносят, но и мысли, которые предпочли бы оставить при себе.

Его крылья были сложены за спиной. Огромные. Белоснежные. С едва заметным серебристым отливом.

Они резко отличались от темного оперения большинства представителей Дома Ноктарис и служили постоянным напоминанием о том, что род Аэрона происходил от древней линии хранителей Разлома.

Когда Каэль и Лиор приблизились, Архонт даже не обернулся.

Он продолжал смотреть на просыпающийся Астерион.

— Если я правильно помню, — произнес он спокойным голосом, — утренний доклад начинается через двадцать минут. А это означает, что вы пришли ко мне раньше положенного времени не потому, что внезапно стали образцовыми подданными.

Лиор позволил себе едва заметно улыбнуться.

— Вы слишком хорошо нас знаете.

— К сожалению, — сухо ответил Аэрон. — Особенно тебя.

— Это ранит меня.

— Не настолько сильно, чтобы ты перестал вмешиваться в дела, которые тебя не касаются.

Лиор развел руками.

— Но если бы я перестал это делать, вам было бы скучно.

Архонт медленно повернулся. И тогда его взгляд остановился на Каэле. Всего на секунду. Но этой секунды оказалось достаточно.

— Что произошло?

Каэль немного удивился.

— Вы еще ничего не слышали.

В помещении повисла тишина. Лиор перестал улыбаться. Каэль сделал вдох.

И произнес:

— Сегодня ночью озеро Мирай откликнулось.

Аэрон не изменился в лице. Только взгляд стал внимательнее.

— Продолжай.

— На его берегу появилась женщина.

— Из какого Дома?

— Ни из какого.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Тогда откуда?

Каэль выдержал паузу.

— Она человек.

Впервые за весь разговор Архонт медленно опустил руки на стол.

— Повтори.

— Она человек.

— Земная?

— Да.

Архонт несколько секунд смотрел на Каэля.

Затем перевел взгляд на Лиора.

— Ты присутствовал?

— Нет. Но, к сожалению или к счастью, наш суровый герой не похож на человека, который способен сочинять истории.

— Она появилась внезапно. Я не почувствовал открытие Разлома. Не почувствовал всплеска силы. Просто обернулся и увидел женщину, стоящую у берега. Она была напугана, но пыталась это скрыть. Оглядывалась по сторонам, задавала вопросы, пыталась понять, где находится.

Аэрон слушал молча.

— И как она себя вела?

На губах Каэля мелькнула едва заметная тень улыбки.

— Если честно... совсем не так, как я ожидал.

— Поясни.

— Я ожидал увидеть человека, охваченного паникой. Или, наоборот, кого-то, кто начнет задавать десятки вопросов о мире, магии и крыльях. Но она... она неожиданно пошутила.

— Пошутила?

В голосе Архонта впервые прозвучало удивление.

— Да. Она сказала, что, если это сон, значит, у нее слишком богатое воображение. А позже заметила, что я веду себя загадочнее, чем герои дешевых земных сериалов.

Лиор тихо усмехнулся.

— Признаться, мне уже нравится эта женщина. За двести лет знакомства я сам не раз хотел сказать тебе что-то подобное, Каэль, но опасался, что ты сочтешь это поводом для тренировочного поединка.

— Ты никогда не опасался последствий своих слов.

— Разумеется. Иначе моя жизнь была бы невыносимо скучной.

Аэрон не обратил внимания на их привычную пикировку.

— А что ты почувствовал сам?

Вопрос прозвучал неожиданно. Каэль нахмурился.

— Не понимаю.

— Понимаешь, — спокойно возразил Архонт. — Я спрашиваю не о том, что ты увидел. Я спрашиваю о том, что ты испытал, когда встретился с ней взглядом.

В комнате стало тихо. Даже Лиор перестал улыбаться. Каэль долго молчал.

— Мне показалось... что она не должна была там быть.

— Это очевидно.

— Нет.

Он покачал головой.

— Вы не поняли. Мне показалось, что она не принадлежит этому миру настолько сильно, что само ее присутствие нарушает порядок вещей. Но одновременно возникло ощущение, будто озеро ждало именно ее.

Лиор тихо усмехнулся.

— Мне уже нравится эта женщина.

Каэль бросил на него недовольный взгляд. Но Архонт неожиданно спросил:

— Она назвала свое имя?

Наступила тишина.

Каэль почувствовал, как напряжение вновь возвращается.

— Да.

— И?

— Эллианна.

В этот раз Аэрон изменился. Совсем немного. Но достаточно, чтобы оба мужчины это заметили. Он медленно отвернулся к окну. И впервые за долгое время в его голосе прозвучало нечто похожее на тревогу.

— Значит...

Он замолчал.

А затем тихо добавил:

— Похоже, старые легенды решили напомнить о себе.

В комнате на несколько секунд воцарилась тишина.

Даже Лиор, обычно находивший повод для шутки в самых неподходящих обстоятельствах, больше не улыбался. Он внимательно наблюдал за Архонтом, словно пытался определить, насколько серьезными были его слова. Каэль же смотрел прямо на Аэрона.

За свой срок службы он научился понимать правителя лучше многих.

Аэрон никогда не бросался громкими фразами. Никогда не пугал окружающих древними легендами. Никогда не говорил о хрониках, если не считал это необходимым. А значит, происходящее действительно выходило за рамки обычной аномалии.

Архонт медленно подошел к столу, провел ладонью по поверхности живого кристалла, и карта Эйрилона под его пальцами слегка засветилась.

— Вы оба слишком молоды, чтобы помнить последние годы жизни Иларии, — произнес он негромко, не отрывая взгляда от карты. — Даже я застал лишь рассказы тех, кто видел ее собственными глазами. Но имя Эллианна упоминается в хрониках не случайно. Оно принадлежало ребенку, которому не суждено было родиться в нашем мире.

Лиор слегка нахмурился.

— Вы говорите о Хранительнице Разлома?

— Я говорю о женщине, которая нарушила закон, существовавший тысячи лет, — спокойно поправил его Аэрон. — О женщине, которая полюбила человека из другого мира.

— Любовная история, — пробормотал Лиор. — Как правило, именно они и создают самые большие проблемы государствам.

Аэрон поднял взгляд.

— Если бы это была всего лишь любовная история, Лиор, я бы не стал тратить на нее время. Илария была последней из рода Первых Хранителей. Ее кровь удерживала равновесие между мирами. Когда она исчезла, вместе с ней исчезла и надежда, что Разлом когда-нибудь вновь подчинится кому-либо.

Каэль задумчиво опустил взгляд.

— Но вы сказали, что имя принадлежало ребенку.

— Да.

Аэрон выдержал паузу.

— По официальной версии, ребенок погиб вместе с матерью.

— А по неофициальной? — спросил Лиор.

Архонт некоторое время молчал.

— По неофициальной версии, ребенок никогда не умирал. Он был спрятан. Выведен за пределы Эйрилона. И если это правда...

Аэрон посмотрел на Каэля.

— Тогда женщина, которую ты встретил этой ночью, может оказаться не угрозой.

Он сделал паузу.

— А наследницей.

Тяжелый удар гонга, раздавшийся где-то в глубине Цитадели, нарушил повисшую тишину.

Первый. За ним второй. А затем третий.

Сигнал к началу Совета.

Аэрон отвел взгляд от Каэля и медленно выпрямился.

Его лицо вновь приобрело привычное выражение холодного спокойствия, словно несколько мгновений назад он не допускал существования женщины, способной изменить судьбу Эйрилона.

— Мы вернемся к этому разговору позже, — произнес Архонт, поправляя темную застёжку на рукаве. — Пока же никто, кроме нас троих, не должен знать ни имени этой женщины, ни того, что произошло у Мирая.

Лиор чуть склонил голову.

— Боюсь, это будет сложнее, чем кажется. Озеро молчало триста лет. Если его пробуждение почувствовали хранители Северных рубежей или представители других Домов, слухи начнут расползаться уже к вечеру.

— Поэтому я и сказал — никто не должен знать подробностей, — спокойно ответил Аэрон. — Слухи невозможно остановить. Но можно направить их в нужное русло.

— Вы уже решили, что скажете Совету?

— Разумеется.

Архонт позволил себе едва заметную улыбку. Это была не улыбка человека, испытывающего радость.

Это была улыбка политика, привыкшего выигрывать партии еще до того, как противник понимает, что игра началась.

— Совет услышит правду, — продолжил он. — Но не всю. Сегодня им достаточно знать, что Разлом подал признаки активности. Этого хватит, чтобы заставить присутствующих забыть о собственных интригах хотя бы на несколько часов.

Лиор усмехнулся.

— Недооцениваете наших аристократов. Они способны плести заговоры даже во время похорон.

— Не сомневаюсь, — сухо произнес Аэрон. — Но, к счастью, у меня достаточно опыта, чтобы отличать опасных людей от шумных.

Он перевел взгляд на Каэля.

— А ты...

Каэль поднял голову.

— Да, Архонт?

— Я хочу, чтобы ты внимательно вспомнил каждую деталь этой встречи. Не только то, что она говорила, но и то, как двигалась, как реагировала, что вызвало у нее интерес, чего она боялась, что пыталась скрыть. Люди редко лгут словами. Гораздо чаще их выдают мелочи.

Каэль ненадолго задумался.

Перед глазами вновь возник берег Мирая. Влажные камни. Свет двух лун. Женщина, которая отчаянно пыталась сохранять самообладание, хотя было очевидно, что происходящее выбивает почву у нее из-под ног.

— Она не боялась меня, — неожиданно произнес он.

Лиор вопросительно поднял бровь.

— Ты в этом уверен?

— Да. Она была растеряна. Напряжена. Но не испытывала страха передо мной.

— Любопытно, — задумчиво сказал Аэрон. — Большинство землян, оказавшись ночью у озера перед незнакомцем с оружием и крыльями, скорее всего, попытались бы бежать.

— Она задавала вопросы, — продолжил Каэль. — И шутила. Мне показалось, что это был способ справиться со стрессом.

— Или признак характера, — мягко заметил Лиор. — Некоторые люди смеются именно тогда, когда им страшнее всего.

Аэрон некоторое время молчал.

— А имя... — наконец произнес он. — Она назвала его сразу?

— Нет.

— Ты спросил первым?

— Да.

— И когда слышала твое имя?

— Сказала, что оно красивое.

Лиор тихо рассмеялся.

— Ну, хотя бы вкус у нее есть.

Каэль посмотрел на него с нескрываемым раздражением.

— Ты можешь хоть раз отнестись к происходящему серьезно?

— Каэль, я отношусь к происходящему очень серьезно. Именно поэтому предпочитаю шутить сейчас. Потому что если перестану, то начну задавать себе гораздо менее приятные вопросы.

— Например?

Лиор медленно выдохнул.

— Например, почему из миллионов людей Земли Разлом выбрал именно женщину, пережившую развод, потерю ребенка и находящуюся на грани полного эмоционального истощения.

Он перевел взгляд на Аэрона.

— И почему мне кажется, что это совсем не случайность.

Архонт ничего не ответил.

Но по тому, как напряглись его плечи, стало ясно: он задает себе тот же вопрос.

И именно в этот момент двери Зала Совета начали открываться.

В Эйрилоне начинался день.

А вместе с ним — игра, в которой ставки оказались гораздо выше, чем кто-либо из присутствующих был готов признать вслух.

Тяжелые двери Зала Совета распахнулись.

Аэрон первым направился вперед. Каэль и Лиор последовали за ним.

В отличие от кабинета Архонта, предназначенного для узкого круга доверенных лиц, зал Совета был создан для того, чтобы производить впечатление.

Высокий купол терялся где-то в полумраке под потолком, поддерживаемый двенадцатью колоннами, каждая из которых была высечена из цельного белого кристалла. По стенам медленно текли тонкие струи воды, уходившие в неглубокие бассейны, опоясывавшие помещение.

В центре возвышался круглый стол. Не трон. Не возвышение. А именно стол.

Первый Архонт Эйрилона когда-то сказал:

— Пока мы способны сидеть друг напротив друга, а не смотреть друг на друга сверху вниз, у нас еще есть шанс избежать войны.

К сожалению, последние двести лет доказывали, что шанс этот становился все меньше.

Советники уже собирались. Одни тихо переговаривались между собой. Другие намеренно делали вид, что не замечают соседей. Третьи внимательно следили за каждым движением Аэрона.

Каэль занял привычное место справа от Архонта. Лиор устроился слева, с видом человека, пришедшего не на политическое заседание, а на спектакль.

— Когда-нибудь твое выражение лица доведет меня до убийства, — негромко произнес Каэль.

Лиор лениво повернулся к нему.

— Ты говоришь это уже сто пятьдесят лет. Если бы действительно собирался меня убить, давно бы сделал это.

— Я все еще надеюсь, что кто-нибудь сделает это раньше меня.

— Видишь? Вот именно поэтому я считаю наши отношения трогательной дружбой. Каэль покачал головой.

— Наши отношения держатся исключительно на том, что Архонт запрещает мне тебя бить.

— И еще на том, что без меня ты бы окончательно превратился в ворчливого старика.

— Мне двести тридцать семь.

— Именно.

— Для нашего народа это молодость.

— Не преувеличивай.

— Не я сейчас трачу час на уход за перьями.

— Это называется уважение к собственной внешности.

— Это называется тщеславие.

— Зависть тебе совершенно не идет.

— А самовлюбленность идет?

— Безусловно.

Лиор улыбнулся. Но улыбка постепенно исчезла. Потому что двери открылись. И в зал вошли представители остальных Великих Домов.

Первой появилась женщина. Высокая. Стройная. С кожей цвета теплого меда. Ее длинные темные волосы были собраны в сложное плетение, украшенное тонкими серебряными нитями. За ее спиной были сложены крылья цвета старого золота.

Лиор тихо выдохнул.

— Ну вот.

— Что?

— День испорчен.

— Почему?

— Пришла леди Серания.

— И?

— А это значит, что через десять минут она снова начнет убеждать всех, что Дом Соларис должен получить дополнительные территории.

Каэль усмехнулся.

— Может быть, она просто хочет мира.

— Каэль, если Серания говорит о мире, значит, она уже придумала, как выиграть следующую войну.

Некоторое время зал наполнялся приглушенными разговорами.

Члены Совета занимали свои места, обменивались вежливыми поклонами, негромкими замечаниями и дежурными улыбками, за которыми скрывались десятки старых обид, политических расчетов и временных союзов.

Каэль наблюдал за происходящим молча. Он привык к подобным собраниям.

Привык видеть, как представители Великих Домов улыбаются друг другу, а спустя неделю направляют отряды к спорным границам.

Привык слушать речи о мире, которые заканчивались просьбами увеличить численность гарнизонов.

Но сегодня ему было сложно сосредоточиться.

Перед глазами вновь вставал берег Мирая. И женщина.

Эллианна.

Живая. Растерянная. Смешная в своей попытке скрыть страх. И слишком настоящая для сна.

— Ты опять исчезаешь из разговора, — негромко произнес Лиор, не поворачивая головы.

— Я слушаю.

— Нет.

— Нет?

— Ты смотришь на леди Серанию уже минуту, но не замечаешь, что она успела дважды улыбнуться Архонту и трижды посмотреть в нашу сторону.

Каэль слегка нахмурился.

— И что?

— Обычно ты замечаешь такие вещи.

— Сегодня не обычно.

Лиор искоса посмотрел на него.

— Вот это меня и беспокоит.

— Тебя беспокоит все.

— Нет. Меня беспокоят только те вещи, которые способны разрушить государство, привести к войне или заставить тебя перестать быть собой. И, к сожалению, сейчас я подозреваю сразу все три варианта.

Каэль не ответил. Он не хотел признавать этого даже самому себе, но Лиор был прав.

Он действительно чувствовал себя иначе. Не слабее. Не растерянее. Но словно кто-то сдвинул одну из опор, на которых держался привычный мир.

Размышления прервались, когда Аэрон поднялся со своего места. Разговоры стихли почти мгновенно. Архонт не повышал голос. Никогда. В этом не было необходимости.

Тишина приходила сама. Как приходит штиль перед бурей.

Он медленно обвел взглядом собравшихся. Задержался на представителях Домов. На генералах. На советниках. На хранителях архивов. И только убедившись, что внимание присутствующих принадлежит ему полностью, заговорил.

— Обычно на утренних Советах мы обсуждаем вопросы, касающиеся границ, торговли, снабжения гарнизонов или дипломатических отношений с соседними территориями. Некоторые из вас уже подготовили длинные речи. Некоторые надеются получить дополнительные средства из казны. Некоторые, я уверен, пришли сюда исключительно ради того, чтобы помешать своим политическим противникам.

В зале послышались сдержанные усмешки. Лиор едва заметно улыбнулся. Серания демонстративно выпрямилась.

Аэрон выдержал паузу.

— Боюсь, сегодня я вынужден вас разочаровать.

Он положил ладони на поверхность живой карты Эйрилона. Свет внутри нее стал ярче. По залу пробежала едва уловимая волна напряжения.

— Потому что сегодня мы будем говорить не о границах. Не о казне и не о договорах.

И даже не о войне.

Его голос стал тише. Но именно поэтому каждое слово прозвучало отчетливее.

— Сегодня мы будем говорить о Разломе.

Тишина наступила мгновенно. Настолько плотная, что стало слышно, как вода стекает по стенам зала.

Кто-то побледнел. Кто-то нахмурился. Кто-то непроизвольно посмотрел на соседей.

А пожилой архивариус, сидевший в дальнем конце стола, едва не выронил из рук перо. Именно тогда Каэль понял одну простую вещь.

До этой минуты он был не единственным человеком в Эйрилоне, который боялся того, что произошло этой ночью.

Просто остальные еще не знали, насколько сильно им стоит бояться.

Несколько долгих секунд никто не произносил ни слова.

Само слово «Разлом» словно изменило воздух в зале. Привычный утренний шум стих окончательно. Даже те советники, которые еще мгновение назад обменивались насмешливыми

взглядами и готовились к очередным спорам о налогах и приграничных гарнизонах, теперь сидели неподвижно.

Первой нарушила молчание леди Серания.

Она медленно поднялась со своего места, расправляя золотистые крылья ровно настолько, чтобы подчеркнуть свой статус, но не нарушить придворный этикет.

— Архонт, — ее голос звучал мягко и мелодично, однако в нем чувствовалась привычка добиваться желаемого не силой, а словами. — Вы прекрасно понимаете, что подобные заявления нельзя делать без веских доказательств. Разлом не проявлял активности более трех столетий. Последние Хранители давно исчезли, а хроники содержат слишком много противоречий. Не думаю, что мы должны тревожить Совет лишь потому, что кто-то почувствовал необычные колебания магических потоков.

Аэрон внимательно посмотрел на нее.

— Если бы речь шла только о колебаниях потоков, леди Серания, я бы не созывал вас раньше времени и не отменял обсуждение договора с Домом Астрэль.

Женщина слегка склонила голову.

— Тогда, возможно, нам стоит услышать подробности.

— Услышите.

— Все подробности?

— Нет.

Ответ Аэрона прозвучал спокойно. Слишком спокойно. Именно поэтому многие присутствующие напряглись еще сильнее.

Лиор слегка подался вперед, наблюдая за реакцией советников, словно шахматист, оценивающий позиции фигур на доске.

— Любопытно, — негромко произнес он. — Обычно, когда Архонт говорит, что не собирается рассказывать все, это означает, что ситуация гораздо хуже, чем мы можем представить. Несколько человек неодобрительно посмотрели в его сторону.

— Лорд Лиор, — сухо заметил седовласый советник, сидевший напротив. — Вы могли бы хотя бы раз воздержаться от комментариев.

Лиор улыбнулся.

— Разумеется, мог бы. Но тогда вы лишитесь единственного источника хорошего настроения в этом зале.

— Вы слишком высокого мнения о себе.

— Нет, — мягко возразил Лиор. — Просто я достаточно давно живу среди вас, чтобы понимать: если не улыбаться, можно преждевременно состариться.

Каэль тяжело вздохнул. Иногда ему казалось, что Лиор специально провоцирует окружающих исключительно ради собственного удовольствия. И, что было хуже всего, зачастую ему это удавалось.

Аэрон поднял руку. Разговоры мгновенно стихли.

— Я не собираюсь обсуждать древние легенды или спорить о достоверности архивов, — сказал он. — Меня интересует другое. Если Разлом действительно начал пробуждаться, мы должны быть готовы к последствиям.

— Каким именно? — спросил один из генералов.

Архонт некоторое время молчал.

— Последний раз, когда Разлом был открыт, Эйрилон едва не погрузился в гражданскую войну. Великие Дома пытались получить контроль над Хранителями. Союзы распались. Семьи предавали друг друга. И если история решит повториться...

Он сделал паузу.

— Я не позволю этому миру вновь пройти через подобное.

В этот момент Каэль поймал себя на странной мысли. До сих пор он воспринимал Эллианну как загадку. Как проблему. Как аномалию. Но сейчас, слушая разговоры Совета, он впервые представил ее здесь. Одну. Растерянную. Ничего не понимающую.

Окруженную людьми, которые будут видеть в ней не женщину, потерявшую семью и пытающуюся заново научиться жить, а силу, титул, власть и возможность изменить баланс между Домами.

И почему-то эта мысль вызвала у него неприятное чувство. Настолько неприятное, что он неожиданно осознал:

Он не хотел, чтобы Эллианна когда-либо оказалась в этом зале.

Именно тогда Лиор, внимательно наблюдавший за другом, едва заметно улыбнулся.

Потому что, кажется, начал понимать то, чего сам Каэль пока еще не был готов признать.

Несколько мгновений в зале стояла тишина. Затем поднялся лорд Эстар Веларион.

Возраст давно серебрил его волосы, однако в осанке и манере держаться чувствовался человек, который привык влиять на решения правителей задолго до рождения большинства присутствующих. Его крылья, сложенные за спиной, были темно-серыми, почти стальными, а глубокие морщины возле глаз говорили не столько о старости, сколько о привычке постоянно наблюдать и анализировать.

— Ваше Высочество, — произнес он, слегка склонив голову, — позвольте задать вопрос, который, полагаю, интересует сейчас каждого из присутствующих.

Аэрон посмотрел на него спокойно.

— Задавайте.

— Вы говорите о пробуждении Разлома так, словно сомнений уже не осталось. Следовательно, у вас есть основания считать, что произошло нечто большее, чем просто магическая аномалия. Мы имеем право знать, что именно послужило причиной подобных выводов.

В зале вновь воцарилась напряженная тишина. Некоторые советники переглянулись.

Другие внимательно наблюдали за Архонтом.

Аэрон некоторое время молчал. Он никогда не торопился отвечать. Словно давал людям возможность осознать важность собственных вопросов.

— Да, основания у меня есть, — наконец сказал он. — Однако я не считаю необходимым обсуждать их в полном составе Совета.

— Даже сейчас? — осторожно уточнила Серания.

— Особенно сейчас.

— Но если существует угроза...

— Леди Серания, — мягко перебил ее Аэрон, — угроза появляется не тогда, когда происходит нечто неизвестное. Угроза появляется тогда, когда слишком много людей начинают бороться за право обладать этим неизвестным.

Серания опустила обратно в кресло. Но выражение ее лица стало задумчивым.

Лиор едва заметно усмехнулся.

— И вот поэтому я никогда не спорю с Архонтом.

Каэль повернул голову.

— Ты споришь с ним ежедневно.

— Нет.

Лиор покачал головой.

— Я создаю иллюзию спора. Это совершенно разные вещи.

— Ты невозможен.

— Зато жив.

— Пока.

— Как приятно слышать заботу в твоём голосе.

Аэрон не удостоил их даже взглядом. Он вновь обвел присутствующих глазами.

— Сегодня я приказываю усилить наблюдение за Мираем.

— Какими силами? — спросил генерал Тарион.

— Вашими.

— Только моими?

— Нет.

Аэрон повернулся к Каэлю.

— И силами командующего Ноктариса.

Каэль поднялся.

— Я готов.

— Но есть условие.

— Слушаю.

— Никто из ваших людей не должен предпринимать попыток проникнуть через Разлом.

— А если он откроется снова?

— Вы будете наблюдать.

— И только?

— Да.

— Даже если появится кто-то еще?

— Даже если появится кто-то еще.

Каэль нахмурился.

— Простите, Архонт, но я не понимаю.

Аэрон посмотрел ему прямо в глаза.

— Я знаю.

— Тогда объясните.

Архонт выдержал небольшую паузу.

— Потому что есть вещи, Каэль, которые нельзя преследовать.

— Почему?

— Потому что иногда достаточно одного неверного шага, чтобы человек навсегда закрыл путь обратно.

Совет постепенно подходил к концу. Советники поднимались. Образовывались небольшие группы. Начинались тихие обсуждения.

Каэль уже собирался выйти из зала, когда заметил, как Серания приблизилась к Лиору.

— Сегодня ты удивительно молчалив, — произнесла она негромко.

Лиор улыбнулся.

— Это потому, что ты дважды назвала меня безответственным при всем Совете.

— Только дважды? Значит, я становлюсь мягче.

— Это пугает меня еще сильнее.

Серания чуть наклонилась ближе.

— Не притворяйся. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Это самая опасная фраза, которую женщина может сказать мужчине.

— Особенно если она говорит правду.

Лиор усмехнулся.

— А что говорит женщина, когда хочет услышать правду?

— Она не задает вопросов на людях.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Совсем недолго. Но этого хватало, чтобы понять — между ними существует что-то большее, чем политика.

Серания тихо сказала:

— Сегодня вечером.

— У меня дела.

— Лиор.

- Хорошо. У меня были дела.
- Восьмая терраса.
- Ты даже не сомневалась, что я соглашусь?
- За последние тридцать четыре года ты отказал мне всего один раз.
- И ты до сих пор это помнишь.
- Конечно.

Она слегка улыбнулась.

- Потому что тогда ты действительно был влюблен.

Лиор впервые перестал улыбаться.

- Не начинай.
- Значит, до сих пор болит?
- Значит, некоторые темы не предназначены для обсуждения.

Серания внимательно посмотрела на него.

- Как скажешь.

Она развернулась и ушла. А Казэль, наблюдавший за этой сценой издалека, только покачал головой.

- Когда-нибудь это закончится плохо.
- Лиор подошел к нему.
- Почему?
 - Потому что она любит власть.
 - А я люблю неприятности.
 - Это не одно и то же.
 - Ошибаешься, мой друг. Иногда это практически синонимы.

Коридоры Цитадели постепенно пустели.

Совет закончился совсем недавно, однако его последствия еще долго будут обсуждаться в гостиных, тренировочных дворах и закрытых кабинетах. Кто-то будет строить догадки, кто-то искать союзников, кто-то пытаться узнать, что именно скрывает Архонт.

Каэль шел быстро. Почти слишком быстро. Словно хотел уйти не от людей, а от собственных мыслей.

Он уже почти достиг открытой галереи, выходящей на восточные террасы, когда за спиной послышались знакомые шаги.

— Я начинаю думать, что ты решил установить новый рекорд по бегству от разговоров.

Каэль даже не обернулся.

— А я начинаю думать, что тебе совершенно нечем заняться.

— Ошибаешься. У меня огромное количество дел. Например, сегодня вечером меня ждет очень требовательная женщина, которая считает, что я уделяю государственным проблемам слишком много времени.

— Тогда иди к ней.

— Пойду.

— Тогда почему стоишь здесь?

— Потому что мой лучший друг выглядит так, словно готов броситься в Разлом голыми руками, если это понадобится.

Каэль остановился. Медленно выдохнул. Оперся ладонями о каменное ограждение галереи. Внизу шумела река. Ветер слегка шевелил темные перья его крыльев.

Лиор подошел ближе. Уже без привычной улыбки.

— Ты ведь уже думаешь о ней.

— Нет.

— Тогда почему ты выглядел так, будто готов был спорить с Архонтом впервые за двести лет?

— Я не собирался спорить.

— Каэль, я знаю тебя слишком давно, чтобы поверить в это. Ты бы подчинился приказу. Ты всегда подчиняешься приказам. Но сегодня впервые за очень долгое время ты хотел услышать другое решение.

— Какое?

— Чтобы Архонт сказал: «Приведите ее сюда. Она под нашей защитой».

Каэль промолчал.

— Видишь? — тихо сказал Лиор. — Ты даже не стал отрицать.

— Потому что дело не в ней.

— А в чем?

— В ситуации.

— Конечно.

Лиор слегка усмехнулся.

— Всегда ситуация. Никогда не чувства.

Каэль резко повернул голову.

— Ты прекрасно знаешь, что чувства здесь не имеют никакого отношения.

— Нет, мой друг. Я знаю другое.

Он подошел ближе.

— Я знаю человека, который всегда исполнял приказы. Который отправлялся на войну, не задавая вопросов. Который приводил заговорщиков к эшафоту, хотя потом неделями не выходил из своей комнаты. Который хоронил друзей, учеников и каждый раз убеждал себя, что такова цена долга.

Лиор помолчал.

— И я впервые вижу человека, который за одну ночь начал бояться не за мир, не за Разлом, не за Архонта.

Он внимательно посмотрел на Каэля.

— А за совершенно незнакомую женщину.

— Она ничего не знает об Эйрилоне.

— Да.

— Она не умеет пользоваться силой.

— Да.

— Она человек.

— Да.

— Она окажется среди тех, кто будет видеть в ней кровь, титул, власть, пророчество.

— Да.

— И ты считаешь нормальным оставить ее одну?

Лиор долго молчал. Ветер гулял между колоннами. Где-то внизу смеялись молодые воины.

Жизнь продолжалась. Только для них двоих мир уже немного изменился.

— Нет, — наконец сказал Лиор.

— Я не считаю это нормальным.

— Тогда почему ты споришь со мной?

Лиор улыбнулся. Грустно. Совсем не так, как обычно.

— Потому что боюсь.

Каэль нахмурился.

— Чего?

— Того, что ты не понимаешь, насколько опасна эта дорога.

— Я не понимаю.

— Именно.

Лиор отвернулся, посмотрев вдаль.

— Когда-то я тоже увидел женщину и решил, что просто хочу ее защитить. Потом оказалось, что я жду ее писем. Потом начал искать повод встречаться чаще. Потом стал переживать, когда она исчезала на несколько дней. А однажды понял, что готов поссориться с Архонтом, с Советом и с половиной Эйрилона, лишь бы с ней ничего не случилось.

Он усмехнулся.

— Очень неприятное открытие, знаешь ли.

Каэль некоторое время молчал.

— Ты говоришь о Серании?

Лиор тихо рассмеялся.

— Нет. С Серанией все намного проще.

Он повернулся к другу.

— Я говорю о том, что иногда мы принимаем зарождающиеся чувства за чувство ответственности. Особенно мужчины, которые привыкли спасать других.

Он положил руку на плечо Каэля.

— И мне очень не хотелось бы увидеть, как однажды ты поймешь это слишком поздно.

Каэль посмотрел на горизонт.

Перед глазами вновь возникло лицо Эллианны. Ее растерянная улыбка. Ее голос. И то, как она пыталась казаться сильнее, чем была на самом деле.

— Ты ошибаешься, — тихо сказал он.

Лиор улыбнулся.

— Очень надеюсь. Потому что если ошибаюсь я, это просто неловкий разговор двух друзей. А если ошибаешься ты...

Он выдержал паузу.

— Тогда эта женщина станет самой большой войной в твоей жизни.

Каэль еще несколько секунд стоял в галерее, провожая взглядом последние лучи заходящего солнца, скользившие по белым крышам Астериона. Ветер перебирал темные перья его крыльев, а в голове вновь и вновь звучали слова Лиора.

«Тогда эта женщина станет самой большой войной в твоей жизни».

Он резко выдохнул.

— Он действительно неисправим.

— Кто?

Голос раздался неожиданно. Каэль обернулся. Лиор стоял в нескольких шагах, уже собираясь уходить.

— Ты же ушел.

— Ушел.

— Тогда почему вернулся?

— Потому что забыл сказать одну важную вещь.

— Какую?

Лиор улыбнулся.

— Если ты все-таки решишь нарушить приказ Архонта и самостоятельно отправиться к Мираю, постарайся сделать это хотя бы после моего свидания.

— У тебя свидание?

— Я предпочитаю называть это сложными дипломатическими переговорами.

— С Серанией?

— Каэль.

— Что?

— Иногда ты бываешь пугающе наблюдательным.

— А иногда ты слишком самодоволен.

— Нет. Просто красив.

— Иди уже.

— Иду.

Лиор отсалютовал двумя пальцами и скрылся за поворотом. Каэль покачал головой. Именно в этот момент в дальнем конце галереи едва заметно дрогнула тень. Кто-то стоял между колоннами. Неподвижно. Тихо. Наблюдая. Высокая фигура отделилась от стены лишь тогда, когда Каэль ушел.

Мужчина был одет в темно-синий плащ с глубоким капюшоном. За спиной угадывались сложенные крылья необычного оттенка — не черные, не серебристые и не золотые.

Синие. Цвета ночного неба перед бурей. Несколько секунд он смотрел вслед командующему. А затем тихо произнес:

— Значит, это правда.

Он достал из рукава небольшой кристалл связи. Тот вспыхнул тусклым светом.

— Передайте госпоже, что Разлом пробудился. И, похоже, командующий Ноктариса уже успел заинтересоваться той, кто пришла из другого мира.

На другом конце связи наступила пауза. После чего раздался спокойный женский голос:

— Следите за ним. И ни при каких обстоятельствах не приближайтесь к женщине. Пока.

Связь оборвалась. Мужчина медленно убрал кристалл. И впервые за долгое время улыбнулся. Потому что понимал: если слухи окажутся правдой, то наследница Разлома станет не только надеждой Эйрилона.

Она может стать оружием. А за оружие всегда начинают бороться раньше, чем оно понимает собственную ценность.

Глава 3 Перо

Утро встретило Эллианну серым небом и мелким дождем, который с самого рассвета барабанил по подоконнику.

Она проснулась раньше будильника. Вернее, ей показалось, что она вообще не спала.

Ночь превратилась в бесконечную череду тревожных пробуждений, спутанных мыслей и попыток убедить себя в том, что человеку иногда действительно могут сниться слишком реалистичные сны.

Особенно если последние полгода его жизнь больше напоминает затянувшуюся черную полосу.

Эллианна лежала на спине, бездумно разглядывая потолок своей небольшой квартиры. Когда-то здесь было уютно. По крайней мере, ей так казалось. Светлые стены. Полки с книгами. Комнатные растения, за которыми раньше ухаживал Андрей. Фотографии из путешествий. Мягкий плед, купленный во время поездки в горы. Когда-то это был дом. Теперь же он превратился в место, в котором она просто существовала.

Прошло 4 месяца после развода.

И, наверное, самым страшным оказалось даже не расставание.

Страшнее было осознание, что однажды ты просыпаешься и понимаешь: боль уже не режет изнутри. Она становится привычной. Как старая травма, которая ноет перед дождем. Ты привыкаешь к пустому месту рядом на кровати. Привыкаешь есть в одиночестве. Привыкаешь не ждать сообщений. Привыкаешь не рассказывать никому, как прошел день. И именно это пугает сильнее всего.

Эллианна тяжело выдохнула и села. Взгляд сам собой упал на прикроватную тумбу. Перо никуда не исчезло. Оно лежало там же, где она оставляла его ночью. Большое. Почти с ладонь длиной. Черное. Но не обычного черного цвета.

Если присмотреться, на кончиках отдельных волокон можно было заметить тонкий серебристый отблеск, словно кто-то провел по ним жидким лунным светом.

— Нет, — тихо сказала она самой себе. — Нет-нет-нет. Я не готова к таким приключениям.

Эллианна осторожно взяла перо в руки. Оно было теплым. Именно это испугало ее больше всего. Не холодным. Не комнатной температуры. А теплым. Будто совсем недавно принадлежало живому существу.

— Отлично, — пробормотала она. — Значит, теперь у меня дома лежит улика того, что я окончательно сошла с ума.

Она поднялась, направилась на кухню и включила чайник. Механические действия всегда помогали. Заварить кофе. Открыть холодильник. Заккрыть холодильник. Понять, что есть совершенно не хочется. Снова поставить кружку на стол. Проверить телефон. Три непрочитанных сообщения. Одно от матери. Два от подруги Сары.

И одно новое. От Андрея.

Эллианна долго смотрела на экран. Ей даже не нужно было открывать сообщение.

Она заранее знала его содержание.

«Как ты?»

«Нам надо поговорить.»

«Я скучаю.»

«Ты сильная.»

Или что-нибудь еще из набора фраз, которые люди используют тогда, когда хотят облегчить собственную совесть. Она все же открыла переписку.

«Элли, привет. Не знаю, правильно ли сейчас писать, но я думаю о тебе. Может быть, встретимся?»

Эллианна усмехнулась.

— Конечно думаешь.

Она поставила кружку на стол.

— Особенно после того, как твоя новая девушка решила, что мужчина с незакрытыми гештальтами — не самая выгодная инвестиция.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонила Сара.

— Только тебя мне сейчас и не хватало, — пробормотала Эллианна, принимая вызов.

— О, судя по голосу, ты либо не спала, либо наконец убила бывшего мужа и сейчас закапываешь тело.

Эллианна рассмеялась. Впервые за последние сутки искренне.

— Пока только думаю над этим.

— Значит, второй вариант возможен?

— Зависит от того, сколько еще сообщений он пришлет.

Она еще не знала, что сегодняшний день перевернет ее жизнь окончательно.

Но впервые за долгое время судьба собиралась дать ей не удар. А выбор.

Сара появилась ближе к полудню.

Она не предупредила заранее — в этом была вся она. Эллианна иногда думала, что если бы Сара жила в другом веке, она бы без колебаний могла врываться в чужие дома с таким же спокойствием, с каким другие люди заходят в магазин за хлебом.

Звонок в дверь прозвучал резко, уверенно, без сомнений. Эллианна даже не успела додумать, стоит ли ей вообще открывать.

— Если ты сейчас не откроешь, я подумаю, что ты либо умерла, либо решила наконец сбежать в монастырь, — раздался знакомый голос за дверью.

— Я рассматриваю оба варианта, — отозвалась Эллианна, всё же поворачивая замок.

Сара стояла на пороге с пакетом еды в одной руке и с тем выражением лица, с которым обычно приходят люди, заранее уверенные, что у тебя всё плохо, но ты будешь это отрицать.

Она прошла внутрь, даже не дожидаясь приглашения, как будто квартира Эллианны была продолжением её собственной жизни.

— Ты выглядишь так, будто не спала три дня и провела это время в философских размышлениях о бренности бытия, — сказала Сара, оглядывая её с порога. — Или плакала. Или и то и другое.

— Доброе утро, Сара.

— Уже почти обед. И это не утро, это преступление против режима.

Сара поставила пакет на кухонный стол и сразу же заметила кружку, перо и телефон, лежащие в хаотичном порядке, будто здесь кто-то пытался удержать контроль над реальностью и проиграл.

— Ладно, — медленно произнесла она, — я вижу, ты выбрала вариант «и то и другое».

Эллианна ничего не ответила. Это молчание Сара знала слишком хорошо. Оно всегда означало, что разговор будет не о кофе и не о плохом сне. Сара присела напротив и чуть наклонилась вперёд, уже без привычной иронии.

— Андрей опять писал?

Эллианна едва заметно кивнула.

— Не открыла?

— Открыла.

— И?

— Ничего нового.

Сара тихо усмехнулась, но без радости.

— Конечно. У людей после расставания фантазия работает по кругу. Одни и те же слова, просто в разной упаковке.

Она перевела взгляд на перо. И в этот момент впервые её лицо изменилось. Не резко. Не драматично. Но достаточно, чтобы в комнате стало тише.

— Это что? — спросила она уже иначе.

Эллианна не сразу ответила. Ей вдруг стало сложно произнести очевидное. Слишком абсурдным оно звучало вслух.

— Я не знаю, — наконец сказала она. — Но оно было в том сне.

Сара долго смотрела на перо, потом аккуратно, почти осторожно, взяла его в руки. Пальцы задержались на нём дольше, чем нужно было бы для простого любопытства.

— Оно настоящее, — произнесла она наконец.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь, — Сара подняла взгляд. — Я имею в виду не «оно кажется настоящим». Оно физически настоящее. Оно здесь. В твоей квартире. В твоей реальности.

Эллианна тихо выдохнула.

— Вот это меня и беспокоит.

Сара отложила перо на салфетку так, будто это могло быть чем-то опасным, и откинулась на спинку стула. Несколько секунд она молчала, что для неё было почти нехарактерно.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Давай без паники. Но с честностью. Ты либо переживаешь сильный стресс, либо у тебя начались очень реалистичные галлюцинации, либо — она запнулась, будто сама не хотела продолжать мысль, — либо это что-то, что я пока не могу объяснить.

Эллианна посмотрела на неё устало.

— Отличная поддержка.

— Я стараюсь быть честной подругой, а не удобной.

Сара встала, подошла к окну и посмотрела на серый город.

— И ты говоришь, что это началось со сна?

— Да.

— И там был мужчина.

Эллианна не ответила сразу. Но молчание снова сказалось всё за неё. Сара обернулась.

— Элли, — произнесла она уже мягче. — Я не знаю, что с тобой происходит. Но я знаю тебя. И ты не из тех, кто «просто придумывает».

Эллианна почувствовала, как внутри что-то сжалось. Не страх. И не облегчение. Скорее — странное ощущение, будто реальность снова чуть сдвинулась, и теперь в ней стало на одну опору меньше.

А где-то очень далеко, в другом мире, в залах из белого кристалла и воды, уже произносили её имя совсем иначе. Как не случайность. А как вероятность. И как угрозу.

Когда за Сарой закрылась дверь, квартира вновь погрузилась в тишину.

Эллианна еще несколько минут стояла в прихожей, прислушиваясь к удаляющимся шагам подруги. Затем медленно вернулась на кухню, убрала нетронутые чашки в раковину и машинально провела ладонью по столешнице.

Перо по-прежнему лежало на салфетке. Она накрыла его полотенцем. Не потому, что боялась. Просто ей хотелось хотя бы ненадолго перестать видеть доказательство того, чему невозможно было найти объяснение.

Телефон снова завибрировал. На этот раз она даже не вздрогнула. На экране высветилось имя Андрея.

Несколько секунд она смотрела на фотографию контакта, которую так и не удалила после развода. На снимке он смеялся, стоя по колено в озере во время их последнего совместного

отпуска. Тогда они еще строили планы, спорили, в какой цвет покрасить стены в детской, выбирали имена и были уверены, что впереди у них целая жизнь.

Как странно.

Иногда достаточно несколько месяцев, чтобы от будущего остались только фотографии.

Она нажала на сообщение.

«Элли, пожалуйста, ответь. Я понимаю, что не заслуживаю этого, но мне очень нужно с тобой поговорить.»

Эллианна закрыла глаза. Четыре месяца назад эти слова заставили бы ее сердце сорваться с места. Сегодня они вызвали лишь усталость. Она не испытывала ненависти и не радовалась тому, что теперь он страдает. Ей просто было нечего ему сказать.

Все самое важное закончилось в тот вечер, когда Андрей собирал вещи. Он до сих пор помнил каждую минуту того дня. Как открыл шкаф. Как достал дорожную сумку. Как долго искал документы, хотя прекрасно знал, где они лежат. Он тянул время. Ждал. Ждал, что Эллианна остановит его. Закричит. Заплачет. Скажет, что непустит.

Но она молча складывала бумаги в папку, аккуратно застегивала молнию на сумке и отвечала на его вопросы так спокойно, что от этого становилось только хуже.

— Паспорт здесь, — сказала она тогда, протягивая ему документы. — Банковские карты я положила в боковой карман.

Андрей смотрел на нее и не узнавал. Ему хотелось, чтобы она хоть раз посмотрела на него с ненавистью. Так было бы легче уйти.

— Элли...

Она подняла глаза.

— Если ты уже все решил, не нужно искать слова, которые сделают этот момент менее болезненным, — тихо произнесла она. — Таких слов все равно не существует.

Он сделал шаг к ней.

— Я не хочу причинять тебе боль.

Эллианна грустно улыбнулась.

— Но причиняешь.

Он опустил голову.

— Я запутался.

— Нет, Андрей. Запутываются в дорогах. А ты сделал выбор.

Повисло долгое молчание. Такое, которое невозможно заполнить ни оправданиями, ни обещаниями. Когда он взялся за ручку чемодана, Эллианна произнесла лишь одну фразу. Спокойно, без упрека и без слез.

— Если однажды ты поймешь, что ошибся, не возвращайся только потому, что тебе станет одиноко. Я не хочу быть женщиной, к которой возвращаются, когда не получилось с другой.

Эти слова преследовали его все четыре месяца. Сначала он убеждал себя, что поступил правильно. Что им обоим нужно время. Что новые отношения помогут начать жизнь сначала.

Но жизнь не начиналась сначала. Она продолжалась, только без Эллианны. Без ее привычки читать перед сном. Без запаха свежесваренного кофе по утрам. Без вечных споров о том, какой фильм смотреть вечером. Без ощущения дома. Он слишком поздно понял, что ушел не потому, что разлюбил, а потому, что оказался слабее той боли, которую они должны были пережить вместе.

Эллианна закрыла переписку, так и не ответив. Она положила телефон экраном вниз и подошла к окну. Дождь почти закончился. Сквозь тяжелые облака неожиданно пробился тонкий луч солнца, осветив мокрый асфальт и крыши соседних домов.

Она смотрела на улицу и вдруг поймала себя на странной мысли. За последние четыре месяца Андрей действительно изменился. Раньше он писал редко. Почти сухо. Теперь же в каждом сообщении чувствовалось отчаяние человека, который наконец понял цену соб-

ственного выбора. Только для него это понимание пришло слишком поздно. Некоторые двери закрываются не потому, что перестают любить. А потому, что слишком долго стучали в пустоту.

Эллианна так и простояла у окна несколько минут, наблюдая за тем, как город постепенно оживает после дождя.

Она давно заметила одну странную особенность человеческой памяти.

Когда жизнь рушится, кажется, будто весь мир обязан остановиться вместе с тобой. Но этого никогда не происходит. По-прежнему открываются кофейни. Спешат на работу люди. Кто-то смеется, разговаривает по телефону, строит планы на выходные. И только тебе кажется, что время должно было хотя бы ненадолго замереть.

Она усмехнулась собственным мыслям и отошла от окна. Нужно было заниматься делами. Иначе можно окончательно утонуть в воспоминаниях.

После развода работа стала для нее единственным способом не оставаться наедине с собой. Эллианна была переводчиком древних текстов и рукописей. Можно было работать из дома, брать ноутбук в любое кафе или даже уехать на несколько дней за город, если хотелось сменить обстановку.

Теперь же эта свобода все чаще напоминала одиночество.

Она открыла ноутбук, просмотрела почту, ответила на несколько писем и попыталась сосредоточиться на новом проекте. Эллианна смотрела на экран, но почти не видела его. Мысли постоянно возвращались к перу.

Она несколько раз ловила себя на том, что машинально оборачивается в сторону кухни, словно боялась, что оно исчезнет. Или, наоборот, переместится.

— Так, — тихо произнесла она, закрывая ноутбук. — Это уже начинает походить на паранойю.

Она решительно поднялась и вернулась на кухню.

Полотенце лежало на том же месте. Сделав глубокий вдох, Эллианна медленно приподняла край ткани. Перо было там. Все такое же черное, необычайно красивое и необъяснимо настоящее. Она осторожно провела по нему пальцами. В ту же секунду по ладони словно пробежало едва заметное тепло. Не обжигающее. Скорее похожее на солнечный луч, который случайно коснулся кожи.

Эллианна резко отдернула руку. Несколько секунд она просто смотрела на собственную ладонь. Никаких следов. Никакой боли. Ничего.

— Прекрати, — сказала она вслух, сама не понимая, к кому обращается. — Или это действительно существует... или я окончательно схожу с ума. Третьего варианта не дано.

Она вновь накрыла перо полотенцем, словно этим простым движением могла закрыть дверь всему необъяснимому.

В этот момент раздался звонок телефона.

Мама. Эллианна невольно улыбнулась.

Ее мать обладала почти сверхъестественной способностью чувствовать, когда с дочерью что-то происходит.

— Привет, мам.

— Здравствуй, солнышко. Не отвлекаю?

— Нет. Я дома.

— Как ты сегодня?

Эллианна присела на край стула. Этот вопрос всегда был самым сложным. Потому что на него невозможно ответить честно, не заставив близкого человека переживать.

— Нормально.

На другом конце провода повисла короткая пауза.

— Ты ведь знаешь, что меня никогда не удавалось обмануть?

Эллианна тихо рассмеялась.

— Знаю.

— Тогда рассказывай.

Она прикрыла глаза. Как же хотелось сейчас сказать правду. Что несколько месяцев назад ей приснился мир, которого не существует и она об этом постоянно думает. Что она разговаривала с мужчиной с огромными крыльями. Что проснулась с настоящим пером в руке. Но вместо этого произнесла совсем другое:

— Андрей опять написал.

Мать тяжело вздохнула.

— Я так и думала.

— Он хочет встретиться.

— А ты?

Эллианна долго молчала, глядя на дождевые капли, медленно сползающие по стеклу.

— Не знаю, мам. Если честно... мне кажется, я уже простила его.

— Но?

— Но простить и захотеть вернуть человека — это разные вещи.

В трубке снова стало тихо. Потом мать очень спокойно сказала:

— Знаешь, доченька, иногда Бог закрывает дверь не для того, чтобы наказать нас. А для того, чтобы мы наконец перестали стоять на пороге и оглядываться назад.

Эллианна почувствовала, как к горлу подступает ком. Она ничего не ответила. Потому что впервые за долгое время ей показалось, что, возможно, мама права.

Она еще не знала, что совсем скоро перед ней откроется дверь, о существовании которой она даже не подозревала.

Телефон лег на стол.

Эллианна еще некоторое время сидела неподвижно, а затем машинально посмотрела на часы. Половина второго. Через сорок минут должна была начаться онлайн-встреча с куратором фонда.

Она тяжело вздохнула, убрала кружку в раковину и направилась в небольшую комнату, которую давно превратила в рабочий кабинет.

Здесь всё выглядело совсем иначе, чем в остальной квартире. Высокие книжные шкафы занимали почти всю стену. На полках соседствовали словари древних языков, исторические атласы, монографии по эпиграфике и десятки толстых папок с копиями рукописей.

У окна стоял большой письменный стол, заставленный книгами, карандашами, листами с пометками и увеличительной лупой.

Многие удивлялись ее профессии.

«Переводчик древних текстов» звучало так, будто она живет где-то в XIX веке.

На самом деле частный фонд, где работала Эллианна, сотрудничал с музеями, археологическими экспедициями и коллекционерами по всему миру. В их распоряжение попадали рукописи, найденные во время раскопок, старинные письма, фрагменты летописей и документы, написанные на языках, которыми владели лишь немногие специалисты.

Эллианне нравилась эта работа. Она всегда говорила, что древние тексты похожи на людей. Если научиться внимательно слушать, они обязательно расскажут свою историю.

Эта небольшая комната всегда была для нее местом, где мир становился понятным. Здесь не существовало случайностей. Любой текст, каким бы древним и поврежденным он ни был, подчинялся законам языка. Любой символ можно было расшифровать, если проявить достаточно терпения. Любую загадку — разгадать.

Именно поэтому она любила свою работу. Прошлое никогда не лгало.

Оно могло молчать веками, скрываться под слоями пыли, исчезать с полуистлевших страниц, но однажды обязательно начинало говорить с тем, кто умел слушать.

Эллианна сняла с верхней полки плотную картонную папку и положила ее на стол. Накануне вечером курьер привез материалы из фонда — фотографии рукописи, найденной во время раскопок в старом монастыре, затерянном высоко в горах. Подобные находки всегда вызывали у нее почти детский интерес, потому что за каждым выцветшим знаком скрывалась чья-то жизнь, чьи-то мысли, надежды или страхи.

Она включила настольную лампу, расправила первый лист и привычным движением взяла карандаш.

Несколько строк оказались вполне ожидаемыми. Повторяющиеся символы складывались в знакомые конструкции, отдельные слова уже начинали приобретать смысл, и Эллианна быстро сделала несколько пометок на полях. Работа постепенно возвращала ей привычное ощущение спокойствия. Однако на третьем листе взгляд неожиданно задержался на знаке, которого прежде не было.

Она нахмурилась и невольно придвинула фотографию ближе.

Странный символ состоял из переплетающихся линий, напоминавших одновременно крыло, круг и трещину в камне. За годы работы Эллианна изучила десятки древних алфавитов и научилась безошибочно различать даже самые редкие варианты письма, но этот знак оказался ей совершенно незнаком.

И все же внутри шевельнулось необъяснимое чувство узнавания. Не разум. Не память.

Скорее какое-то тихое внутреннее знание, происхождение которого она не смогла бы объяснить даже самой себе.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Эллианна коснулась символа кончиком карандаша. В то же мгновение в сознании отчетливо прозвучало слово.

Астралис.

Она резко отдернула руку, словно обожглась. Сердце забилося чаще. Откуда?

Она никогда не слышала этого слова. Не встречала его в древних текстах. Не читала в научных статьях. Оно не принадлежало ни одному из языков, которыми она владела.

И тем не менее прозвучало так естественно, будто кто-то просто напомнил ей давно забытое имя.

Эллианна быстро открыла электронный каталог фонда и начала искать совпадения. Затем перешла к словарям, которыми пользовалась почти ежедневно. Один. Второй. Третий. Ничего. Ни одного упоминания.

Она медленно откинулась на спинку кресла, стараясь найти происходящему хоть какое-нибудь рациональное объяснение.

Возможно, усталость действительно начала играть с ней злую шутку. За последние месяцы она слишком мало спала, слишком много думала и почти не позволяла себе отдыхать. Человеческий мозг способен создавать удивительно убедительные иллюзии, особенно когда долго находится в напряжении.

Эта мысль показалась ей достаточно разумной, чтобы наконец закрыть папку.

Но именно в тот момент, когда она подняла глаза на экран компьютера, по спине медленно пробежал холод.

Темная поверхность погасшего на секунду монитора превратилась в зеркало. И в этом отражении Эллианна увидела не только себя. Позади нее, почти растворяясь в полумраке комнаты, стоял высокий мужчина. Она не различала его лица. Не могла рассмотреть одежду. Но крылья невозможно было перепутать ни с чем.

Огромные. Темные. Спокойно расправленные за спиной.

В первое мгновение ей показалось, что сердце просто перестало биться. Она стремительно обернулась.

Комната была пуста. Лишь легкая занавеска колыхнулась от ветра, проникшего через приоткрытое окно.

Эллианна долго всматривалась в каждый угол кабинета, убеждая себя, что увиденное было всего лишь игрой света и собственного воображения. Она даже заставила себя сделать несколько шагов по комнате, заглянуть в коридор и проверить, закрыта ли входная дверь.

Все было на своих местах.

И только когда она уже почти успокоилась, за спиной раздался тихий, едва различимый шелест.

Такой звук невозможно было спутать ни с движением ткани, ни с дыханием ветра.

Словно кто-то очень медленно складывал за спиной огромные крылья.

На этот раз Эллианна не обернулась. Не потому, что боялась увидеть незнакомца.

Она вдруг с пугающей ясностью поняла, что гораздо страшнее окажется не увидеть там никого.

Несколько бесконечно долгих секунд она так и стояла посреди кабинета, не решаясь даже пошевелиться.

Разум отчаянно пытался найти хоть какое-нибудь объяснение услышанному. Сквозняк. Старый деревянный шкаф. Шорох ветвей за окном. Любой звук можно было истолковать привычным образом, если очень этого захотеть.

Но сердце уже знало то, что разум пока отказывался принимать. Она здесь не одна.

Эллианна медленно выдохнула, заставляя себя успокоиться. Затем, собрав остатки самообладания, резко обернулась. Позади никого не было.

Книжные шкафы неподвижно возвышались вдоль стены, на столе по-прежнему лежала раскрытая папка с фотографиями рукописи, а солнечный луч, пробившись сквозь облака, лениво скользил по старому деревянному полу. Все выглядело настолько обыденно, что ей стало почти стыдно за собственный страх. Она тихо усмехнулась.

— Поздравляю, Элли, — произнесла она вполголоса, пытаясь вернуть себе привычное чувство реальности. — Еще немного, и начнешь бояться собственной тени.

Голос прозвучал слишком громко в пустой квартире.

Эллианна подошла к окну и распахнула его шире. В комнату ворвался прохладный воздух, пахнувший мокрой листвой и дождем. Где-то во дворе смеялись дети, проехал велосипед, хлопнула дверца автомобиля.

Обычная жизнь. Такая знакомая и понятная.

Она глубоко вдохнула, позволив свежему воздуху наполнить легкие, и вдруг поймала себя на мысли, что этот привычный городской шум успокаивает ее куда сильнее любых слов.

«Я просто устала», — подумала она.

Другого объяснения быть не могло.

Она уже собиралась закрыть окно, когда взгляд случайно скользнул вниз, во двор.

У подъезда стоял мужчина. На таком расстоянии невозможно было разглядеть лицо, но что-то в его фигуре показалось странно знакомым. Высокий. Широкоплечий. Одет во все темное. Он не разговаривал по телефону, не курил и не смотрел по сторонам.

Просто стоял, подняв голову, словно ждал, когда она подойдет к окну. Эллианна непроизвольно сделала шаг назад.

В ту же секунду мужчина развернулся и неторопливо пошел прочь, не оглянувшись ни разу. Она еще несколько мгновений смотрела ему вслед, пока темная фигура не скрылась за углом соседнего дома.

— Совпадение — тихо сказала она самой себе.

Но спокойствия эта мысль почему-то не принесла.

Телефон, лежавший на письменном столе, неожиданно коротко завибрировал. На экране появилось уведомление от куратора фонда.

«Эллианна, прошу прощения, что отвлекаю. Возникла странная ситуация. Один из снимков, которые мы передали вам сегодня утром, оказался поврежден. На оригинале рукописи нет символа, который был на фотографии. Мы проверили несколько раз. Не могли бы вы прислать копию листа, с которым уже работали?»

Она несколько раз перечитала сообщение, не сразу осознав его смысл. Поврежден?

Но ведь она только что держала этот лист в руках. Эллианна медленно повернулась к столу. Фотография по-прежнему лежала там, где она ее оставила. Она подошла ближе и взяла лист. Пальцы слегка дрожали. Взгляд сразу нашел то место, где несколько минут назад находился странный символ.

Теперь его не было.

Осталась лишь старая, выцветшая бумага с неровными линиями древнего текста, будто загадочный знак никогда и не существовал.

Эллианна почувствовала, как по коже медленно пробежал холод. Она была абсолютно уверена, что не могла ошибиться. Она не просто видела этот символ.

Она обвела его карандашом. Произнесла незнакомое слово. Искала его значение. Все это произошло всего несколько минут назад.

Но единственным доказательством теперь оставалась ее память.

А память — слишком ненадежный свидетель, когда начинаешь сомневаться в собственной реальности.

Она осторожно опустилась в кресло, продолжая смотреть на фотографию так, словно надеялась, что символ снова появится.

Вместо этого ее внимание привлекла другая деталь.

На самом краю листа, почти незаметная среди потертостей, темнела тонкая полоска, похожая на след от обгоревшего пера.

Того самого пера, которое сейчас лежало на кухне, накрытое полотенцем.

Эллианна еще долго сидела неподвижно, не сводя глаз с фотографии рукописи.

Чем дольше она всматривалась в пожелтевший лист, тем сильнее убеждала себя, что стала жертвой собственной усталости. В памяти действительно иногда возникают вещи, которых никогда не происходило. Психологи называли это ложными воспоминаниями. Мозг достраивает картину, соединяет несвязанные детали, убеждает человека в том, что он видел или слышал то, чего на самом деле не существовало.

Когда-то она читала об этом научную статью.

Тогда ей казалось удивительным, что человеческому сознанию нельзя доверять даже в самых очевидных вещах.

Сегодня эта мысль почему-то не успокаивала.

Она открыла блокнот, лежавший рядом с клавиатурой, и принялась листать последние страницы. Записи. Переводы. Номера архивных документов. Небольшие заметки карандашом. На предпоследнем листе взгляд неожиданно замер.

В самом центре страницы, обведенное тонкой линией, было написано одно-единственное слово.

Астралис.

Эллианна почувствовала, как внутри все похолодело. Она совершенно не помнила, чтобы записывала его. Почерк был ее. Наклон букв. Манера писать заглавную «А».

Даже характерная привычка немного вытягивать последнюю букву. Ошибиться было невозможно.

Она медленно опустила карандаш на стол и провела пальцами по вискам.

— Нет... — почти беззвучно прошептала она. — Этого не может быть...

Она попыталась восстановить события последних минут. Сначала фотография. Потом символ. Потом слово, прозвучавшее у нее в голове. Поиск в словарях. Отражение в мониторе. Исчезнувший знак. И теперь эта запись.

Будто кто-то шаг за шагом переставлял фигуры на шахматной доске, заставляя ее сомневаться сначала в памяти, потом в зрении, а теперь уже и в самой себе.

Эллианна резко закрыла блокнот. Ей необходимо было выйти из квартиры. Сменить обстановку. Почувствовать под ногами асфальт, услышать живые голоса, увидеть обычных людей, которые ничего не знают ни о странных символах, ни о мужчинах с крыльями.

Она быстро надела легкую куртку, убрала телефон в карман и уже потянулась к дверной ручке, когда взгляд невольно скользнул к зеркалу, висевшему в прихожей.

Несколько мгновений она просто смотрела на собственное отражение. Бледное лицо.

Собранные в небрежный хвост волосы. Серо-голубые глаза, в которых за последние месяцы поселилась усталость. Ничего необычного. Эллианна даже усмехнулась своей тревоге.

— Видишь? — тихо сказала она самой себе. — Все в порядке.

Она уже собиралась отвернуться, когда заметила странность. Отражение повторило ее движение с едва уловимым опозданием. Настолько небольшим, что это можно было принять за обман зрения.

Эллианна застыла. Сердце медленно ускоряло ритм. Она осторожно подняла правую руку. Девушка в зеркале сделала то же самое.

Но вновь...

На одно короткое мгновение позже.

— Нет...

Она резко шагнула назад. Отражение замерло. И только спустя едва заметную долю секунды повторило ее движение. Эллианна почувствовала, как по позвоночнику пробежал ледяной холод.

Она смотрела в собственные глаза и впервые в жизни не могла избавиться от ощущения, что на нее смотрит кто-то другой.

В следующую секунду изображение стало совершенно обычным. Никакого запоздания. Никаких странностей. Только ее собственное отражение. Настолько привычное, что происходящее несколько секунд назад уже начинало казаться нелепой фантазией.

Эллианна медленно приблизилась к зеркалу почти вплотную. Коснулась ладонью холодной поверхности стекла. Ничего. Она тихо рассмеялась. Смех получился нервным и каким-то чужим.

— Если это продолжается, — сказала она самой себе, — значит, мне действительно пора брать отпуск.

Она сняла руку со стекла. И в тот самый миг, когда ее пальцы уже оторвались от зеркала, отражение не повторило движение.

Оно продолжало держать ладонь прижатой к стеклу.

Всего одно мгновение. Затем медленно улыбнулось. Совсем не так, как улыбалась Эллианна.

И исчезло.

Настоящее отражение вновь стало обычным.

Будто ничего не произошло.

Эллианна еще долго стояла перед зеркалом, не сводя взгляда с собственного отражения. Оно больше не двигалось с опозданием. Не улыбалось. Не жило своей жизнью. Обычное стекло.

Обычная женщина, которая выглядела значительно старше своих двадцати восьми лет. Она провела ладонью по лицу и медленно выдохнула.

— Всё, — тихо сказала она самой себе. — Хватит.

Впервые за долгое время ей захотелось не искать ответы, а просто сбежать от собственных мыслей.

Она схватила сумку, бросила в неё телефон, ключи и бумажник, заперла квартиру и почти сразу почувствовала облегчение.

Подъезд встретил её привычными запахами сырости, свежей краски и чьего-то недавно сваренного кофе. На лестничной площадке пожилая соседка поливала цветы, расставленные вдоль подоконника, и, заметив Эллианну, тепло улыбнулась.

— Добрый день, милая. Что-то ты сегодня совсем бледная.

Эллианна заставила себя улыбнуться в ответ.

— Наверное, просто плохо спала.

— Тогда обязательно погуляй. После дождя воздух чудесный. Иногда это лучше любых лекарств.

— Постараюсь.

Они перекинулись еще парой ничего не значащих фраз, и этот короткий разговор неожиданно вернул Эллианне ощущение нормальности. Обычные люди. Обычные заботы. Никто не говорит о странных символах, исчезающих знаках или мужчинах с крыльями.

Она вышла из подъезда и остановилась на несколько секунд, глубоко вдохнув прохладный воздух.

Дождь действительно закончился.

Асфальт еще блестел, отражая редкие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь облака. С деревьев медленно падали тяжелые капли, а легкий ветер приносил запах мокрой земли и молодой листвы.

Эллианна не спеша направилась к городскому парку, который находился всего в нескольких кварталах от дома.

Она часто приходила сюда раньше. Еще тогда, когда Андрей был рядом. Они любили покупать кофе в маленькой кофейне у входа, долго гулять по аллеям и строить планы, которые казались такими простыми и достижимыми.

Теперь парк остался прежним. Изменилась только она.

Эллианна шла по знакомой дорожке, стараясь не задерживать взгляд на счастливых семьях, молодых парах и детях, которые со смехом носились по газонам. Раньше подобные картины причиняли почти физическую боль. Сегодня боль стала другой. Более тихой. Она уже не рвала сердце на части. Она просто жила где-то глубоко внутри, напоминая о себе всякий раз, когда рядом раздавался детский смех.

«Наверное, именно так и выглядит принятие», — подумала Эллианна. Не счастье. Не забвение. Просто способность жить дальше, даже если часть тебя навсегда осталась в прошлом.

Она свернула к небольшому озеру.

Вода после дождя была удивительно спокойной, словно кто-то накрыл её тонким стеклом. Несколько уток лениво скользили вдоль берега, а на деревянном мостике мальчик лет восьми терпеливо учился забрасывать удочку под присмотром отца.

Эллианна невольно улыбнулась.

Именно в такие моменты ей начинало казаться, что мир всё-таки умеет быть добрым. Она присела на свободную скамейку, закрыла глаза и подставила лицо тепловому ветру.

Впервые за весь день дыхание стало ровным. Сердце постепенно успокаивалось.

Странности, случившиеся дома, уже не казались такими реальными. Возможно, она действительно довела себя до нервного истощения. Возможно, несколько недель отдыха способны всё исправить.

Эта мысль была настолько разумной, что Эллианна почти поверила в неё.

И именно в этот момент над парком пролетела огромная тень.

Она появилась настолько быстро, что солнце словно погасло на одно короткое мгновение. Эллианна машинально подняла голову. Небо было совершенно чистым. Ни самолета. Ни птицы. Ни облака, способного отбросить такую широкую тень.

Она нахмурилась и уже решила, что снова всё придумала, когда сидевшая неподалеку маленькая девочка вдруг потянула мать за рукав.

— Мам, смотри... какая красивая большая птица...

Женщина подняла голову.

Несколько секунд внимательно всматривалась в небо, а потом растерянно покачала головой.

— Где, солнышко?

— Уже улетела...

Девочка продолжала смотреть куда-то вверх с таким восхищением, словно действительно успела увидеть что-то удивительное.

Эллианна медленно перевела взгляд в ту сторону, куда был устремлен детский взгляд. Небо по-прежнему оставалось пустым. Но почему-то ей показалось, что где-то очень высоко, за прозрачной голубизной, на нее внимательно смотрит кто-то, кого она не могла увидеть.

И впервые это ощущение не вызвало паники. Оно заставило её почувствовать другое. Будто она больше не была случайным свидетелем происходящего. Будто кто-то искал её. И наконец нашел.

Эллианна еще некоторое время сидела неподвижно, всматриваясь в безоблачное небо. Разум настойчиво убеждал ее, что никакой тени не было. Скорее всего, солнце на мгновение скрылось за легким облаком, которое она просто не заметила. Или рядом пролетела большая птица. Или...

Она поймала себя на том, что снова пытается найти объяснение тому, чего сама не понимает.

Глубоко вздохнув, Эллианна поднялась со скамейки и медленно пошла вдоль озера.

Вода тихо плескалась у деревянных свай, утки лениво перебирали лапами, оставляя за собой расходящиеся круги, а легкий ветер едва заметно покачивал длинные ветви плакучих ив, почти касавшихся поверхности воды.

Парк жил своей обычной жизнью.

Кто-то катался на роликах. Пожилая пара неспешно гуляла, держась за руки. Подростки смеялись, фотографируясь возле цветущих клумб. И именно эта привычная, спокойная картина постепенно возвращала Эллианне ощущение реальности.

Она уже почти убедила себя, что дома действительно просто перенервничала, когда услышала негромкий голос.

— Простите...

Она обернулась.

Рядом стоял мальчик лет десяти с велосипедом. Худощавый, с растрепанными светлыми волосами и россыпью веснушек на носу. Он смущенно переступал с ноги на ногу, словно никак не мог решиться заговорить.

— Это... — он неуверенно посмотрел ей за спину. — А где ваши крылья?

Эллианна несколько секунд молча смотрела на него. Потом невольно улыбнулась.

— Наверное, ты меня с кем-то перепутал.

Мальчик нахмурился.

— Нет.

Он сказал это так спокойно и уверенно, что улыбка медленно исчезла с ее лица.

— Они же только что были.

Эллианна почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

— Что именно ты видел?

Мальчик поднял руку и показал куда-то ей за спину.

— Большие. Красивые. Они были темные... только по краям светились.

Он говорил так искренне, что невозможно было заподозрить его в желании пошутить.

— Максим!

Откуда-то со стороны дорожки раздался женский голос. К ним быстрым шагом приближалась молодая женщина.

— Сколько раз тебе говорить, не подходи к незнакомым людям!

Она виновато улыбнулась Эллианне, взяла сына за плечо и слегка притянула к себе.

— Простите, пожалуйста. У него очень богатое воображение.

Мальчик попытался возразить.

— Мам, я правда видел...

— Поехали.

Она ласково потрепала его по голове и, извинившись еще раз, повела сына к велосипедной дорожке. Максим несколько раз обернулся. И каждый раз смотрел не на Эллианну. А куда-то за нее. Будто там по-прежнему стоял кто-то невидимый. Эллианна медленно повернула голову. Позади была только пустая аллея. Несколько скамеек. Старый фонарь. И ни одной живой души. Она невольно обняла себя за плечи. Странное чувство чужого присутствия снова вернулось. Не угрожающее. Скорее внимательное. Словно кто-то терпеливо наблюдал за каждым ее шагом, не вмешиваясь и не приближаясь.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. На экране высветилось имя куратора фонда. Эллианна ответила почти сразу.

— Здравствуйте, Павел Сергеевич.

— Эллианна, добрый день. Надеюсь, я не отвлекаю?

— Нет, всё в порядке.

На другом конце провода послышался короткий вздох.

— Боюсь, не совсем. У нас возникла... довольно необычная ситуация.

Что-то в его голосе заставило Эллианну насторожиться.

— Что случилось?

— Помните фотографии рукописи, которые вам привезли сегодня утром?

— Конечно.

— Мы только что получили заключение реставраторов. Они утверждают, что один из листов... исчез.

Эллианна остановилась посреди дорожки.

— В каком смысле — исчез?

— В самом прямом. Полчаса назад он был в архивном контейнере. Сейчас контейнер пуст. Замки не повреждены. Сигнализация не срабатывала. Камеры ничего не зафиксировали.

Он ненадолго замолчал.

— Знаете, я двадцать семь лет работаю с архивами. За это время пропадали картины, монеты, документы. Но чтобы старинная рукопись исчезла из запечатанного хранилища... такого я еще не видел.

Эллианна медленно опустила взгляд на воду. По гладкой поверхности озера внезапно пробежала рябь. Хотя ветер давно стих.

А затем прямо в центре водной глади появилось одно-единственное черное перо. Оно плавно опустилось на воду, не оставив ни единого всплеска. И медленно поплыло к берегу. Эллианна замерла. Потому что точно знала. Это было не птичье перо. Оно было таким же, как то, что лежало сейчас у нее дома, накрытое кухонным полотенцем.

Несколько секунд Эллианна не могла отвести взгляд от пера.

Оно медленно покачивалось на поверхности воды, словно не подчинялось ни течению, ни легкому ветру, который снова поднялся над озером. Вокруг него расходились почти неза-

метные круги, однако само оно оставалось совершенно неподвижным, будто ожидало, когда она подойдет ближе.

— Эллианна? Вы меня слышите?

Голос Павла Сергеевича в телефоне вернул ее к реальности.

— Да... простите. Я задумалась.

— С вами точно все в порядке?

Она невольно улыбнулась.

— Не уверена, что смогу сейчас честно ответить на этот вопрос.

На другом конце провода ненадолго воцарилось молчание.

— Если честно, — наконец произнес он уже совсем другим тоном, — я тоже.

Эллианна удивленно нахмурилась.

За все годы работы она ни разу не слышала, чтобы Павел Сергеевич говорил настолько неуверенно. Это был человек, которого невозможно было вывести из равновесия. Он одинаково спокойно реагировал и на поврежденные манускрипты, и на срывы поставок, и на бесконечные споры с коллекционерами.

Сейчас же в его голосе звучало настоящее беспокойство.

— Есть еще кое-что, — продолжил он после короткой паузы. — Именно поэтому я и позвонил.

— Я слушаю.

— Мы решили повторно отснять весь материал. На всякий случай.

— И?

— На остальных листах появились символы, которых утром не было.

Эллианна крепче сжала телефон.

— Что за символы?

— Мы не знаем. Наш специалист по древним языкам сказал, что никогда раньше не видел ничего подобного. Сначала решили, что это дефекты пленки, но потом проверили оригиналы.

Он тяжело выдохнул.

— Они действительно появились.

По спине Эллианны медленно пробежал холод.

— Вы можете прислать фотографии?

— Уже отправил.

Телефон коротко завибрировал. На экране появилось уведомление о новом письме.

— Посмотрите их, когда будет возможность, — сказал Павел Сергеевич. — И... Эллианна...

— Да?

— Не считите мои слова странными, но сегодня лучше никому не рассказывайте об этой рукописи.

Она растерянно улыбнулась.

— Почему?

— Потому что полчаса назад к нам приходил человек.

Эллианна насторожилась.

— Какой человек?

— Он не представился.

— И что ему было нужно?

— Он спрашивал только об одном.

Павел Сергеевич снова замолчал, словно до сих пор не мог поверить в собственные слова.

— Он хотел узнать, кто занимается переводом найденной рукописи.

Эллианна почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Вы сказали мое имя?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Слишком уверенно.

— Я ответил, что материалы еще никому не переданы.

— Тогда почему вы так волнуетесь?

— Потому что перед уходом он сказал одну фразу.

Эллианна невольно задержала дыхание.

— Какую?

— «Когда символы проснутся, она сама придет к Разлому».

По коже побежали мурашки. Эти слова не имели смысла. Совершенно никакого.

И все же внутри что-то болезненно дрогнуло, словно она уже слышала их раньше.

— Павел Сергеевич...

— Да?

— Вы уверены, что это не чей-то глупый розыгрыш?

— Очень хотел бы в это верить.

Разговор закончился через несколько минут, но Эллианна еще долго стояла на берегу озера, продолжая держать телефон в руке. Она почти машинально открыла письмо.

Вложений оказалось пять. Первые четыре снимка выглядели совершенно обычно. Пожелтевшие страницы. Трещины. Выцветшие строки. На пятой фотографии ее взгляд сразу остановился на нижнем поле. Между двумя почти стертыми строчками проступал знак.

Тот самый.

Похожий одновременно на крыло, круг и трещину в камне. На этот раз он никуда не исчез. Наоборот.

Он был виден так отчетливо, словно кто-то только что вывел его свежими чернилами.

Эллианна медленно увеличила изображение.

Вокруг символа располагались крошечные знаки, настолько мелкие, что их невозможно было рассмотреть невооруженным глазом. Она автоматически начала читать. Сначала медленно. Почти по буквам. А потом неожиданно поняла, что уже не переводит текст. Она просто знает его. Слова сами складывались в сознании, будто были частью давно забытого языка.

«Когда кровь двух миров вспомнит свое имя, небо откроет путь той, что была скрыта».

Эллианна резко закрыла фотографию. Воздуха вдруг стало не хватать.

— Нет... — прошептала она. — Нет, этого просто не может быть...

Она никогда не изучала этот язык. Не могла его прочитать. Именно это пугало сейчас сильнее всего. Потому что впервые странность произошла не рядом с ней.

Она произошла внутри нее.

Эллианна еще долго смотрела на погасший экран телефона, словно надеялась, что прочитанный текст исчезнет так же неожиданно, как исчез загадочный символ на фотографии.

Но ничего не менялось.

Слова продолжали звучать у нее в голове с пугающей отчетливостью. Не отдельными фразами. Не воспоминанием.

А ощущением, будто кто-то тихо произнес их совсем рядом.

Она закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула.

Нужно было успокоиться.

Перестать искать мистику там, где ей, возможно, вовсе не было места.

За последние месяцы она действительно пережила слишком многое. Сначала потеря ребенка, после которой казалось, что мир уже никогда не станет прежним. Затем медленно умирающий брак, бесконечные попытки понять, где именно они с Андреем свернули не туда, и наконец развод, поставивший точку в истории, которую она когда-то считала своей единственной жизнью.

Любой психолог сказал бы, что подобные потрясения способны изменить восприятие реальности. И, наверное, был бы прав.

Эллианна убрала телефон в сумку и медленно пошла вдоль озера, стараясь сосредоточиться на самых простых вещах. На звуке собственных шагов. На шелесте листвы. На голосах людей, гулявших неподалеку. На запахе мокрой травы.

Она всегда верила, что мир можно почувствовать через детали.

Именно детали возвращают человека в настоящее, когда мысли начинают уносить слишком далеко.

Неподалеку пожилой мужчина кормил голубей, терпеливо рассыпая крошки прямо у своих ног. Молодая девушка читала книгу, устроившись на пледе под старым кленом. На детской площадке кто-то громко смеялся, и этот смех звучал настолько беззаботно, что Эллианна невольно улыбнулась.

Жизнь продолжалась.

Она не знала ничего ни о Наследницах, ни о Разломах, ни о загадочных рукописях.

И именно поэтому казалась такой настоящей.

Эллианна уже почти дошла до выхода из парка, когда услышала тихий голос.

— Простите...

Она обернулась. На скамейке сидела очень пожилая женщина. Настолько пожилая, что определить ее возраст было невозможно. Серебристые волосы были аккуратно убраны под светлый платок, а тонкие морщинистые руки спокойно лежали на резной деревянной трости. Женщина смотрела прямо на Эллианну. Спокойно. Внимательно.

Словно давно ее ждала.

— Вы обращаетесь ко мне? — спросила Эллианна, оглянувшись по сторонам.

— Конечно, к вам.

Голос старушки оказался удивительно мягким.

— Присядете ненадолго?

Эллианна колебалась. В другой день она, вероятно, извинилась бы и пошла дальше. Но сейчас что-то заставило ее остановиться. Она села на край скамейки, оставив между ними небольшое расстояние. Несколько секунд обе молчали.

Женщина продолжала смотреть на озеро, словно разговор вовсе не требовал спешки.

— Красивый день, — наконец произнесла она.

— Да.

— Такие дни редко запоминаются. Запоминаются те, после которых жизнь уже никогда не становится прежней.

Эллианна удивленно посмотрела на нее.

— Простите?

Женщина медленно повернулась. Ее глаза оказались необычного цвета — светло-серые, почти серебристые. Совсем как вода под солнцем.

— Не бойтесь того, что начинает происходить.

— Боюсь, я не совсем понимаю...

— Пока не понимаете.

Старушка улыбнулась так тепло, словно разговаривала с собственной внучкой.

— Но очень скоро поймете.

Эллианна почувствовала легкое напряжение.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете...

Женщина не дала ей договорить.

— Когда найдешь второе перо, не выбрасывай его.

Эллианна застыла.

Улыбка медленно исчезла с ее лица.

— Что вы сейчас сказали?

— Оно понадобится тому, кто придет за тобой.

Сердце вдруг забилося так сильно, что она отчетливо слышала собственный пульс.

— Откуда вы знаете про перо?

Старушка спокойно поднялась, опираясь на трость.

— Иногда прошлое умеет ждать очень долго.

Она сделала несколько шагов по дорожке, потом вдруг остановилась и, не оборачиваясь, тихо произнесла:

— И никогда не смотри в Разлом, если услышишь свое имя.

Эллианна вскочила со скамейки.

— Подождите!

Женщина продолжала идти. Не быстро. Совсем медленно. Эллианна догнала бы ее за несколько секунд. Она сделала шаг. Потом еще один. Навстречу неожиданно пробежала компания детей, заставив ее остановиться. Прошло не больше двух секунд. Когда дорожка снова освободилась, пожилой женщины уже не было.

Аллея просматривалась почти на сотню метров вперед.

По ней гуляли молодые родители с коляской, двое велосипедистов и мужчина с собакой. Но старушки словно никогда здесь не существовало. Эллианна медленно огляделась. Справа тянулся высокий кустарник. Слева — открытая набережная без единого укрытия. Исчезнуть за такое короткое время было невозможно. Она подошла к тому месту, где только что сидела незнакомка. На деревянной скамейке лежало маленькое белое перо. Совсем не похожее на черное. Тонкое. Почти прозрачное.

Когда Эллианна осторожно подняла его, ей вдруг показалось, что оно было не холодным, а едва заметно теплым, словно еще секунду назад принадлежало живому существу.

Она машинально сжала перо в ладони.

И в то же мгновение где-то очень далеко, за пределами Земли, в мире, о существовании которого она даже не подозревала, что-то древнее и могущественное открыло глаза.

Глава 4 Принц Лиор

Первый луч солнца медленно скользнул по вершинам белоснежных башен Аэлариса, окрашивая светлый камень в теплые золотистые оттенки. Город просыпался неторопливо, словно был живым существом, которое не любило резких движений.

С высоты он казался невозможным.

Огромные острова, парящие над бездонной пропастью, соединяли изящные мосты из светового камня. Они выглядели почти невесомыми, однако уже многие столетия выдерживали не только тысячи жителей, но и тяжелые военные обозы. Между башнями струились тонкие водопады, исчезающие в облаках далеко внизу, а над крышами величественно кружили айрэны, легко рассекая крыльями прохладный утренний воздух.

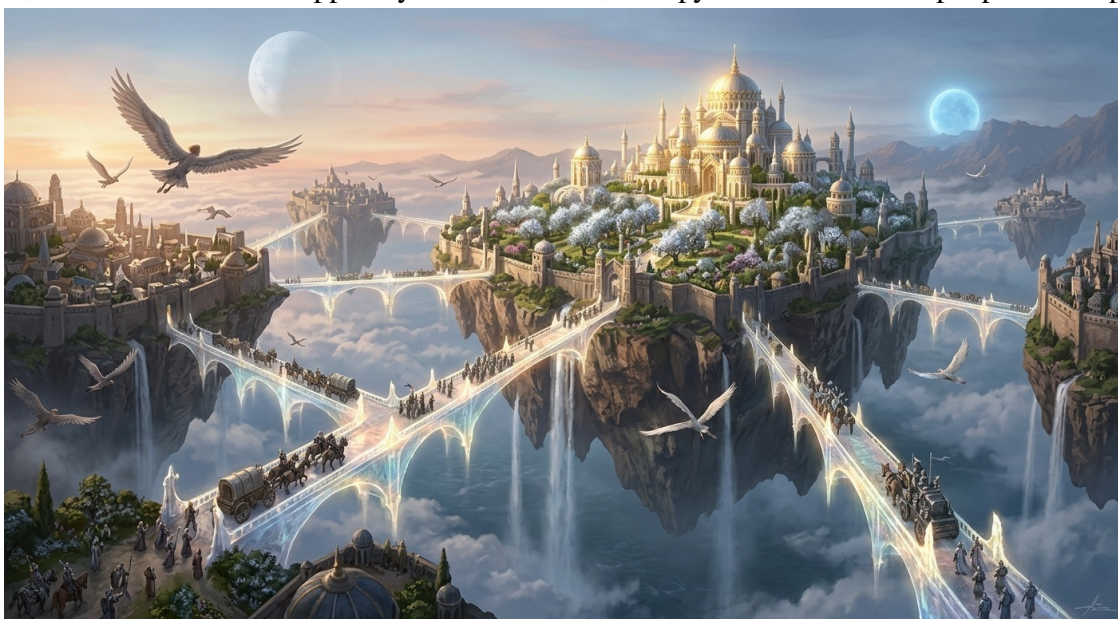
Две луны еще не успели окончательно покинуть небосвод.

Большая, серебристая, почти растворилась в рассветной дымке, тогда как меньшая, с легким голубоватым сиянием, медленно скрывалась за дальними горами.

Для жителей Земли подобное зрелище показалось бы чудом.

Для Эйриллона оно было обычным началом нового дня.

На самом высоком острове возвышался дворец Солариарха — сердце власти трех Великих Домов. Его купола сияли так ярко, что в солнечном свете казались отлитыми из чистого золота, а многочисленные террасы утопали в садах, где круглый год цвели серебристые деревья.

Но далеко не все дороги вели ко дворцу.

По одной из широких улиц уверенным шагом шел молодой мужчина.

Его сразу можно было узнать даже среди десятков других айрэнов.

Высокий. Стройный. С безупречной осанкой человека, с детства привыкшего к вниманию окружающих.

Светлые волосы, чуть длиннее принятых при дворе, свободно спадали на ворот темно-кремового камзола, расшитого золотыми нитями. За спиной были сложены четыре великолепных крыла — густые, сильные, с мягким золотистым отливом, который становился особенно заметен, когда солнечные лучи касались каждого пера.

Но больше всего запоминались его глаза. Яркие. Теплые. Удивительно живые. В них не было холодной надменности, столь привычной для большинства представителей Дома Соларис.

Напротив, казалось, что он искренне рад каждому, кого встречает.

— Ваше Высочество!

Молодой стражник, охранявший вход в городской госпиталь, поспешно выпрямился и прижал кулак к груди.

— Доброе утро, капитан Орен, — с улыбкой ответил принц. — Надеюсь, сегодня никто не пытался убедить тебя, что караул — самое скучное занятие в Эйрилоне?

Парень смущенно рассмеялся.

— Только мой напарник.

— Значит, ему явно не хватает фантазии.

Лиор дружески похлопал стражника по плечу и поднялся по широким мраморным ступеням.

Внутри госпиталя пахло лекарственными травами, свежей древесиной и чистой водой.

По длинным светлым галереям бесшумно двигались лекари в серебристо-голубых одеждах Дома Люменор. Кто-то нес подносы с лекарствами, кто-то помогал пациентам подняться, а в открытые окна свободно влетал теплый ветер, наполняя просторные помещения запахом цветущих садов.

Стоило Лиору переступить порог главного зала, как несколько человек сразу подняли головы.

— Ваше Высочество!

— Принц приехал!

— Лиор!

Последним его окликнул широкоплечий воин с перевязанным плечом.

— Неужели решили проверить, не симулирую ли я?

Лиор тихо рассмеялся.

— Если бы ты умел симулировать, Торен, тебя никогда не назначили бы командиром сотни.

Воин громко фыркнул.

— А вот моя жена утверждает обратное.

— Значит, дома ты гораздо талантливее, чем на службе.

По залу прокатился дружный смех.

Лиор подходил к каждому раненому, здоровался за руку, спрашивал о самочувствии, вспоминал имена детей, интересовался, успели ли доставить письма семьям. Он никого не обходил вниманием, и было видно, что делает это не по обязанности.

Он действительно помнил каждого.

Именно поэтому в ответ ему улыбались даже те, кому каждое движение причиняло боль.

— Ваше Высочество...

Тихий детский голос заставил его остановиться.

В дальнем углу зала, крепко прижав к груди маленькое одеяло, сидел мальчик лет семи. Его два еще совсем небольших серебристых крыла были неуклюже расправлены, а одно из них лекарь осторожно готовил к перевязке.

Ребенок изо всех сил старался не заплакать, но глаза уже блестели от слез.

— Что случилось? — мягко спросил Лиор, присаживаясь рядом так, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

— Он боится, — с виноватой улыбкой объяснил лекарь. — Во время тренировочного полета неудачно задел скалу. Крыло придется фиксировать на несколько дней.

Мальчик сердито посмотрел на лекаря.

— Я не боюсь.

— Конечно, не боишься, — серьезно согласился Лиор. — Просто иногда самые смелые воины делают вид, что им совсем не нравится, когда кто-то копается в их крыльях.

Мальчик осторожно поднял на него глаза.

— Правда?

— Абсолютная.

Лиор заговорщически наклонился ближе.

— Только никому не рассказывай, но лет пятьдесят назад мне тоже пришлось носить такую повязку.

— И было больно?

Принц ненадолго задумался.

— Честно?

Мальчик кивнул.

— Было страшнее до того, как начали лечить. А потом оказалось, что я зря переживал.

Он протянул мальчику маленькую деревянную фигурку летящей птицы, которую незаметно достал из кармана.

— Подержишь ее, пока лекарь работает? Только потом вернешь. Это мой счастливый талисман.

Глаза ребенка тут же загорелись. Он крепко сжал фигурку обеими руками, и лекарь, воспользовавшись моментом, осторожно начал накладывать повязку. Мальчик даже не вздрогнул.

Лиор сидел рядом до тех пор, пока перевязка не закончилась, а затем поднялся.

— Ну вот, — улыбнулся он. — Теперь можешь честно говорить всем, что победил целого лекаря.

Мальчик рассмеялся так искренне, что смех подхватили даже взрослые.

Именно в этот момент к принцу быстрым шагом подошел высокий мужчина в бело-золотом плаще с гербом Дома Соларис.

Он остановился рядом и негромко произнес:

— Ваше Высочество, Солариарх ожидает вас немедленно. Созван Совет Трех Домов.

Улыбка не исчезла с лица Лиора. Но в его взгляде что-то едва заметно изменилось. Словно дверь, только что открытая навстречу солнечному свету, медленно начала закрываться.

— Благодарю, Эрис, — спокойно ответил он. — Передайте отцу, что я прибуду через несколько минут.

Гонец коротко поклонился и удалился.

Лиор еще раз посмотрел на мальчика, который уже оживленно показывал свою новую повязку соседям по палате, затем перевел взгляд в высокое окно, за которым над сияющим Аэларисом медленно кружили десятки айрэнов.

Он едва заметно улыбнулся.

А потом глубоко вдохнул, словно оставляя здесь одну часть себя и готовясь вновь стать тем, кем его хотели видеть во дворце.

Наследным принцем Эйрилона.

Лиор неторопливо вышел из госпиталя и на несколько секунд остановился на широкой террасе.

Отсюда весь Аэларис лежал перед ним, словно искусно выполненная карта, созданная руками безупречного мастера.

Город уже окончательно проснулся.

Над парящими островами сновали гонцы, торговцы открывали лавки, в садах слышались голоса детей, а в небе один за другим поднимались айрэны, отправлявшиеся кто на службу, кто по своим делам. Их крылья вспыхивали в солнечном свете серебром, золотом, темной сталью и жемчужной белизной, превращая утреннее небо в живую мозаику.

Лиор всегда любил смотреть на свой город именно в этот час.

Не во время праздников. Не во время военных парадов. А тогда, когда айрэны просто жили.

Он был наследником престола с самого рождения. Его учили стратегии, дипломатии, истории Великих Домов, искусству владения мечом и законам государства задолго до того, как он научился летать.

Ему бесконечно повторяли, что однажды судьба миллионов окажется в его руках.

Но никто никогда не говорил, как сохранить в этих руках собственное сердце.

— Ваше Высочество.

Негромкий голос прозвучал совсем рядом. Лиор обернулся.

Позади стоял тот самый гонец, Эрис, однако теперь выражение его лица стало значительно серьезнее.

— Простите мою настойчивость, но Солариарх приказал доставить вас без промедления.

— Что-то случилось?

Эрис на мгновение замялся.

— На Совете присутствуют представители всех трех Домов.

Лиор чуть приподнял бровь.

— Даже Люменор?

— Да.

Это действительно было необычно.

Совет собирался регулярно, но далеко не всегда в полном составе. Если Архонт Люменора лично покидал свои архивы, значит, вопрос касался не просто политики.

Лиор молча кивнул.

— Идем.

Дорога ко дворцу пролежала через центральный мост, соединявший два самых больших острова.

Под ногами тихо светился белоснежный камень, словно внутри него текла жидкая лунная энергия. Легенды утверждали, что эти мосты были построены еще до разделения Великих Домов и никогда не разрушались, даже во время самых страшных войн.

По обе стороны дороги возвышались стройные деревья с серебристой корой. Их листья тихо шелестели, хотя ветра почти не было.

Когда Лиор был ребенком, ему говорили, что эти деревья помнят каждого правителя Эйрилона.

Сейчас он уже не верил в подобные сказки.

Но почему-то каждый раз, проходя здесь, невольно ощущал, будто за ним действительно наблюдают.

— Ваше Высочество!

Навстречу выбежала молодая девушка в простой светлой одежде. В руках она держала небольшую корзину с белыми цветами.

Увидев принца, она поспешно поклонилась.

— Простите... я не хотела мешать.

— Тогда зачем бежала? — с улыбкой спросил Лиор.

Девушка смущенно покраснела.

— Сегодня день памяти моего отца.

Лиор сразу стал серьезнее.

— Он служил в армии?

— Да. Дом Ноктис. Погиб семь лет назад на южной границе.

Лиор помолчал несколько секунд. Он хорошо помнил ту кампанию. Слишком хорошо. Тогда погибли сотни воинов. Среди них был и отец этой девушки.

— Как его звали?

— Арден.

Лиор медленно повторил имя про себя. Потом неожиданно сказал:

— Он спас мой отряд.

Девушка удивленно подняла глаза.

— Правда?

— Если бы не он, меня бы сейчас здесь не было.

Это не было утешением. Это была правда. Он помнил темно-серые крылья воина, закрывшие его от вражеского копья. Помнил, как тот успел улыбнуться прежде, чем сорвался вниз.

— Ваш отец был очень храбрым человеком.

Девушка прижала корзину к груди. В ее глазах заблестели слезы.

— Спасибо...

Лиор осторожно коснулся ее плеча.

— Не благодарите меня. Постарайтесь жить так, чтобы он мог вами гордиться. Для хороших людей это лучшая память.

Он уже собирался идти дальше, когда девушка вдруг окликнула его.

— Ваше Высочество...

Лиор обернулся.

— Спасибо, что вы не забываете их.

На мгновение он опустил взгляд. Ему хотелось ответить что-нибудь красивое. Но вместо этого он тихо произнес:

— Я забываю. Каждый день. И именно поэтому стараюсь вспоминать снова.

Девушка ничего не ответила. Она лишь низко поклонилась, а Лиор продолжил путь.

Эрис шел немного позади, сохраняя почтительную дистанцию.

Несколько минут они молчали. Затем гонец неожиданно произнес:

— Народ любит вас.

Лиор едва заметно усмехнулся.

— Народ любит надежду, Эрис.

— Разве это плохо?

— Нет.

Он поднял взгляд на белоснежный дворец, уже совсем близкий.

— Просто надежда часто требует слишком высокой цены.

Перед ними медленно распахнулись огромные золотые ворота. Шум города остался позади.

Стоило Лиору переступить порог дворца, как улыбка окончательно исчезла с его лица.

Он не стал другим человеком.

Но теперь в каждом его движении появилась сдержанность, которой не было всего несколько минут назад. Плечи расправились. Взгляд стал холоднее. Походка — размеренной и уверенной.

Наследный принц Дома Соларис вновь занял свое место.

В конце длинной мраморной галереи уже ожидали двое стражей. Они одновременно ударили древками копий о пол.

— Его Высочество Лиор Соларис. Солариарх ожидает вас в Зале Трех Домов.

Лиор молча кивнул и направился вперед.

До дверей, за которыми решались судьбы Эйриллона, оставалось всего несколько десятков шагов.

Мраморная галерея тонула в мягком утреннем свете, льющемся сквозь высокие арочные окна. По обе стороны возвышались статуи прежних Солариархов — величественные фигуры с

четырьмя расправленными крыльями, высеченные из белого камня так искусно, что казалось, будто еще мгновение, и они оживут.

Лиор шел неспешно. Не потому, что хотел заставить ждать. Просто за эти несколько минут ему нужно было окончательно оставить за спиной госпиталь, улыбки раненых воинов, благодарные взгляды их семей и маленького мальчика, который теперь наверняка показывал всем свою повязку как знак будущих подвигов.

За этими дверями не было места подобным чувствам. Там говорили языком законов. Союзов. Компромиссов. И угроз.

Перед массивными створками из светлого металла стояли четверо стражей личной гвардии Солариарха.

Их золотистые крылья были сложены за спинами с почти пугающей точностью, а лица оставались совершенно непроницаемыми. Каждый из них служил не одному правителю, а самому престолу, и потому не принадлежал ни одному из Великих Домов.

Когда Лиор приблизился, старший страж шагнул вперед и низко поклонился.

— Его Высочество.

— Кто уже прибыл?

— Все, кого ожидал Солариарх.

Лиор едва заметно кивнул.

— Дом Ноктис?

— Командующий Каэль и глава разведки Лион прибыли первыми.

Лиор понимающе усмехнулся.

— На них это похоже.

Страж позволил себе почти незаметную улыбку.

— Архонт Аэрон тоже уже внутри. Представители Люменора прибыли несколько минут назад.

Значит, Совет действительно обещал быть непростым.

Если Архонт покинул Озерный край, значит, дело касалось не только военной угрозы. Хранители знаний крайне редко вмешивались в государственные вопросы, предпочитая наблюдать со стороны. Они появлялись лишь тогда, когда понимали: молчание становится опаснее сказанных вслух слов.

Лиор уже собирался войти, когда услышал позади быстрые шаги.

— Ваше Высочество!

Он обернулся. По галерее почти бежал молодой помощник канцлера, прижимая к груди толстую кожаную папку. Добравшись до принца, он остановился, пытаясь перевести дыхание.

— Простите... я боялся не успеть.

— Судя по вашему виду, вы действительно очень боялись, — с легкой улыбкой заметил Лиор.

Юноша смущенно опустил глаза.

— Канцлер просил передать вам обновленные сводки с южной границы.

Лиор принял папку.

— Благодарю.

Он раскрыл ее прямо на ходу. Несколько страниц были посвящены передвижению военных отрядов. Следующие — поставкам продовольствия. Затем шли донесения разведки.

Лиор быстро пробежал глазами строки, привычно отмечая детали.

Его внимание привлекла короткая запись в самом конце.

«Активность Разломов за последние трое суток увеличилась в четыре раза. Причина не установлена.»

Он остановился и перечитал строку еще раз. Всего одно предложение. Без выводов.

Только сухой факт.

Лиор медленно закрыл папку. Слишком много совпадений для одного дня. Сначала срочный Совет. Потом присутствие Архонта. Теперь аномальная активность Разломов. Что-то действительно менялось. И, судя по всему, быстрее, чем предполагал даже Совет.

Тяжелые двери медленно начали расходиться в стороны.

Изнутри пахло прохладой белого камня и тонким ароматом благовоний. Лиор расправил плечи и переступил порог.

Зал Трех Домов встретил его торжественной тишиной.

Под высоким куполом, расписанным историей создания Эйрилона, уже собрались те, чьи решения определяли судьбу мира.

Во главе круглого зала, на возвышении из золотистого камня, сидел Солариарх.

По правую руку от него, спокойный и невозмутимый, расположился Архонт Аэрон. Чуть дальше, сохраняя привычную холодную сдержанность, стоял Каэль. Рядом с ним, небрежно опираясь плечом о колонну, словно происходящее было для него лишь очередной страницей длинной истории, находился Лион.

Но Лиор знал друга слишком хорошо.

Если Лион переставал улыбаться, значит, разведка уже принесла новости, способные встревожить даже самых хладнокровных.

Лиор медленно обвел взглядом присутствующих. Все ждали только его.

И почему-то впервые за много лет ему показалось, что сегодняшний Совет закончится совсем не так, как начинался.

Несколько долгих секунд в Зале Трех Домов царила тишина.

Она не казалась неловкой.

Напротив, в ней ощущалась многовековая привычка этих людей сначала наблюдать, а уже потом говорить.

Лиор неторопливо подошел к своему месту по правую руку от Солариарха и коротко поклонился отцу.

— Прошу простить за задержку.

Солариарх лишь слегка наклонил голову.

— Ты пришел вовремя.

Его голос звучал спокойно, однако каждый, кто находился в этом зале, прекрасно знал: за внешним спокойствием правителя всегда скрывался холодный расчет.

Солариарх выглядел именно так, как и должен выглядеть человек, несколько десятилетий удерживающий власть над тремя Великими Домами. Высокий. Статный.

С прямой спиной человека, никогда не позволяющего себе слабости.

Светлые волосы уже тронула благородная седина, но это лишь придавало ему еще больше достоинства. Золотистые глаза, унаследованные всеми представителями Дома Соларис, смотрели внимательно и пронизательно, словно были способны увидеть не только лицо собеседника, но и его истинные намерения.

За его спиной покоились четыре величественных крыла.

Их золотое сияние было мягче, чем у Лиора, однако чувствовалась сила, накопленная за долгие годы.

Солариарх перевел взгляд на остальных.

— Начнем.

Он не повышал голос. В этом не было необходимости. Все присутствующие мгновенно сосредоточились.

Архонт Аэрон медленно поднялся со своего места.

Высокий, в длинном серебристо-голубом одеянии выглядел почти невесомым.

Он спокойно посмотрел на каждого из присутствующих.

— За последние четыре дня произошло три события, которые невозможно рассматривать по отдельности.

Он сделал небольшую паузу.

— Во-первых, активность Разломов увеличилась почти в четыре раза.

Во-вторых, древние печати в Архивах Люменора начали терять свою силу.

И, наконец...

Архонт медленно перевел взгляд на Каэля.

— Разведка Дома Ноктис подтвердила присутствие Наследницы на Земле.

Лиор внимательно посмотрел на Каэля. Командующий даже не шелохнулся.

Он стоял, заложив руки за спину, с привычным спокойствием человека, который давно научился не показывать своих мыслей.

Темные волосы были собраны у основания шеи тонким кожаным ремешком. Высокие скулы, прямой нос и четко очерченная линия подбородка делали его лицо почти безупречным, однако холодный взгляд серо-стальных глаз мгновенно разрушал впечатление красоты. Он казался опасным. Не потому, что хотел казаться.

А потому, что действительно был таким.

Его темно-серые крылья спокойно покоились за спиной, и лишь едва заметные серебристые прожилки на перьях выдавали принадлежность к высшей знати Дома Ноктис.

— Подтверждаю, — спокойно произнес Каэль. — Наследница жива.

— И?

Вопрос Солариарха прозвучал коротко.

Каэль не спешил отвечать.

— За последние дни она неосознанно активировала несколько древних знаков. Кроме того, появились признаки того, что Разлом начинает отзываться на ее присутствие.

Легкое напряжение пробежало по залу. Один из советников Дома Соларис негромко произнес:

— Значит, пророчество действительно...

Архонт бросил на него настолько спокойный взгляд, что тот мгновенно замолчал.

— Мы собрались не для того, чтобы обсуждать легенды, — произнес Аэрон. — Нас интересуют факты.

Он снова посмотрел на Каэля.

— Продолжайте.

Командующий едва заметно кивнул.

— Лион продолжает наблюдение. Пока она ничего не знает о своем происхождении и не проявляет осознанной магии. Не пытается открыть Разлом.

Он сделал небольшую паузу.

— Но изменения происходят быстрее, чем мы предполагали.

Лиор, до этого молча слушавший разговор, наконец заговорил:

— Что именно изменилось?

Каэль перевел взгляд на принца.

— Сегодня она самостоятельно прочитала текст, написанный на языке Первых.

В зале стало так тихо, что было слышно, как потрескивают светильники под высоким куполом.

Даже Лиор на мгновение утратил привычное спокойствие.

— Это невозможно.

— Именно поэтому, — негромко ответил Архонт, — мы больше не можем позволить себе ждать.

Солариарх медленно переплел пальцы.

— Тогда остается главный вопрос.

Он обвел взглядом членов Совета.

— Что мы будем делать с женщиной, которая, сама того не подозревая, уже начала менять равновесие двух миров?

Ответа не последовало.

Потому что впервые за многие столетия в этом зале не существовало решения, с которым были бы согласны все.

Молчание затягивалось.

Каждый из присутствующих понимал: ответ, который сейчас прозвучит, может изменить историю Эйрилона.

Первым нарушил тишину один из старейшин Дома Соларис.

Невысокий мужчина с золотистыми крыльями медленно поднялся со своего места и, опираясь ладонями о край стола, произнес:

— Мне кажется странным, что мы вообще обсуждаем этот вопрос. Закон существует не первое тысячелетие. Если Наследница найдена, она должна быть уничтожена до того, как ее сила окончательно пробудится.

Несколько советников согласно кивнули.

— Иначе, — продолжил он, — мы рискуем поставить под угрозу существование всего Эйрилона.

— Или собственную власть? — спокойно спросил Лиор.

В зале воцарилась тишина. Старейшина медленно повернул голову.

— Что вы имеете в виду, Ваше Высочество?

Лиор не отвел взгляда.

— Именно то, что сказал.

Он говорил негромко, без вызова, но в его голосе появилась та уверенность, которую наследник престола позволял себе лишь тогда, когда был абсолютно убежден в собственной правоте.

— Мы слишком часто прикрываемся древними законами, не задавая себе самого простого вопроса: почему эти законы вообще появились.

Советник усмехнулся.

— Вы предлагаете проверить это на практике?

— Я предлагаю перестать принимать решения, руководствуясь страхом.

— Страхом? — переспросил другой представитель Соларис. — Если пророчество сбывается, погибнем все.

Лиор спокойно развел руками.

— Возможно.

— Тогда почему вы возражаете?

— Потому что до сих пор никто из присутствующих не видел эту женщину.

Несколько взглядов сразу обратились к Каэлю.

Лиор тоже посмотрел на него.

— Кроме ваших людей.

Каэль встретил его взгляд совершенно спокойно.

— Это так.

— Тогда скажите нам, командующий.

В голосе Лиора не было ни насмешки, ни попытки поймать его на слове. Только искреннее желание услышать ответ.

— Кто она?

Все присутствующие невольно замолчали. Вопрос оказался намного сложнее, чем могло показаться.

Каэль не ответил сразу.

Он словно заново прокрутил в памяти короткие донесения Лиона, каждое из которых было удивительно подробным.

Женщина двадцати восьми лет. Переводчик древних текстов. Разведена. Живет одна.

Не проявляет агрессии. Не пытается скрываться. За ней не замечено стремления к власти. Несколько месяцев назад потеряла ребенка. Четыре месяца назад пережила развод. Он помнил каждую строчку, а еще разговор у озера. Но сейчас почему-то ни одна из них не казалась подходящим ответом.

Архонт Аэрон внимательно наблюдал за ним.

Ему не понравилась эта короткая пауза. Слишком короткая, чтобы ее заметили остальные. И достаточно длинная, чтобы заметил он.

Наконец Каэль заговорил.

— Обычная женщина.

Лиор слегка прищурился.

— Обычная?

— Именно.

— И только поэтому Разломы начали пробуждаться?

Вопрос прозвучал спокойно. Но Каэль прекрасно понял его смысл.

— Мы не знаем, что именно стало причиной, — ответил он ровным голосом. — Пока мы располагаем только фактами.

— Тогда, возможно, не стоит торопиться с приговором, — тихо произнес Лиор.

— Иногда промедление обходится слишком дорого, — впервые вмешался Солариарх.

Его голос прозвучал негромко, но мгновенно заставил всех замолчать.

Правитель поднялся.

Медленно обошел круглый стол и остановился у огромной карты Эйрилона, занимавшей почти всю стену.

Тонкие светящиеся линии, обозначающие Разломы, мягко пульсировали под стеклом.

Еще несколько месяцев назад они были редкими и едва заметными. Теперь же их стало значительно больше. Некоторые вспыхивали ярче остальных. Солариарх провел ладонью над одной из линий.

— Посмотрите внимательно.

Все присутствующие поднялись со своих мест.

— Эти изменения произошли всего за четыре дня.

Он перевел взгляд на Архонта.

— Вы по-прежнему считаете, что мы можем ждать?

Аэрон молчал несколько секунд.

Его серебристые глаза были устремлены не на карту, а куда-то значительно дальше, словно он пытался увидеть то, что скрывалось за пределами времени.

— Нет, — наконец произнес он.

— Ждать мы больше не можем. Но и повторять ошибки наших предков — тоже.

В зале снова стало тихо.

И впервые с начала Совета стало очевидно: даже два самых влиятельных человека Эйрилона не уверены, какое решение окажется правильным.

Слова Архонта еще несколько мгновений висели в воздухе. Никто не торопился их нарушить.

Наконец Солариарх медленно повернулся к Каэлю.

— Ты видел ее собственными глазами.

Это был не вопрос. Командующий спокойно встретил взгляд правителя.

— Да.

— Тогда расскажи Совету то, чего не могут рассказать донесения.

Каэль ненадолго задумался. Он не любил описывать людей. Предпочитал говорить о фактах. О расстояниях, численности войск, вероятности победы.

Но сейчас от него ждали совсем другого.

— Она не похожа на человека, который понимает, что с ней происходит.

Лиор внимательно слушал, не перебивая.

— Когда я увидел ее, — продолжил Каэль, — она не искала Разлом. Не пыталась использовать свою силу. Она вообще не знала, что находится рядом с ним.

Он на мгновение замолчал.

Перед глазами неожиданно возниклозеро. Тихая вода.

— Она выглядела... потерянной, — произнес Каэль, сам не ожидая, что выберет именно это слово.

Несколько человек удивленно переглянулись. Лиор чуть заметно приподнял бровь.

— Потерянной?

— Да.

— Это не похоже на описание угрозы.

— Угроза определяется не намерениями, — спокойно ответил Каэль. — Иногда достаточно самой природы силы.

Архонт Аэрон едва заметно кивнул.

— Продолжай.

— Разлом отреагировал на нее раньше, чем она успела что-либо сделать. Это означает, что процесс уже начался.

— Почему ты не устранил ее сразу?

Вопрос прозвучал резко. Не обвиняюще. Так, словно речь шла об очередном пункте военного отчета.

Каэль ответил без колебаний.

— Потому что не было фактов, что она Наследница.

Ложь.

Совсем небольшая.

Настолько незначительная, что никто, кроме самого Каэля, не почувствовал ее тяжести.

Архонт Аэрон едва заметно кивнул.

— Продолжай.

Каэль спокойно выдержал его взгляд.

— Во время нашей встречи у озера Мирай она не обладала никакими знаниями о своей природе. Она не понимала, кто я, не понимала, почему оказалась там, и пыталась объяснить происходящее привычной человеческой логикой.

Он говорил спокойно, словно докладывал о передвижении войск. Но почему-то перед глазами снова возникло ее лицо. Растерянное. Уставшее.

И вместе с тем удивительно спокойное для человека, оказавшегося рядом с тем, чего не должно существовать.

— Она не искала Разлом, — продолжил Каэль. — Напротив, она пыталась уйти от него. Единственное, чего ей хотелось в тот момент, — понять, не сходит ли она с ума.

Несколько советников удивленно переглянулись.

— Значит, сила проявляется без ее воли? — спросил один из них.

— Именно так.

Архонт медленно сцепил пальцы за спиной.

— Это подтверждает древние записи. Наследница не управляет Астралис. На первых этапах Астралис управляет ею.

В зале стало заметно тише.

Солариарх внимательно посмотрел на Каэля.

— Она узнала тебя?

— Нет.

— Что она увидела?

Вопрос прозвучал неожиданно. Каэль на мгновение задумался.

— Незнакомца.

— И только?

Командующий медленно покачал головой.

— Скорее человека, который знал больше, чем хотел сказать.

Лиор внимательно наблюдал за ним.

— Она задавала вопросы?

— Да.

— Какие?

— Кто я. Откуда знаю ее имя. Почему сказал ей держаться подальше от озера.

— И что ты ответил?

Каэль спокойно посмотрел на наследного принца.

— Правду, которую мог сказать, не нарушив приказ.

Лиор едва заметно улыбнулся.

— Значит, почти ничего.

В уголках губ Каэля промелькнуло что-то похожее на едва уловимую усмешку.

— Достаточно, чтобы она ушла.

— Но недостаточно, чтобы перестала искать ответы, — тихо произнес Архонт.

Никто ему не возразил. Потому что все понимали: именно так и рождаются легенды. Не тогда, когда человеку открывают истину. А тогда, когда оставляют слишком много вопросов без ответов.

Архонт Аэрон не сводил с него взгляда. Его лицо оставалось совершенно спокойным. Но в глубине серебристых глаз мелькнуло что-то похожее на сомнение. Он слишком давно знал Каэля.

Достаточно давно, чтобы заметить: командующий никогда не позволял себе даже самой маленькой неточности в докладах.

И если сегодня он что-то недоговаривает, значит, причина действительно серьезнее, чем кажется.

— Значит, — негромко произнес Лиор, нарушая затянувшееся молчание, — у нас есть время.

Солариарх медленно повернул к нему голову.

— Объясни.

— Если бы Наследница уже представляла непосредственную угрозу, Каэль не стал бы возвращаться с докладом. Он выполнил бы приказ.

В зале вновь воцарилась тишина. Все взгляды обратились к командующему. Каэль не ответил. Потому что слова принца были абсолютно логичны. И именно поэтому становились опасными.

Лиор продолжил уже спокойнее:

— Мы впервые за тысячи лет столкнулись не с легендой, а с живым человеком. Возможно, именно поэтому нам стоит перестать действовать по законам, написанным теми, кто никогда не видел Наследницу своими глазами.

Эти слова прозвучали без вызова.

Но каждый в Зале Трех Домов понял: наследный принц впервые открыто поставил под сомнение решение, принятое еще до начала этого Совета.

Несколько долгих мгновений никто не произносил ни слова.

Их взгляды встретились. Никто не повышал голос. Никто не спорил.

Но в пространстве между ними возникло напряжение, которое чувствовалось почти физически — как натянутая до предела нить, готовая либо выдержать, либо оборваться.

Солариарх медленно перевел взгляд с сына на командующего. Архонт Аэрон наблюдал молча. Он не вмешивался и не собирался. В этом споре не было нужды в третьем голосе. Здесь уже столкнулись не люди. А два принципа, на которых держался весь Эйрилон.

Сила и сомнение. Приказ и выбор. Лиор и Каэль.

И впервые за весь Совет стало очевидно: проблема заключалась не в Наследнице. А в том, что даже внутри их мира не существовало единого ответа, что с ней делать.

Архонт Аэрон чуть наклонил голову, едва заметно, почти неуловимо. Не как знак согласия. Скорее как мысль, которую он не стал произносить вслух. Иногда самые опасные решения рождаются не из ошибки. А из того, что обе стороны оказываются правы одновременно. И именно это делало будущее Эйрилона непредсказуемым.

Первым нарушил молчание Лиор.

Он медленно поднялся со своего места и сделал несколько шагов к огромной карте Разломов, мерцающей на противоположной стене.

Тонкие световые линии пересекали Эйрилон, уходили за его пределы и растворялись в темной пустоте, где начинался иной мир.

Некоторое время принц молча смотрел на карту.

Потом негромко спросил:

— Сколько раз за последние три тысячи лет появлялась Наследница?

Архонт ответил не сразу.

— По подтвержденным записям — трижды.

— И каждый раз ее убивали?

— Да.

— До того, как она успевала овладеть своей силой?

— Да.

Лиор медленно кивнул.

— Тогда позвольте задать еще один вопрос.

Он повернулся к Совету.

— Откуда нам известно, что именно она должна уничтожить Эйрилон?

Вопрос вызвал заметное оживление. Несколько советников недовольно переглянулись. Один из представителей Дома Соларис даже не стал скрывать раздражения.

— Потому что об этом говорится в пророчестве.

— Нет, — спокойно возразил Лиор. — В пророчестве говорится совсем другое.

Он перевел взгляд на Архонта.

— Если я правильно помню древний текст, там сказано:

«Когда придет Наследница Разлома, мир перестанет принадлежать тем, кто правит небом.»

Он сделал короткую паузу.

— Но там нет ни слова о гибели Эйрилона.

Архонт внимательно посмотрел на принца. В его взгляде не было удивления. Скорее — интерес.

— Ты хорошо изучал древние хроники.

— Вы сами заставляли меня их читать.

В уголках губ Архонта появилась едва заметная улыбка.

— Верно.

Солариарх медленно поднялся со своего места.

— Ты хочешь сказать, что все наши предки ошибались?

— Я хочу сказать, что они могли бояться не конца мира.

Лиор посмотрел прямо на отца.

— А конца собственной власти.

Тишина.

Такая глубокая, что казалось, будто замер даже воздух. Один из советников резко поднялся.

— Ваше Высочество! Вы обвиняете собственных предков?

— Нет.

Лиор оставался удивительно спокойным.

— Я всего лишь напоминаю, что историю всегда записывают победители. А победители редко признаются, чего боялись на самом деле.

— Это опасные слова.

— Но разве они становятся ложью только потому, что опасны?

Советник хотел что-то возразить, однако Солариарх едва заметным движением руки остановил его.

Все это время Каэль молчал. Он внимательно слушал спор, не вмешиваясь.

Лиор повернулся к нему.

— А ты что думаешь?

Командующий не сразу ответил.

— Я думаю, что пророчества — плохие советчики.

— Но?

— Приказы гораздо надежнее.

По залу пробежала легкая волна улыбок.

Все прекрасно знали характер Каэля.

Лиор тоже улыбнулся.

— Даже если приказ окажется ошибочным?

— Тогда ответственность лежит на том, кто его отдал.

— Нет, Каэль.

Принц медленно покачал головой.

— Ответственность всегда лежит на том, кто заносит меч.

Каэль встретил его взгляд.

И впервые за весь разговор в его голосе появилась едва заметная твердость.

— Если воин начнет обсуждать каждый приказ, государство перестанет существовать.

— А если перестанет думать, — спокойно ответил Лиор, — оно однажды уничтожит само себя.

Их взгляды встретились.

Никто не повышал голос. Никто не спорил.

Но все присутствующие отчетливо почувствовали, что сейчас столкнулись два человека, которым однажды предстоит принять самое важное решение в своей жизни.

Архонт Аэрон медленно перевел взгляд с одного на другого. Его серебристые глаза оставались совершенно спокойными.

Однако про себя он отметил то, чего не заметил больше никто. Они оба были правы.

И именно это пугало его сильнее всего.

Тишина в Зале Трех Домов не исчезла. Она просто изменила форму. Стала плотнее. Тяжелее. Более выжидающей.

Солариарх медленно вернулся на свое место и сел, не сводя взгляда с карты Разломов.

Пальцы его легко коснулись подлокотника трона, и светящиеся линии на стене едва заметно дрогнули, будто откликнулись на его присутствие.

— Достаточно теории, — произнес он наконец.

Голос прозвучал спокойно, но в нем больше не было места для обсуждений.

— Нам нужны действия.

Лиор медленно вернулся на свое место, не отводя взгляда от отца.

Каэль остался стоять неподвижно. Лишь едва заметное движение крыльев выдало, что он все еще слушает.

Архонт Аэрон слегка повернул голову.

— Какие именно действия ты предлагаешь?

Солариарх не ответил сразу. Он поднялся.

И в тот же момент в зале словно изменилось само ощущение пространства — не резко, не очевидно, но так, как меняется воздух перед грозой.

— Наследница Разлома больше не может оставаться вне нашего контроля.

Несколько советников переглянулись.

Лиор едва заметно напрягся.

— Ты предлагаешь устранение? — спокойно спросил Архонт.

— Я предлагаю контроль, — поправил Солариарх. — Если устранение невозможно без риска пробуждения Разломов, значит, мы должны первыми добраться до нее.

— И что именно ты подразумеваешь под «добраться»? — уточнил Лиор.

Солариарх посмотрел на сына. И на этот раз в его взгляде не было ни отцовской мягкости, ни привычной дипломатии. Только власть.

— Привести ее сюда.

В зале повисло короткое, почти хрупкое молчание.

Каэль медленно поднял взгляд.

— Живой?

— Да.

— Добровольно? — уточнил Архонт.

Солариарх не ответил сразу. И этого было достаточно. Лиор тихо выдохнул.

— Ты хочешь не разговора с ней, — произнес он. — Ты хочешь заложницу.

— Я хочу стабильности, — холодно ответил Солариарх. — И если для этого нужно изменить ее положение в этом мире, я готов принять последствия.

Архонт Аэрон медленно шагнул вперед.

— Это опасный путь.

— Любой путь опасен, — ответил Солариарх. — Вопрос лишь в том, какой из них не приведет к гибели Эйрилона.

Каэль наконец заговорил.

— Если она действительно Наследница, попытка насильственного перемещения может спровоцировать неконтролируемый Разлом.

— Тогда ты предлагаешь ждать? — резко спросил один из советников.

Каэль посмотрел на него спокойно.

— Я предлагаю не превращать угрозу в катастрофу.

Лиор снова поднялся.

— А если она не угроза?

Все взгляды вновь обратились к нему.

— Тогда вы собираетесь начать войну с человеком, который даже не знает, что является ее причиной.

Солариарх медленно подошел к карте. Его ладонь зависла над центральной линией Разломов.

— Войну мы можем начать и без этого.

Он чуть повернул голову.

— Но проиграть ее мы не имеем права.

В зале снова стало тихо. И на этот раз тишина была иной. В ней уже не было спора.

В ней появилось решение, которое еще никто не произнес вслух полностью.

Только Каэль это понял раньше остальных. Потому что именно он чаще других выполнял такие решения. И именно он чаще других знал, чем они заканчиваются.

Он медленно опустил взгляд, а потом тихо произнес:

— Если вы отдадите этот приказ, я отправлюсь за ней.

Лиор резко повернулся.

— Один?

Каэль встретил его взгляд.

— Так меньше шансов спровоцировать Разлом.

Архонт Аэрон посмотрел на Солариарха.

— Это рискованно.

Солариарх закрыл глаза на секунду.

А потом произнес:

— Тогда решение принято.

И в этот момент судьба Эллианны впервые была официально оформлена как военная операция Эйрилона.

Несколько секунд никто не двигался. словно само произнесенное решение еще не успело окончательно закрепиться в реальности.

Потом Солариарх медленно опустил руку. И это стало знаком.

Совет завершен.

Легкий шум прошел по залу — движение одежд, едва слышные шаги, тихие обмены взглядами. Но никто не спешил уходить. В таких залах никогда не уходят сразу. Здесь принято сначала пережить сказанное.

Лиор остался стоять у своего места.

Он смотрел на отца, но в его взгляде больше не было привычного уважения, смешанного с спокойной уверенностью наследника. Только напряжение.

— Ты отправляешь его одного, — произнес он наконец.

Солариарх не сразу ответил.

— Каэль лучше всего подходит для этой задачи.

— Это не ответ, — спокойно сказал Лиор.

Архонт Аэрон наблюдал за ними молча, не вмешиваясь.

Каэль стоял чуть в стороне, словно уже мысленно отделился от этого зала.

— Он не просто командующий, — продолжил Лиор. — Он единственный, кто видел ее. И ты отправляешь его туда, где любое неверное решение может стоить нам Разлома.

Солариарх посмотрел на сына.

— Ты предлагаешь иной вариант?

Лиор на мгновение замолчал. И это молчание было честнее любого ответа.

— Я предлагаю не делать из нее цель, пока мы не понимаем, кто она.

— Время уже вышло, — спокойно ответил Солариарх.

Лиор слегка сжал пальцы.

— Время вышло у тебя, — тихо сказал он. — Но не у нее.

Эти слова повисли в воздухе. Каэль медленно повернул голову в его сторону. Очень спокойно. Слишком спокойно.

— Ты говоришь так, будто уже решил, кто она для нас, — произнес он.

Лиор встретил его взгляд.

— Я говорю так, потому что ты уже видел ее.

Пауза. Короткая.

Но достаточно тяжелая, чтобы в ней уместилась вся правда, о которой никто не хотел говорить вслух.

Каэль не ответил сразу. Потом тихо произнес:

— Видел.

И больше ничего.

Архонт Аэрон чуть наклонил голову.

— Это упрощает задачу.

Лиор резко повернулся к нему.

— Упрощает?

— Да, — спокойно ответил Архонт. — Потому что теперь у нас есть не только приказ и пророчество. У нас есть личное восприятие.

Он посмотрел на Каэля.

— А это всегда влияет на исход операции.

Солариарх поднялся.

— Достаточно.

Голос прозвучал окончательно. Без возможности продолжения.

— Решение принято. Каэль отправляется немедленно. Лион обеспечит наблюдение.

Люменор предоставит доступ к архивам.

Лиор резко шагнул вперед.

— И это все?

Солариарх посмотрел на него. И в этот раз в его взгляде мелькнуло что-то почти человеческое.

— Нет, — произнес он. — Это только начало.

Потом он отвернулся. И этим жестом закрыл разговор.

Один за другим участники Совета начали покидать зал. Первым — представители Люменора. Затем советники Солариарха.

Архонт Аэрон задержался на мгновение дольше остальных, бросив короткий взгляд на карту Разломов. Потом тоже ушел.

В зале остались трое. Лиор. Каэль. И тишина, которая между ними стала плотнее любого слова.

Лиор медленно повернулся к нему.

— Ты уже решил, что сделаешь с ней? — тихо спросил он.

Каэль ответил не сразу.

И в этом молчании не было уклонения.

Только честность, которую он редко позволял себе показывать.

— Я еще не решил, — сказал он наконец.

Пауза.

— Но уже знаю, что не смогу просто выполнить приказ.

Лиор посмотрел на него долго. Очень внимательно.

— Тогда ты уже опоздал, — тихо произнес он.

И вышел из зала.

Лиор покинул зал Совета не сразу направился в свои покои.

Он шёл по длинным коридорам дворца так, словно каждый шаг был продолжением мыслей, которые не успели прозвучать вслух. Камень под сводами был холодным, идеально выверенным, без единой лишней линии, и от этого казался ещё более безжизненным на фоне того, что происходило внутри него самого.

Когда он свернул в верхнюю галерею, там уже почти никого не было.

Это место редко посещали даже слуги, и именно поэтому Лиор позволял себе приходить сюда, когда нужно было остаться наедине с тем, что невозможно было разобрать ни в одном официальном разговоре.

Он остановился у широкого окна.

Внизу раскинулся Аэларис — город, который привык казаться вечным. Парящие мосты соединяли острова, свет двух лун ложился на белый камень мягкими переливами, и всё это выглядело настолько гармонично, что почти скрывало истинную природу этого мира, построенного на контроле, страхе и древних договорах, о которых предпочитали не вспоминать вслух.

Лиор долго смотрел вниз, не двигаясь. И только когда дыхание стало ровнее, позволил себе опустить внутреннее напряжение, которое держал на протяжении всего Совета.

Не усталость и не сомнение.

Скорее привычку постоянно оставаться в роли, которую от него ждали.

Перед внутренним взором постепенно начали всплывать не слова, не спор и не голоса Совета, а отдельные образы, которые он не произносил ни разу и не позволял себе формулировать даже мысленно до конца.

Река в человеческом городе.

Тихая поверхность воды, которая казалась слишком спокойной для места, где мир людей соприкасался с чем-то большим, чем он способен был объяснить.

Женщина, стоящая у берега так естественно, будто она принадлежит этому месту, и одновременно совершенно ему не принадлежала.

Она не искала ничего необычного и не ждала чуда. И именно поэтому всё необычное само нашло её.

Лиор помнил, как она не сразу заметила его присутствие.

А когда заметила, в её взгляде не появилось ни узнавания, ни страха, ни той реакции, к которой он привык за столетия своей жизни.

Только короткое человеческое недоумение, в котором было больше реальности, чем во всех официальных залах Эйрилона вместе взятых.

Он тогда не приблизился. Не представился. Не вмешался.

Он просто наблюдал, оставаясь в тени, как привык делать всегда, когда ситуация ещё не требует вмешательства, но уже начинает выходить за пределы случайности.

И именно тогда произошло то, что он до сих пор не позволял себе называть напрямую.

Старуха у воды подняла руку, и в этот момент воздух вокруг реки изменился так, будто сама ткань мира на мгновение стала тоньше.

Лиор почувствовал это сразу. Не глазами и не разумом.

Чем-то гораздо более древним, чем логика и наблюдение.

Перо появилось в её ладони так естественно, словно оно всегда принадлежало этому моменту. И в этом не было иллюзии или трюка. Не было ошибки.

Только факт, который не вписывался ни в одну из известных ему закономерностей.

Он не вмешался тогда. И это было решением, о котором он не сожалел и не гордился.

Просто констатация. Потому что вмешательство в тот момент ничего бы не изменило.

Лиор медленно опустил взгляд на собственную ладонь, словно пытаясь вернуть себе ощущение контроля над происходящим.

Но контроль не возвращался так, как он привык.

В памяти всплыл другой образ — более ранний, не менее чёткий, но ещё более закрытый.

Озеро Мирай.

И женщина, которую он видел там до того, как события начали складываться в цепь, от которой теперь нельзя было отступить.

Он долго стоял у окна, не двигаясь.

И только спустя несколько мгновений тихо произнёс, почти беззвучно, так, чтобы эти слова остались только внутри него самого:

— Это не должно было совпасть.

Но совпало.

И теперь в его мире существовало нечто, чего не должно было существовать одновременно.

Два следа. Два пера.

И одна женщина, которая пока ещё не понимала, что её жизнь уже перестала быть только её собственной.

И на мгновение ему показалось, что этот человек и тот, кто стоял у реки, — два разных существа. Он медленно выпрямился.

— Если бы ты знала, кто я, — произнес он уже тише, — ты бы смотрела иначе.

Пауза.

И почти сразу — другое, уже более холодное:

— Но ты не знаешь.

Он отвернулся и пошел дальше по галерее. Шаги звучали ровно. Как всегда. Как положено наследнику.

Но внутри уже появилось то, чего не было там раньше. Трещина. Небольшая. Едва заметная.

И именно такие трещины первыми разрушают стены, которые кажутся вечными.

Когда Лиор подошёл к восточному крылу дворца, солнце уже окончательно скрылось за облаками, уступив место холодному сиянию двух лун.

В этой части дворца всегда было тихо. Сюда редко заходили без приглашения.

Высокие двери из светлого дерева распахнулись почти сразу, словно хозяйка давно почувствовала его приближение.

— Ваше Высочество, — с улыбкой произнесла служанка, слегка поклонившись. — Госпожа Серания просила, чтобы вас проводили сразу.

Лиор лишь коротко кивнул. Он хорошо знал дорогу. Пройдя длинную анфиладу комнат, он остановился перед открытой дверью.

Серания стояла у высокого окна спиной к нему.

Тонкое платье цвета ночного серебра мягко струилось по полу, а четыре золотистых крыла были сложены за спиной так изящно, словно являлись продолжением её силуэта.

Она не обернулась сразу.

— Совет закончился? — спросила она, продолжая смотреть на вечерний город.

— Несколько минут назад.

— Судя по тому, что ты пришёл ко мне, всё прошло хуже, чем я ожидала.

Лиор тихо усмехнулся.

— Ты по-прежнему читаешь меня лучше всех.

Только тогда она повернулась.

Серания была удивительно красивой женщиной. Не той красотой, которая ослепляет с первого взгляда, а той, которую начинаешь замечать постепенно. Правильные черты лица, светлая кожа, длинные волосы цвета тёмного мёда и спокойные зеленые глаза, в которых почти никогда нельзя было прочесть её настоящие мысли.

Она подошла ближе. Не торопясь. Остановилась совсем рядом.

— Ты выглядишь усталым.

— Сегодня многие говорили.

— А ты слишком много слушал.

Она подняла руку и осторожно поправила выбившуюся прядь его волос. Жест был настолько привычным, что Лиор даже не подумал отстраниться.

— Архонт снова оказался прав? — спросила она негромко.

— Хуже.

— Значит, прав оказался кто-то другой?

Лиор посмотрел ей в глаза и устало улыбнулся.

— Боюсь, сегодня правых было слишком много.

Серания тихо рассмеялась.

— Тогда Эйрилон ждут тяжёлые времена.

Несколько секунд они просто молчали.

Она первой нарушила тишину.

— Это связано с Наследницей?

Лиор поднял взгляд. На мгновение ему захотелось ответить честно. Рассказать обо всём. О пророчестве. О споре с отцом. О женщине, которая каким-то образом уже успела изменить привычный ход его мыслей. Но он промолчал. Потому что привычка хранить государственные тайны была сильнее желания разделить с кем-то тревогу.

Серания заметила это сразу. Она знала его слишком давно.

— Значит, связано, — тихо сказала она.

В её голосе не было ни ревности, ни любопытства. Только понимание.

Она сделала ещё один шаг и, положив ладони ему на грудь, негромко произнесла:

— Иногда мне кажется, что ты приходишь ко мне не потому, что тебе нужен покой.

Лиор вопросительно посмотрел на неё.

— А потому, что здесь ты можешь хотя бы ненадолго перестать быть наследным принцем.

Он не ответил. Вместо этого осторожно накрыл её ладонь своей. И впервые за весь этот день почувствовал, что напряжение, с которым он вышел из Зала Трёх Домов, стало немного слабее.

За окнами медленно шумел ветер.

Серания долго смотрела на него, словно пыталась понять то, что он так старательно скрывал. Потом едва заметно улыбнулась.

— Ты снова слишком много думаешь.

— Это моя худшая привычка.

— Нет, — тихо возразила она. — Твоя худшая привычка — делать вид, что тебя ничего не тревожит.

Она подошла ближе. Совсем близко. Лиор почувствовал знакомый аромат цветущего мирта, который всегда сопровождал её. Этот запах уже давно стал для него символом дома. Места, где не нужно было притворяться сильнее, чем есть.

Серания осторожно коснулась его щеки.

— Сегодня ты впервые пришёл ко мне не за ответами.

— А за чем?

Она улыбнулась.

— За тишиной.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Потом Лиор накрыл её ладонь своей.

— Наверное, ты права.

Она ничего не ответила. Лишь медленно приподнялась на носки и коснулась его губ лёгким поцелуем.

Без страсти. Без игры. Так, словно пыталась разделить с ним усталость этого дня.

Лиор ответил не сразу.

Но когда всё же обнял её, напряжение, которое сковывало его после Совета, наконец начало отступать. Но тут ему было не до прелюдий. Резко отодвинул платье у части разреза, приспустил свои штаны, поднял ее за бедра и вошел. Дико, страстно. Губы соединялись до боли. Лиор подвинулся к окну, посадил ее на подоконник и не выходя продолжил то, что задумал. Он хотел выбить из себя накопившийся груз, напряжение и освободиться от тяжелого дня. Серания знает, что она будет просто использована. И ее не останавливало даже это. Потому

что у нее был свой взгляд. Они смотрели друг на друга не отводя глаза. Затем Лиор взял ее за бедра и пошел в сторону кровати. Почти кинул ее, но тут же перевернул ее на живот и вошел в нее, шлепая за ягодицы. Так он двигался несколько минут и закончив со стоном, остановился, закрыв глаза.

Платье запуталось, волосы растрепаны. Серания лежала неподвижно еще какое то время.

Оставшись наедине, они больше не нуждались в словах. Для них это не было чем-то запретным или неожиданным. Так происходило уже не первый год. Без обещаний. Без надежд на будущее, которого у них, возможно, никогда не будет.

В эту ночь они просто были рядом. Так, как умели только двое людей, давно знавших друг друга.

Первые лучи утреннего света медленно проникали в покои сквозь полупрозрачные занавеси.

Серания проснулась раньше. Некоторое время она молча наблюдала за Лиором.

Во сне его лицо казалось удивительно спокойным, почти мальчишеским, и только сейчас можно было забыть, что перед ней наследник Солариса, человек, которому однажды предстоит принять на себя судьбу всего Эйрилона.

Она осторожно убрала со лба прядь его волос. Лиор открыл глаза почти сразу.

— Доброе утро, — тихо сказала она.

Он улыбнулся. И эта улыбка была настоящей.

— Доброе.

Некоторое время они молчали. Потом Лиор медленно сел на край постели. Вместе с возвращающимся сознанием возвращались и обязанности.

Совет. Отец. Каэль. Наследница.

Словно почувствовав перемену, Серания тихо произнесла:

— Ты уже снова далеко.

Он посмотрел на неё виновато.

— Прости.

Она покачала головой.

— Не извиняйся. Я всегда знала, что однажды Эйрилон будет требовать тебя чаще, чем я. Лиор взял её руку и легко коснулся губами её пальцев.

— Ты заслуживаешь большего.

В её зелёных глазах промелькнула едва заметная грусть.

— Возможно. Но сегодня мне достаточно и этого.

Он задержал её взгляд ещё на мгновение, затем поднялся.

Служанки ещё не появились, дворец только начинал просыпаться.

Застегнув тёмный камзол, Лиор обернулся у самой двери.

Серания всё ещё сидела на постели, и золотистые крылья мягко переливались в лучах восходящего света. Она улыбнулась ему. Тепло и спокойно.

Так улыбаются человеку, которого любят без условий.

Лиор ответил такой же улыбкой и вышел. Дверь закрылась почти бесшумно.

Серания ещё долго смотрела ей вслед.

Почему-то впервые за много лет её не покидало странное чувство, что совсем скоро в жизнь Лиора войдёт нечто, с чем не сможет соперничать ни любовь, ни долг, ни даже время.

И сама того не понимая, она уже начинала его терять.

Но ни он, ни Серания ещё не знали, что эта ночь станет одной из последних, когда их жизнь казалась такой привычной.

Глава 5 Разлом

Рабочий день закончился, когда за окнами фонда уже начали зажигаться фонари. Последние посетители давно разошлись, в длинных коридорах воцарилась привычная вечерняя тишина, а сотрудники один за другим покидали старинное здание, прощаясь до завтра. Эллианна задержалась ненадолго, чтобы закончить описание нескольких рукописей, и только потом выключила настольную лампу.

На мгновение она задержалась возле окна.

С высоты третьего этажа город казался удивительно спокойным. Машины медленно скользили по мокрым после недавнего дождя улицам, в витринах магазинов отражались огни рекламы, люди спешили домой, даже не подозревая, что совсем рядом может существовать другой мир — настолько близкий, что порой между ними остается лишь едва заметная трещина.

Эта мысль возникла неожиданно. Эллианна нахмурилась.

Еще месяц назад подобное показалось бы ей нелепой фантазией, но теперь она уже не была уверена, где заканчивается воображение и начинается реальность.

За последние недели произошло слишком много вещей, которым не находилось разумного объяснения. Странные сны повторялись почти каждую ночь, зеркала иногда искажали отражение всего на одно короткое мгновение, будто показывали не квартиру, а совершенно другое место, а шепот, который она время от времени слышала, становился всё отчетливее. Он не пугал ее так, как в первые дни. Скорее заставлял прислушиваться, надеясь однажды различить среди бесконечного шелеста хотя бы одно понятное слово.

Она взяла сумку и уже собиралась уходить, когда машинально коснулась внутреннего кармана.

Пальцы сразу нащупали два пера. Это простое движение давно стало привычкой.

Иногда ей казалось, что она носит их с собой лишь потому, что так и не смогла заставить себя выбросить необычные находки. Иногда убеждала себя, что однажды обязательно отдаст их на экспертизу, чтобы узнать, какой птице они принадлежат. Но в глубине души прекрасно понимала: дело совсем не в этом.

Эти перья были единственным материальным доказательством того, что всё случившееся не привиделось ей. Она осторожно достала одно из них.

Тонкие серебристо-белые волокна мягко переливались в свете лампы, словно были сотканы не из обычного пера, а из самого света. За всё время оно ничуть не изменилось. Не помялось, не потускнело и не потеряло своей удивительной легкости.

Эллианна провела по нему кончиками пальцев, и в ту же секунду ей показалось, будто кто-то едва слышно произнес ее имя. Она резко обернулась. Кабинет был пуст.

Дверь оставалась закрытой. За стеклянной перегородкой уже никого не было.

Несколько секунд она неподвижно прислушивалась, ощущая, как сердце начинает биться быстрее, но вокруг царила самая обычная вечерняя тишина. Только где-то далеко в коридоре хлопнула дверь, а затем снова наступило безмолвие.

Эллианна медленно улыбнулась самой себе.

— Кажется, мне действительно пора в отпуск, — тихо произнесла она, убирая перо обратно.

Она выключила свет, закрыла кабинет и вышла на улицу.

Прохладный вечерний воздух приятно коснулся лица. После дождя город пах мокрым асфальтом, липами и свежестью, и на какое-то время тревога отступила. Она неспешно шла знакомой дорогой, стараясь не думать ни о странных снах, ни о перьях, ни о женщине, исчезнувшей у реки так же внезапно, как появилась.

Однако мысли всё равно возвращались к одному и тому же. Почему именно она? Почему все эти необъяснимые события начали происходить именно сейчас?

И почему с каждым днем ей всё сильнее казалось, будто кто-то незримо наблюдает за ней, терпеливо ожидая момента, когда она наконец перестанет сопротивляться тому, чего пока совершенно не понимала?

Когда Эллианна открыла дверь квартиры, ее встретила привычная тишина. Такая знакомая, что раньше она почти перестала ее замечать. Но сегодня в этой тишине было что-то другое. Не тревожное. Не угрожающее. Скорее... выжидающее.

Она поставила сумку на тумбу, машинально сняла обувь и направилась на кухню, чтобы поставить чайник. Этот простой вечерний ритуал всегда помогал ей переключиться после работы, однако сегодня даже звук льющейся в чайник воды показался непривычно громким.

Пока вода закипала, Эллианна прошла в гостиную и остановилась перед книжным шкафом. Ее взгляд почти сразу нашел ту самую книгу, над которой она работала последние недели. Старинный переплет, потемневшая кожа, незнакомые символы...

Она сама не заметила, как протянула руку, собираясь снова открыть ее.

И в этот момент во всей квартире погас свет.

Темнота наступила так внезапно, что Эллианна невольно вздрогнула.

Несколько секунд она просто стояла неподвижно, прислушиваясь к тишине. Затем перевела взгляд на окно.

Фонари во дворе продолжали гореть ровным желтоватым светом. В соседнем доме светились окна, на балконе напротив мужчина спокойно поливал цветы, словно ничего не произошло.

Значит, электричество не отключали. Свет исчез только в ее квартире.

Она машинально потянулась за телефоном, лежавшим на журнальном столике, и включила фонарик.

Тонкий луч света разрезал темноту, выхватывая знакомые очертания мебели. Всё осталось на своих местах: диван, кресло, фотографии на полке, старинные часы, которые достались ей от деда. Всё выглядело привычно, и именно это немного успокоило.

— Ну вот... — тихо сказала она самой себе. — Скорее всего, выбило автомат.

Она произнесла это вслух не потому, что была уверена в своей правоте. Иногда человеку достаточно услышать собственный голос, чтобы тревога немного отступила.

Эллианна направилась в коридор. Свет фонарика скользил по стенам, задерживаясь на рамках с фотографиями, на небольшом зеркале возле входной двери, на деревянной вешалке, где висело её пальто.

Она уже почти дошла до электрощитка, когда услышала звук. Тихий.

Настолько тихий, что сначала решила — показалось. Будто где-то далеко упала капля воды. Потом ещё одна. Она остановилась. В квартире снова стало совершенно тихо.

Эллианна прислушалась, ожидая услышать привычное тиканье часов или шум машин за окном, но вместо этого до неё донёсся едва уловимый шелест.

Он был похож на ветер, проходящий сквозь густую листву. Она нахмурилась. Открытых окон не было.

Несколько секунд она убеждала себя, что звук доносится с улицы, однако чем дольше стояла неподвижно, тем отчётливее понимала: шелест раздавался совсем рядом.

Из глубины квартиры. Туда, где заканчивался узкий коридор и начиналась небольшая библиотека.

Эллианна медленно пошла вперёд. Каждый шаг отдавался глухим стуком в тишине.

Телефон освещал всего несколько метров впереди, и темнота за пределами этого круга казалась непривычно густой.

Она уже собиралась повернуть к библиотеке, когда луч света неожиданно дрогнул.

Экран телефона мигнул. На долю секунды погас. Затем снова загорелся. И в этот короткий миг Эллианне показалось, что стены коридора исчезли. Вместо них перед ней простирался незнакомый лес.

Высокие деревья с серебристой корой уходили в темное небо, между их стволами клубился лёгкий туман, а где-то вдалеке слышался шум воды.

Изображение исчезло так же внезапно, как появилось. Перед ней снова был обычный коридор. Эллианна резко выдохнула и крепче сжала телефон.

— Нет... — прошептала она. — Так не бывает...

Она сделала ещё один шаг. И именно в этот момент зеркало, висевшее на стене напротив, пошло мелкой рябью. Не треснуло. Не запотело. Оно словно перестало быть стеклом.

Его поверхность дрогнула, как гладь озера, в которую только что бросили маленький камень. Эллианна замерла. Не в силах отвести взгляд, она медленно подошла ближе. В отражении больше не было её квартиры.

Там, по ту сторону серебристой поверхности, покачивались ветви незнакомых деревьев, между которыми струился холодный лунный свет.

И самое страшное заключалось не в этом. Из зеркала тянуло прохладным ночным воздухом, пахнущим хвоей, влажной землёй и водой. Это был не запах воспоминаний. Не игра воображения. Он был настоящим.

Настолько настоящим, что Эллианна невольно протянула руку, сама не понимая, что собирается сделать.

Пальцы замерли в нескольких сантиметрах от зеркала. Эллианна словно очнулась.

— Нет — почти беззвучно произнесла она, отдернув руку. — Нет, этого не может быть

Она сделала шаг назад, затем еще один, не сводя глаз с серебристой поверхности.

Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в висках.

«Паническая атака».

Именно это объяснение первым пришло ей в голову.

Она когда-то читала, что сильный стресс способен вызывать зрительные галлюцинации. После развода, после потери ребенка, после бессонных ночей психика вполне могла дать сбой. Да и работа в фонде в последнее время не оставляла возможности по-настоящему отдохнуть.

Эллианна глубоко вдохнула, медленно выдохнула и даже заставила себя закрыть глаза.

— Сейчас открою и всё исчезнет.

Она досчитала до пяти. Открыла глаза. Зеркало по-прежнему мерцало. Но теперь его поверхность изменилась еще сильнее. Рябь исчезла. Вместо нее по стеклу медленно расплзлась тонкая серебристая трещина.

Она появилась в самом центре и бесшумно потянулась вверх, затем вниз, разветвляясь на десятки едва заметных линий.

Эллианна невольно задержала дыхание. Странно. Трещина не разрушала зеркало.

Наоборот. Она словно раскрывала его изнутри.

С каждым мгновением сквозь нее становилось всё отчетливее видно ночной лес.

Высокие деревья, укутанные серебристым светом двух лун, едва покачивались под ветром. Где-то совсем рядом журчала вода, а над темной травой медленно поднимались светящиеся искры, похожие на крошечных светлячков.

Это было невозможно.

И в то же время настолько реально, что Эллианна уже перестала понимать, чему верить.

Телефон в ее руке коротко завибрировал. Экран вспыхнул. На нем появилось сообщение от Сары.

«Ты дома? Не знаю почему, но весь вечер думаю о тебе.»

Эллианна почти с облегчением посмотрела на экран. Обычные слова. Обычный человек. Обычная жизнь. Она торопливо нажала на клавиатуру.

«Да, дома. Кажется, у меня начинает ехать крыша»

Она не успела закончить сообщение, как экран погас. Совсем. Не разрядился. Просто перестал существовать. Черный.

единой искры света. И в ту же секунду квартира содрогнулась. Не так, как во время землетрясения. Не было грохота. Не качнулась мебель. Но Эллианна отчетливо почувствовала, как что-то невидимое прошло сквозь стены, сквозь пол, сквозь нее саму. Воздух стал тяжелее. Дышать было трудно. словно сама комната перестала вмещать привычный мир.

Из внутреннего кармана сумки неожиданно выскользнули оба пера. Они плавно опустились на пол, но вместо того чтобы замереть, начали медленно вращаться вокруг друг друга.

Одно вспыхнуло холодным серебристым светом. Другое — теплым золотистым.

Эллианна не могла пошевелиться.

Она смотрела на них так, словно от одного этого зрелища зависела вся ее жизнь.

И, возможно, так оно и было. Потому что в следующую секунду серебристая трещина в зеркале раскрылась. Без шума. Без вспышки. Без удара. Она просто перестала быть трещиной.

Между двумя половинами реальности медленно разошелся узкий проход. Из него пахнуло прохладой ночного леса. Послышался плеск воды. Где-то совсем рядом пролетела незнакомая птица, чей протяжный крик заставил Эллианну вздрогнуть. Она отступила назад. Еще шаг. Еще. Пяткой зацепилась за край ковра. Попыталась удержать равновесие. Но в этот момент пол под ногами исчез. Не провалился и не сломался. Он словно растворился, перестав существовать.

Эллианна вскрикнула, инстинктивно пытаясь ухватиться за дверной косяк.

Пальцы коснулись дерева

И тут же ощутили под собой не гладкую поверхность, а холодную шероховатую кору.

Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание, были две огромные луны, которые сияют над вершинами незнакомого леса.

Сознание возвращалось медленно, словно кто-то осторожно вытаскивал её из глубокого сна, не позволяя проснуться слишком резко.

Сначала Эллианна почувствовала прохладу. Она исходила не от ветра, а от самой земли, на которой она лежала. Под ладонями ощущался мягкий влажный мох, пахнувший дождем и свежей хвоей, а в воздухе витал тонкий аромат незнакомых цветов. Он был лёгким, почти неуловимым, и всё же настолько необычным, что она сразу поняла: никогда прежде ей не доводилось чувствовать ничего подобного.

Она медленно открыла глаза. Первое, что она увидела, было небо.

Оно оказалось совсем другим, чем на Земле. Более глубоким, насыщенным, словно сама ночь здесь имела иной цвет. Высоко над верхушками деревьев медленно плыли две луны. Одна сияла холодным белым светом, другая казалась меньше и окрашивала всё вокруг мягким серебристо-голубым сиянием. Их свет переплетался между собой, ложась на лес тонкой прозрачной дымкой, отчего мир вокруг казался одновременно реальным и похожим на удивительно красивый сон.

Несколько мгновений Эллианна просто смотрела вверх, не позволяя себе думать. Мысли пришли сами.

Она резко приподнялась, опираясь на локти, а затем села, чувствуя, как голова ещё слегка кружится.

— Этого не может быть — едва слышно прошептала она.

Голос прозвучал непривычно глухо, словно густой лес вокруг не отражал звуки, а бережно забирал их себе.

Она поднялась на ноги и медленно огляделась.

Высокие деревья окружали её со всех сторон. Их стволы были покрыты гладкой серебристой корой, которая в лунном свете словно светилась изнутри. Где-то высоко, почти у самых

крон, мерцали крошечные огоньки. Они плавно двигались между ветвями, то исчезая среди листвы, то снова вспыхивая мягким золотистым светом. Эллианна не сразу поняла, что это вовсе не отражение лунного света, а маленькие живые создания, бесшумно кружившие в ночном воздухе.

Она осторожно подошла к ближайшему дереву и коснулась ладонью его ствола. Кора оказалась неожиданно тёплой. Это ощущение заставило её быстро убрать руку.

Дерево было живым. Не просто живым, как любое растение, а каким-то... другим. Ей показалось, будто под гладкой поверхностью медленно пульсирует едва уловимое тепло, похожее на спокойное биение сердца.

Эллианна сделала несколько шагов вперёд, пытаясь найти хоть что-нибудь знакомое: тропинку, дорогу, следы людей. Но лес казался бесконечным. Он не выглядел диким или мрачным. Напротив, в нём было столько удивительной красоты, что на мгновение страх даже отступил, уступая место искреннему восхищению.

Только это восхищение длилось совсем недолго.

Она достала телефон. Экран оставался совершенно чёрным. Несколько раз нажав кнопку включения, Эллианна с досадой встряхнула аппарат, но он не подавал никаких признаков жизни.

— Только этого не хватало — тихо произнесла она, невольно усмехнувшись собственной попытке сохранить спокойствие.

Убрав телефон обратно в карман, она вспомнила о перьях. Сумка всё ещё висела на плече. Расстегнув внутренний карман, Эллианна облегчённо выдохнула. Оба пера были на месте. Она осторожно достала их и замерла.

Ещё совсем недавно они выглядели одинаковыми, но теперь различие стало очевидным. Одно словно впитало в себя холодное серебристое сияние ночи, тогда как второе отливало мягким золотом, будто где-то глубоко внутри него продолжал жить солнечный свет.

Эллианна долго смотрела на них, пытаясь найти хоть какое-то объяснение происходящему, но все разумные версии давно перестали работать.

— Кто вы?.. — почти шёпотом спросила она, обращаясь то ли к перьям, то ли к самому миру, в котором неожиданно оказалась.

Ответа не последовало. Однако почти сразу тишину нарушил едва различимый хруст ветки. Звук был настолько тихим, что его легко можно было принять за игру воображения. Но затем он повторился, уже ближе. Эллианна медленно подняла голову. Инстинктивно задержав дыхание, она внимательно всмотрелась между серебристыми стволами деревьев.

Лес снова казался неподвижным. И всё же у неё не возникло ни малейшего сомнения, что за ней наблюдают.

Это ощущение было настолько отчётливым, что по спине пробежал холодок.

Она осторожно сделала шаг назад.

— Здесь кто-нибудь есть? — негромко спросила она, прекрасно понимая, что вряд ли услышит ответ.

Несколько долгих секунд ничего не происходило. А потом между деревьями мелькнуло движение. Совсем лёгкое. Будто серебристая тень бесшумно скользнула между стволами и сразу исчезла.

Эллианна не успела даже понять, что именно увидела. Она лишь успела заметить, как из-за дерева медленно вышло удивительное животное.

Оно было ростом с молодого оленя, но куда изящнее. Его шерсть мягко переливалась серебром, длинные ветвистые рога напоминали тонкие древесные ветви, а большие тёмные глаза смотрели на незнакомку без страха, скорее с любопытством.

Несколько мгновений они неподвижно смотрели друг на друга.

Эллианна осторожно протянула руку, боясь спугнуть это необыкновенное создание.

Животное слегка наклонило голову, словно тоже пыталось понять, кто оказался перед ним.

И вдруг его уши настороженно дрогнули.

Оно резко обернулось куда-то в глубину леса, замерло всего на мгновение, а затем одним стремительным прыжком исчезло среди деревьев.

Почти сразу откуда-то издалека донёлся низкий протяжный рёв. Такой глубокий и тяжёлый, что воздух вокруг словно дрогнул.

Эллианна невольно сделала шаг назад, продолжая смотреть туда, куда мгновение назад убежало серебристое животное. Теперь она уже не сомневалась. Оно испугалось вовсе не её. В этом лесу было что-то ещё.

И это «что-то» приближалось.

Эллианна оставалась неподвижной ещё несколько мгновений после того, как серебристое существо исчезло в глубине леса. Тишина снова опустилась вокруг неё, но теперь она уже не казалась спокойной и умиротворяющей. В ней появилось напряжение, словно сам воздух стал плотнее, а пространство между деревьями — внимательнее.

Она медленно повернула голову туда, откуда донёлся рёв.

Звук больше не повторялся, но его отголосок всё ещё стоял где-то внутри груди, неприятным тяжелым эхом, от которого становилось труднее дышать. Лес по-прежнему выглядел прекрасным, почти нереально красивым, и это лишь усиливало ощущение неправильности происходящего. Красота здесь не успокаивала, а скорее заставляла насторожиться, потому что слишком легко было забыть, что она оказалась в месте, которое не принадлежит её миру.

Где-то далеко, между деревьями, снова послышался едва уловимый звук движения. Не шаги в привычном понимании, а скорее смещение воздуха, будто кто-то проходил сквозь пространство, не нарушая его полностью. Затем ещё один звук, уже ближе, и за ним — короткий металлический звон, слишком резкий для этой мягкой, живой тишины.

Эллианна инстинктивно отступила назад, не отрывая взгляда от темноты между стволами. Рука сама потянулась к сумке, хотя она даже не понимала, что именно надеется там найти. Перья были на месте, но они оставались безмолвными, не давая ни тепла, ни света, словно тоже затаились, ожидая чего-то.

— Ладно — тихо выдохнула она, стараясь говорить скорее для себя, чем для кого-либо ещё. — Просто лес. Просто очень странный лес.

Слова не помогали. С каждым мгновением ощущение наблюдения становилось всё сильнее, и теперь оно исходило не от одного направления, а будто сразу со всех сторон. Лес больше не казался пустым. Он стал заполненным чем-то невидимым, тем, что двигалось, но не желало быть замеченным.

И тогда она увидела это.

Сначала — едва заметное искажение света между двумя деревьями, словно воздух там стал тяжелее. Затем тень, которая не принадлежала ни одному стволу, ни одной ветви. Она двигалась иначе: не скользила и не шла, а появлялась в разных точках пространства, будто мир вокруг неё не успевал за её перемещением.

Эллианна замерла, не смея даже моргнуть. Тень остановилась. На долю секунды всё застыло. А затем из темноты вышли двое.

Они не выглядели так, как она ожидала бы увидеть «существ» или «монстров». Напротив, их облик был настолько человеческим, что от этого становилось только страшнее.

Высокие, в тёмных плащах, с оружием у пояса, они двигались уверенно и спокойно, как люди, для которых этот лес был не загадкой, а привычной территорией. Но даже с расстояния Эллианна чувствовала в них нечто чужое — не в лице и не в фигуре, а в самом присутствии, которое словно слегка искажало пространство вокруг них.

Один из них остановился и медленно огляделся, задержав взгляд в сторону, где стояла она.

Эллианна мгновенно отступила за дерево, прижимаясь к серебристой коре, почти не дыша. Сердце билось так громко, что ей казалось, его слышно на весь лес. Голоса.

Они говорили между собой, но слов она не понимала. Звук был мягким, но в нём чувствовалась уверенность и холодная собранность, как у людей, которые выполняют работу, не задавая вопросов.

Один из них сделал несколько шагов вперёд. Второй остался чуть позади, словно наблюдая за периметром. И в этот момент Эллианна впервые ясно почувствовала: они не просто находятся в лесу.

Они здесь кого-то ищут. И этот кто-то вполне мог быть ею.

Она осторожно прижала ладонь ко рту, чтобы не выдать себя даже дыханием, и впервые по-настоящему поняла, что красота этого мира не означает безопасности.

Лес не был пустым. Он был охотничьим.

И она только что стала частью его правил.

Эллианна оставалась неподвижной, стараясь даже не дышать глубже, чем позволяла себе тишина вокруг.

Голоса незнакомцев становились то ближе, то снова отдалялись, как будто лес сам искажал расстояние, не давая понять, где именно они находятся. Иногда ей казалось, что они уже совсем рядом, настолько, что стоит только сделать шаг в сторону — и она столкнется с ними лицом к лицу. В следующий момент звук снова уходил вглубь деревьев, растворяясь между серебристыми стволами.

Она прижалась спиной к дереву, ощущая под ладонями его тёплую, почти живую кору. Это тепло странным образом не успокаивало, а наоборот усиливало ощущение, что лес её чувствует. Словно она больше не просто стояла в нём, а была замечена им самим. Голоса стали отчётливее.

Теперь в них можно было различить не только интонации, но и ритм речи. Он был спокойным, выверенным, без спешки, как у тех, кто не сомневается в том, что рано или поздно найдёт то, что ищет.

Эллианна медленно закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться только на дыхании, но это не помогало. Пространство вокруг неё будто меняло плотность, и каждый звук — хруст ветки, движение листьев, далёкий металлический звон — становился частью одной и той же картины.

Они не просто шли. Они окружали.

Эта мысль пришла внезапно, холодная и ясная, без эмоций, как факт.

Эллианна осторожно приоткрыла глаза и медленно выглянула из-за ствола. Сначала она увидела только движение. Тени между деревьями смещались так, будто сами деревья переставлялись местами, открывая и закрывая проходы. Затем она различила одного из них — высокий силуэт, который двигался чуть ниже по склону. Его фигура была скрыта тёмной тканью, но даже сквозь неё чувствовалась собранность и уверенность человека, привыкшего действовать без лишних слов.

И только когда он повернулся боком, она заметила то, что раньше ускользало от внимания. За его спиной, под тяжёлой тканью плаща, что-то слегка шевельнулось. Не ткань. Не складки одежды. А движение, слишком плавное и естественное, чтобы принадлежать чему-то обычному. Эллианна резко отстранилась назад, прижав ладонь ко рту. Сердце ударило сильнее, чем прежде.

Она не знала, что именно увидела, но тело уже отреагировало быстрее разума.

Тем временем голоса стали тише. Слишком резко. Как будто те, кто говорил, тоже почувствовали изменение в лесу. Эллианна замерла, понимая, что теперь опасность стала иной. Если

раньше она просто пряталась от чужого присутствия, то теперь это присутствие начало искать не просто следы. Оно искало её саму.

И в этот момент лес, до этого казавшийся бесконечным и хаотичным, вдруг приобрёл направление. Будто у него появилась цель. Эллианна медленно подняла взгляд.

Между деревьями, чуть выше линии её укрытия, вспыхнул слабый холодный свет. Он не был похож ни на луну, ни на огонь. Он был ровным, почти живым, и на долю секунды ей показалось, что этот свет “смотрит” прямо на неё. Она больше не сомневалась. Её заметили.

И теперь прятаться было поздно.

Эллианна не сразу осознала, что именно изменилось, но тело отреагировало быстрее разума. Лес вокруг словно перестал быть просто пространством и превратился в единое внимание, в котором каждое дерево, каждый лист и каждая тень больше не существовали отдельно, а становились частью одного взгляда.

Она медленно опустилась ниже, почти касаясь коленями влажного мха, стараясь стать меньше, незаметнее, хотя сама понимала, что это не имеет смысла. Свет, который она увидела между деревьями, не был случайным отблеском. Он задержался, стал плотнее, и теперь казалось, что он не просто освещает пространство, а медленно скользит по нему, выискивая.

Где-то совсем рядом снова раздался голос, и на этот раз в нём появилась новая нота — короткая, резкая, будто кто-то отдал приказ. Ответа не последовало, но тишина после этого стала ещё более напряжённой, чем сами слова.

Эллианна прижала ладонь к груди, пытаясь унять сердцебиение, но оно только усилилось, словно тело уже не подчинялось ей полностью. В этот момент она впервые по-настоящему пожалела, что оказалась здесь, не во сне, не в бреду, а в месте, где реальность ощущалась слишком плотной и слишком живой.

Свет между деревьями начал медленно смещаться. Не резко, не хаотично, а уверенно, как будто его носитель больше не сомневался, в каком направлении двигаться. И теперь это направление постепенно совпадало с тем местом, где она пряталась.

Эллианна осторожно прижалась щекой к коре дерева, ощущая её странное, почти человеческое тепло, и закрыла глаза всего на секунду, словно надеясь, что это поможет исчезнуть из происходящего. Но когда она снова их открыла, свет стал ближе.

Гораздо ближе.

Теперь она уже могла различить силуэты за ним, хотя и очень смутно. Два, может быть три, они двигались медленно, не торопясь, но уверенно сокращая расстояние между собой и её укрытием. В их движениях не было суеты, только спокойная, холодная точность, от которой становилось ещё страшнее, чем от любой погони.

И тогда она услышала шаги. Не громкие, не тяжёлые, а мягкие, почти бесшумные, как если бы земля сама принимала их и не сопротивлялась. Но именно это и делало их невыносимо отчётливыми, потому что в абсолютной тишине даже малейшее движение становилось оглушительным.

Один из силуэтов остановился. Прямо напротив неё.

Эллианна не видела лица, не могла разобрать черты, но почувствовала это так ясно, будто между ними не было ни деревьев, ни расстояния. Он смотрел в её сторону. Не мимо. Не случайно. Точно.

Она перестала дышать.

Несколько секунд ничего не происходило, и это ожидание стало самым мучительным из всего, что она испытывала с момента появления в этом мире. Даже падение сквозь пространство казалось сейчас менее страшным, чем это зависшее мгновение.

Потом он медленно сделал шаг вперёд. Листья под ногой даже не хрустнули.

И в этот момент Эллианна поняла, что если он сделает ещё один шаг, укрытие перестанет существовать. Не потому что оно будет раскрыто.

А потому что оно больше не будет иметь значения.

Эллианна больше не двигалась.

Даже мысль о том, чтобы отступить или изменить положение, казалась опасной, словно любое лишнее движение могло разрушить хрупкое равновесие, которое ещё каким-то чудом удерживало её между обнаружением и спасением. Вся её жизнь в этот момент сузилась до одного единственного усилия — не выдать себя.

Она чувствовала, как тело постепенно немеет от напряжения, но не смела расслабиться даже на секунду. Сердце продолжало биться слишком громко, и каждый его удар казался ей предательством, способным выдать её присутствие.

Силуэт напротив неё оставался неподвижным.

Теперь он стоял так близко, что между ними оставалось всего несколько деревьев, и даже сквозь густую серебристую кору Эллианна почти физически ощущала его взгляд. Это было странное чувство, не похожее на обычное наблюдение. Скорее, оно напоминало прикосновение к самой границе её присутствия, будто её уже почти коснулись, но ещё не решились, стоит ли делать следующий шаг.

Он чуть наклонил голову. Едва заметное движение, которое в другой ситуации можно было бы принять за случайность, но здесь оно прозвучало как вопрос.

И в этот момент воздух вокруг стал плотнее. Лес будто замер.

Даже свет между деревьями стал ровнее, будто кто-то остановил само время, давая этому мгновению растянуться до невозможности.

Эллианна сжала пальцы до боли, стараясь не издать ни звука, и в тот же миг поняла, что это уже не просто охота. Это было нечто более точное, более личное, как будто её присутствие здесь было не случайностью, а заранее известным фактом, который просто подтвердился.

Силуэт сделал ещё один шаг. На этот раз медленнее. Осознаннее. И лес, который до этого казался хаотичным и живым, вдруг подчинился этому движению, как если бы всё пространство вокруг согласилось с его решением.

Эллианна почувствовала, как внутри всё сжалось. И именно в этот момент она увидела то, чего раньше не замечала. Сквозь плотную ткань плаща, чуть выше линии плеч, проступило движение. Очень мягкое. Почти невесомое.

абсолютно не человеческое.

Сначала это было похоже на тень, но затем очертания стали яснее, и пространство вокруг него слегка исказилось, словно реальность не до конца принимала то, что пыталась скрыть.

Это было крыло. Сложенное. Прижатое к спине. И слишком живое, чтобы быть частью одежды или иллюзии.

У Эллианны перехватило дыхание. Не от понимания. А от того, что вместе с этим открытием исчезла последняя возможность считать происходящее чем-то знакомым.

Силуэт остановился. Прямо перед её укрытием. Так близко, что, казалось, ещё одно движение — и между ними не останется ни дерева, ни тени, ни расстояния. Он медленно поднял руку. И в этот момент где-то глубоко в лесу раздался новый звук. Не шаги. Не голос. А резкий, холодный сигнал, словно сам воздух треснул от приказа.

Силуэт замер. И впервые за всё время охоты в его неподвижности появилась пауза. Сомнение. Очень короткое. Но достаточное, чтобы лес на долю секунды перестал быть ловушкой.

Воздух изменился раньше, чем Эллианна успела это осознать.

Не было ни звука шагов, ни предупреждения, ни малейшего движения, которое можно было бы уловить взглядом. Но пространство между деревьями вдруг стало другим — более плотным, словно лес на мгновение задержал дыхание и не решался продолжить.

И именно в эту паузу он вошёл.

Сначала Эллианна увидела не человека, а силу. Тёмную, уверенную, слишком цельную, чтобы принадлежать случайному появлению. Он возник между стволами так, будто всегда был частью этого леса, просто до этого момента не позволял себе быть замеченным. Его движение не нарушало тишину — наоборот, тишина сама расступалась перед ним.

Силуэт напротив неё резко изменился. Один из охотников мгновенно повернул голову.

И в этот же момент Каэль сделал шаг вперёд. Всего один. Но этого оказалось достаточно, чтобы всё вокруг потеряло устойчивость.

Лес словно дрогнул, как поверхность воды, по которой прошёл камень. Свет между деревьями исказился, тени сместились, и даже воздух стал звучать иначе. Эллианна почувствовала это телом раньше, чем разумом — как если бы само пространство признало появление кого-то, кому оно не могло сопротивляться.

Охотник напротив неё замер. Его рука инстинктивно легла ближе к оружию, но он не вытащил его сразу. В этом движении не было страха в человеческом понимании — скорее расчёт, быстрая оценка угрозы, которая не вписывалась в привычные рамки.

Каэль не смотрел на него. Он смотрел туда, где стояла Эллианна. И только это было страшнее всего. Потому что в этом взгляде не было ни удивления, ни сомнения. Только точность. Как у того, кто наконец подтвердил то, что уже знал.

— Уходите, — его голос прозвучал спокойно, почти ровно, но в этой ровности было что-то, от чего даже воздух стал холоднее.

Один из охотников едва заметно изменил положение корпуса, словно собираясь возразить. Он не успел. Каэль поднял руку. Не резко. Не угрожающе. Скорее как человек, который завершает уже принятое решение. И пространство вокруг него отозвалось.

Свет между деревьями потускнел, словно кто-то на мгновение убрал из мира источник равновесия. Тень под ногами охотников стала глубже, тяжелее, и Эллианна с ужасом поняла, что лес перестал быть просто лесом. Он реагировал на него.

На Каэля.

Один из охотников сделал шаг назад.

Второй — напротив — медленно отступил в сторону, не сводя взгляда с Каэля.

И в этот момент оба исчезли так же внезапно, как появились. Не убежали, не отступили — их словно просто вырезали из пространства, оставив после себя только дрожь в воздухе.

Тишина вернулась, но уже другая. Напряжённая. Сломанная. И почти сразу лес ответил.

Сначала это было едва заметно — лёгкое колебание света, будто две луны на мгновение потеряли согласованность. Затем воздух стал тяжелее, и между деревьями начали появляться тонкие серебристые линии, похожие на трещины в стекле, которых не должно было существовать.

Эллианна почувствовала, как внутри неё поднимается страх — не тот, что был раньше, а более глубокий, первобытный, от которого перестаёт различать реальность и падение. Перья в её сумке дрогнули. Одно вспыхнуло серебром. Второе — золотом.

И в тот же миг лес словно “вдохнул”. Звук был беззвучным, но ощутимым всем телом.

Мир вокруг неё на секунду перестал быть единым. Деревья сместились. Свет исказился.

И где-то глубоко в пространстве что-то треснуло — не физически, а так, как трескается граница между двумя невозможностями.

Каэль резко повернулся к ней.

И впервые его спокойствие дало едва заметную трещину.

Каэль не сделал резкого движения. Но Эллианна почувствовала, как всё вокруг него словно собирается в одно плотное направление, будто сам лес, треснувший и потерявший устойчивость, вдруг попытался удержаться хотя бы за его присутствие.

Он шагнул к ней так, как будто расстояние между ними никогда не существовало в привычном смысле. И в тот момент, когда он приблизился, Эллианна поняла, что больше не может различить, где заканчивается лес и начинается он.

— Не двигайся, — произнёс он спокойно.

Это были первые слова, обращённые к ней напрямую. Не приказ. Не угроза. Но и не просьба. Скорее факт, в котором не было места для выбора.

Эллианна хотела ответить, но голос не слушался. Всё внутри неё одновременно тянуло назад и вперёд, и это противоречие делало любое движение невозможным.

Каэль на мгновение задержал взгляд на её лице, словно проверяя не её реакцию, а саму реальность того, что она здесь стоит.

А затем лес снова дрогнул.

Серебристые линии, появившиеся между деревьями, начали расширяться, словно трещины по стеклу, которое вот-вот разобьётся окончательно. Свет двух лун перестал быть ровным, он начал пульсировать, как дыхание, сбившееся от боли.

Каэль резко повернулся. Впервые в его движении появилась неуверенность — не в себе, а в том, что происходило вокруг.

— Поздно, — тихо произнёс он, почти для себя.

И в следующий миг пространство под ними словно провалилось внутрь. Не физически. Скорее так, как будто сам лес перестал удерживать форму.

Эллианна почувствовала, как земля под ногами теряет плотность, и в ту же секунду Каэль оказался рядом настолько близко, что она впервые ощутила не просто его присутствие, а границу его силы.

Он схватил её за запястье. Не грубо, но так, что вырваться было невозможно. И в этот момент всё вокруг них стало чужим.

Деревья вытянулись, исказились, свет распался на отдельные потоки, и лес перестал быть лесом, превратившись в дрожащее пространство между мирами.

Эллианна не успела даже вдохнуть, как Каэль резко притянул её к себе, закрывая собой от расходящихся трещин.

— Держись, — коротко сказал он.

И это слово уже не было нейтральным. В нём впервые прозвучало что-то личное.

Они провалились не вниз и не вперёд. Скорее сквозь. Сквозь свет, сквозь шум, сквозь саму структуру пространства, которое не выдержало её присутствия. И когда движение наконец замедлилось, лес уже был другим. Более тихим. Более тёмным. Слишком стабильным после того, что только что разрушилось.

Каэль не сразу отпустил её руку. Он стоял рядом, всё ещё удерживая её, словно проверяя, не исчезнет ли она снова.

И только когда дыхание мира окончательно выровнялось, он медленно разжал пальцы. Эллианна сделала шаг назад, инстинктивно пытаясь вернуть себе контроль хотя бы над расстоянием между ними. Но Каэль не отступил.

Он не сразу отвёл от неё взгляд.

В его внимании не было ни удивления, ни растерянности — только спокойное узнавание, в котором читалось нечто куда более тяжелое, чем простая память. Так смотрят не на неожиданность, а на подтверждение того, что уже было известно заранее, пусть и без права говорить об этом вслух.

Озеро Мирай.

Слишком короткий миг, слишком далекое расстояние, слишком случайное для нее событие — и всё же достаточное для него, чтобы сейчас, стоя перед ней в искаженном лесу, он видел не незнакомку, а завершение давно начавшегося процесса.

Он знал, что она появится. Не когда. Не где. Но знал, что это произойдёт. И именно это знание сейчас делало его взгляд таким спокойным.

Каэль медленно отвел глаза от её лица, будто возвращая себе контроль над моментом, и окружающее пространство словно немного выровнялось, перестало дрожать так резко, как это было мгновение назад. Лес всё ещё оставался нестабильным, но его присутствие удерживало его от окончательного распада.

Эллианна всё ещё не двигалась. Она смотрела на него так, как смотрят на единственный возможный ответ в мире, который перестал иметь смысл. И первой не выдержала именно она.

— Где я?.. — голос прозвучал тише, чем она хотела, но в этой тишине он прозвучал отчётливо.

Каэль не ответил сразу.

Словно выбирал не слова, а границу, за которую ей можно позволить зайти.

— В Эйрилоне, — наконец произнёс он.

Имя ничего ей не сказало. И это было заметно.

Она нахмурилась, будто пытаясь зацепиться за хоть что-то знакомое в этом звуке.

— Это страна?

— Мир, — спокойно поправил он.

Эллианна резко выдохнула, почти усмехнувшись, но в этом звуке не было веселья.

— Мир — повторила она, как будто проверяя, не является ли это очередной ошибкой восприятия. — Хорошо. Тогда ещё раз. Как я сюда попала?

На этот раз Каэль посмотрел на неё внимательнее. Не как на человека, который задаёт вопрос. А как на человека, который пока не понимает, что уже знает ответ, но боится его принять.

— Через Разлом, — сказал он.

Слово повисло между ними.

Эллианна молчала несколько секунд, и в этой паузе в ней происходила попытка удержать привычную реальность, собрать её обратно хотя бы по краям.

— Разлом — медленно произнесла она. — Это звучит как что-то ненастоящее.

— Это единственное, что здесь действительно настоящее, — ответил он.

Его голос оставался ровным, но в нём появилась едва заметная тяжесть, словно каждое слово имело цену.

Эллианна опустила взгляд, и только сейчас заметила, что всё ещё держит в руке одно из перьев. Золотое.

Оно едва заметно дрогнуло, будто реагируя на его присутствие. Каэль проследил за её движением, но не сделал попытки приблизиться.

— Ты знал, что я — начала она и осеклась, не понимая, почему вообще сказала это.

— Нет, — спокойно прервал он.

И после короткой паузы добавил уже тише:

— Но я знал, что ты придёшь.

Эллианна подняла на него взгляд резко, почти недоверчиво.

— Ты знал?

Он не отвёл глаз.

И в этом молчании было слишком много того, чего она ещё не могла слышать.

— Не всё можно объяснить сразу, — сказал он наконец. — Особенно здесь.

Эллианна сделала шаг назад, инстинктивно пытаясь вернуть себе хоть какую-то дистанцию.

— Тогда объясни хоть что-нибудь, — выдохнула она. — Потому что сейчас это выглядит как бред.

Каэль чуть наклонил голову, и на мгновение в его взгляде появилось что-то очень древнее и усталое.

— Бредом это кажется только до тех пор, пока не перестаёт быть выбором, — произнес он.

И впервые в его голосе прозвучало то, что она не могла пока распознать. Не приказ. Не холод.

А предупреждение.

Эти слова повисли между ними тяжелее, чем всё, что было сказано до этого.

Эллианна всё ещё смотрела на него, пытаясь найти в его лице хоть что-то привычное, что позволило бы удержаться за мысль о том, что происходящее можно объяснить, разложить по логике и назвать ошибкой. Но чем дольше она смотрела, тем яснее становилось, что он не похож на человека, который сомневается в реальности того, о чём говорит.

Каэль, напротив, на мгновение отвёл взгляд в сторону леса.

И в этот момент пространство изменилось едва заметно, но достаточно, чтобы даже Эллианна это почувствовала. Будто что-то невидимое прошло по границе леса, касаясь его не физически, а вниманием.

Каэль напрягся не резко, а почти незаметно, как человек, который услышал знакомый сигнал, значение которого нельзя игнорировать.

— Поздно, — произнёс он тихо.

Эллианна не сразу поняла, к чему это относится.

— Что поздно? — осторожно спросила она.

Он не ответил сразу.

Вместо этого сделал короткий шаг в сторону, словно проверяя направление, и только после этого заговорил, не глядя на неё напрямую.

— Они уже почувствовали разлом.

Слова не объясняли ничего, но в них было достаточно веса, чтобы заставить её сердце снова сжаться.

— Кто «они»? — голос прозвучал напряжённее, чем она хотела.

Каэль медленно перевёл взгляд на неё. И в этом взгляде впервые за всё время появилось что-то, похожее на решение.

— Те, кто не должен был тебя здесь видеть, — ответил он.

Эллианна почувствовала, как по спине проходит холод.

— Я никому не нужна, — почти автоматически сказала она, больше себе, чем ему. — Я вообще не понимаю, что здесь происходит.

Каэль слегка усмехнулся, но в этой усмешке не было ни насмешки, ни тепла.

— В этом и проблема, — тихо сказал он. — Ты думаешь, что ты здесь случайно.

Он сделал паузу, будто выбирая, насколько глубоко можно её сейчас отпустить в правду.

— Но Разлом не реагирует на случайности.

Где-то в глубине леса снова прошёл тот самый сигнал, который она уже чувствовала раньше — не звук, а давление, как если бы само пространство на мгновение стало внимательнее. И на этот раз он был ближе. Гораздо ближе.

Эллианна инстинктивно обернулась, но между деревьями ничего не было, кроме дрожащего света и теней, которые больше не казались неподвижными.

— Нам нужно уходить, — сказал Каэль уже иначе.

Не как объяснение. А как действие, которое не обсуждается.

Он сделал шаг к ней, но остановился на расстоянии, не касаясь, словно давая ей последний момент выбора, которого на самом деле уже не существовало.

— Ты уже не просто человек, который попал не туда, — добавил он тише. — Ты здесь отметилась.

Эллианна медленно подняла на него взгляд.

— Отметилась?..

Каэль посмотрел на неё так, будто это слово было самым мягким из всех возможных.

— И теперь за тобой придут.

Каэль ещё несколько секунд прислушивался к лесу, словно пытался уловить то, что было недоступно человеческому слуху. Потом коротко произнёс:

— Идём.

Он не оглянулся, чтобы проверить, последует ли она за ним. Просто сделал первый шаг, уверенный и спокойный, будто точно знал дорогу среди бесконечных серебристых деревьев.

Эллианна замешкалась лишь на мгновение. Разум кричал, что идти за незнакомцем в мире, о существовании которого она ещё даже не подозревала, — безумие. Но остаться одной казалось ещё страшнее. Она молча пошла следом.

Лес постепенно менялся. Деревья становились выше, их серебристая кора темнела, приобретая глубокий графитовый оттенок. Между стволами всё чаще появлялись огромные валуны, покрытые мягким голубоватым мхом, а над землёй струился лёгкий туман, переливающийся в лунном свете.

Эллианна старалась идти как можно тише, но всё равно постоянно спотыкалась о корни, скрытые под высокой травой. Каэль ни разу не обернулся. Однако каждый раз, когда она едва не падала, он почему-то замедлял шаг именно настолько, чтобы расстояние между ними оставалось одинаковым. Словно чувствовал её, даже не глядя.

Молчание становилось всё тяжелее. Наконец Эллианна не выдержала.

— Ты всегда такой разговорчивый?

Впервые за всё время она увидела едва заметное движение уголка его губ. Не улыбку. Лишь слабый намёк на неё.

— Обычно ещё меньше.

— Очень успокаивает.

— Это не моя задача.

Она тихо фыркнула.

— А какая тогда?

Несколько секунд Каэль молчал.

— Вывести тебя отсюда живой.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что Эллианна даже не сразу поняла его смысл. Когда же поняла, внутри снова неприятно похолодело.

— Значит, опасность всё-таки настоящая?

— Гораздо серьёзнее, чем ты сейчас представляешь.

Она уже собиралась задать следующий вопрос, когда Каэль внезапно остановился. настолько резко, что Эллианна едва не врезалась ему в спину. Он слегка поднял голову. Ветер, до этого почти незаметный, вдруг изменил направление. По лесу прошла длинная дрожь. Листья на серебристых деревьях одновременно перевернулись светлой стороной вверх. Каэль медленно закрыл глаза. Всего на одно короткое мгновение. Когда он снова посмотрел вперёд, его лицо стало жёстче.

— Они слишком быстро нашли след.

Эллианна почувствовала, как сердце снова начинает колотиться.

— Кто?

Но он уже не ответил.

В нескольких десятках метров впереди между деревьями вспыхнуло несколько тонких голубых огней. Один. Потом второй. Третий. Они двигались. Не хаотично. Каждый свет удерживал своё место, постепенно сжимая невидимое кольцо. Каэль тихо выдохнул.

— Нас уже не ищут.

Эллианна непонимающе посмотрела на него. Он перевёл взгляд на приближающиеся огни.

— Нас уже нашли.

И почти одновременно лес наполнился звуком. Не криком. Не рёвом.

Высоко над верхушками деревьев раздался мощный хлопок воздуха, будто огромные паруса одновременно раскрылись в ночном небе.

Эллианна машинально подняла голову. Сначала она ничего не увидела. Потом лунный свет скользнул по чему-то огромному. Над лесом, едва различимые среди облаков и ветвей, пронеслись силуэты. Они летели почти бесшумно. Лишь редкие взмахи огромных крыльев рождали воздушную волну, от которой качались верхушки деревьев. Теперь она увидела их ясно. Это были не люди. И не птицы.

Высоко над лесом скользили айрэны. Они прочёсывали лес с воздуха.

Эллианна ещё раз посмотрела в небо, где над лесом один за другим скользили крылатые силуэты, а потом перевела взгляд на Каэля.

— Значит... ты такой не один.

Он ничего не ответил.

— Там... такие же, как ты?

— Да.

Она несколько секунд молчала, пытаясь собрать мысли.

— Тогда кто вы?

В её голосе больше не было паники. Только искреннее желание понять.

— Ангелы?

Каэль едва заметно покачал головой.

— Нет.

— Но у вас есть крылья...

— Крылья не делают нас ангелами.

— Тогда кто?

Он поднял взгляд к небу, наблюдая за тем, как между облаками мелькнул ещё один патруль.

— Мы называем себя айрэнами.

Незнакомое слово прозвучало спокойно, но в нём чувствовалась многовековая история.

— Айрэны... — тихо повторила Эллианна. — А люди знают, что вы существуете?

— Нет.

— Почему?

— Потому что так безопаснее для обоих миров.

Где-то высоко над лесом снова пронеслась группа айрэнов. Воздушная волна качнула верхушки деревьев, и серебристые листья зашелестели, словно переговаривались между собой. Эллианна невольно поежилась.

Он следил за небом, внимательно прислушиваясь к чему-то, что было недоступно ей.

Только убедившись, что поисковый отряд пролетел дальше.

— Значит... все легенды об ангелах...

Он едва заметно покачал головой.

— Люди всегда пытаются объяснить то, чего не понимают. Иногда они оказываются близки к истине. Но почти никогда — правы.

Эллианна внимательно посмотрела на него.

— Значит, вы не посланники Бога?

В его взгляде появилось что-то тяжелое. Не раздражение. Скорее воспоминание.

— Нет.

— Тогда что вы делаете в моем мире?

Каэль медленно перевел взгляд на темное небо.

— Иногда наши миры соприкасаются.

— Через Разломы?

Он коротко кивнул.

— Но этого не должно происходить.

Эллианна хотела задать еще десяток вопросов, но вдруг заметила, что Каэль больше не слушает ее. Он смотрел куда-то между деревьями. Очень внимательно. Так, словно видел то, чего она пока не замечала. В следующую секунду выражение его лица изменилось. Совсем немного. Но этого оказалось достаточно, чтобы внутри у нее все сжалось.

— Что случилось?

Ответа не последовало. Ветер внезапно стих. Настолько резко, что шелест листьев оборвался на полужвуке. Даже птицы, до этого переговаривавшиеся где-то в глубине леса, умолкли. Тишина стала почти осязаемой.

Каэль сделал медленный вдох.

— Они разделились.

Эллианна непонимающе посмотрела на него.

— Кто?

— Те, кто ищет тебя.

Он уже не пытался скрывать серьезность происходящего.

— Часть осталась в воздухе. Остальные спускаются вниз.

Будто подтверждая его слова, где-то совсем недалеко хрустнула ветка. Потом еще одна.

Затем из темноты донесся приглушенный звон металла. Кто-то шел сюда, не скрываясь.

Эллианна почувствовала, как холод медленно разливается по всему телу.

— Они знают, где мы?

— Пока нет.

Он сделал короткую паузу.

— Но знают, где заканчиваются наши следы.

Она непонимающе посмотрела на него. Каэль опустил на одно колено и провел ладонью по серебристому мху. Тот едва заметно засветился. Потом свет погас.

— Лес пытался скрыть нас.

Он поднялся.

— Но Разлом нарушил его память. Теперь он больше не может нас прятать.

Из темноты снова донесся звук. На этот раз гораздо ближе. Не меньше трех разных шагов.

Они двигались спокойно, без суеты. Так ходят те, кто уверен, что добыче уже некуда бежать. Каэль впервые за все время выругался вполголоса на незнакомом языке.

Потом посмотрел на Эллианну спокойно. Слишком спокойно для человека, оказавшегося в безвыходном положении.

— Что бы сейчас ни произошло, не отходи от меня ни на шаг.

Она молча кивнула. И именно в этот момент за их спинами раздался еще один голос. Совсем близко. Настолько близко, что они оба одновременно обернулись.

— Командующий Каэль

Голос был спокойным. Почтительным. И от этого становился только опаснее.

— Не думал, что найду вас так быстро.

Из-за серебристых стволов вышел высокий айрэн в темно-сером плаще. Его движения были спокойными и точными, а за спиной, поверх сложенных крыльев, поблескивали рукояти двух узких мечей.

Подойдя на несколько шагов, он остановился и слегка склонил голову. Не в знак покорности, а в знак уважения.

— Командующий.

Каэль коротко кивнул.

— Рейн.

Эллианна невольно перевела взгляд с одного на другого. В их молчании не чувствовалось вражды. Напротив, между ними было то спокойное взаимопонимание, которое рождается только после многих лет, проведенных бок о бок.

Значит, этот человек подчинился Каэлю. И, судя по тому, как он держался, подчинился не из страха. Рейн бросил быстрый взгляд на Эллианну, и в его глазах мелькнуло удивление. Совсем лёгкое и почти незаметное.

Но Каэль уловил его.

— Докладывай, — произнес он.

— Поисковые отряды стягиваются к северной границе леса. След Разлома почувствовали не только наши.

На последних словах Рейн слегка понизил голос.

— Уже прибыли люди Дома Соларис.

Каэль помрачнел.

— Так быстро...

— Они появились почти одновременно с нами.

Повисла короткая тишина. Эллианна ничего не понимала, но всё сильнее ощущала, что разговор касается именно её.

— Совет уже знает? — спросил Каэль.

— Пока только то, что Разлом открылся.

Рейн снова посмотрел на девушку. На этот раз внимательнее.

Его взгляд задержался на перекинутой через плечо сумке, из которой едва заметно выглядывало золотистое перо. Что-то изменилось в его лице. Удивление исчезло. Ему на смену пришло недоумение. Он снова посмотрел на Каэля. Потом на Эллианну.

И наконец тихо спросил:

— Это она?

Вопрос прозвучал настолько осторожно, словно сам ответ мог изменить всё. Каэль не отвел взгляда.

— Да.

Одного короткого слова оказалось достаточно. Рейн медленно выдохнул. Несколько мгновений он молчал, словно пытаясь совместить то, что видел перед собой, с тем, что знал раньше.

Перед ним стояла обычная человеческая девушка. Уставшая, испуганная и растерянная. Совсем не похожая на существо, из-за которого уже несколько столетий существовали древние пророчества и тайные приказы Совета.

— Она... — начал он и тут же осёкся.

Каэль понял вопрос раньше, чем тот был произнесен.

— Она ничего не знает.

Рейн кивнул, но напряжение в его лице не исчезло.

— Тогда у нас ещё меньше времени, чем я думал.

В этот момент где-то высоко над лесом снова раздался тяжелый взмах крыльев. Потом второй. И почти сразу между деревьями вспыхнули три золотистых огня. Рейн резко поднял голову.

— Поздно...

Он впервые позволил себе забыть о спокойствии.

— Это разведчики Солариса. Они уже здесь.

Каэль молча посмотрел на золотистые отблески, медленно приближающиеся сквозь лес. Его лицо оставалось непроницаемым. Но Эллианна заметила, как напряглись мышцы его челюсти.

Он уже принял решение. Оставалось только понять, какой ценой ему придется за него заплатить.

Каэль больше не смотрел в сторону золотистых огней, мерцающих между деревьями. Их становилось всё больше, и теперь уже не оставалось сомнений: поисковые отряды сжимали кольцо.

Он несколько мгновений стоял неподвижно, будто мысленно просчитывая десятки возможных путей, а затем спокойно перевел взгляд на Рейна.

— Они не должны найти наш след, — произнес он негромко.

Рейн сразу понял, о чём идёт речь. На его лице промелькнуло удивление, почти сразу сменившееся недоверием.

— Вы хотите провести её через старые тоннели?

Каэль коротко кивнул. Несколько секунд Рейн молчал. Казалось, он не спорил лишь потому, что перед ним стоял человек, чьи решения никогда не принимались необдуманно.

— Командующий... эти проходы закрыты больше века. После Последнего Разлома туда не спускались даже Хранители Люменора.

— Именно поэтому нас там не будут искать.

В его голосе не прозвучало ни тени сомнения. Он уже сделал выбор.

Эллианна переводила взгляд с одного мужчины на другого, пытаясь уловить смысл разговора, который будто происходил на языке, состоящем не из слов, а из недосказанностей.

— Может быть, хоть кто-нибудь объяснит, что происходит? — наконец не выдержала она.

Вопрос прозвучал устало. За последние часы её жизнь успела разрушиться уже столько раз, что сил удивляться почти не осталось.

Рейн посмотрел на неё с неожиданным сочувствием.

— Поверьте, если бы у меня был выбор, я бы хотел, чтобы вы никогда не узнали ответы на эти вопросы.

Эллианна невесело усмехнулась.

— Почему-то мне кажется, этот выбор у меня уже давно забрали.

Каэль ничего не сказал. Он подошёл к большому валуну, наполовину скрытому серебристым мхом, и положил ладонь на холодный камень. Некоторое время ничего не происходило. Затем под его пальцами медленно вспыхнули тонкие светящиеся линии.

Они расходились всё дальше, переплетаясь в сложный узор, напоминавший древнее письмо, высеченное самой природой. Свет становился ярче, линии углублялись, а затем весь камень едва заметно вздрогнул. Из глубины донёсся низкий гул. Земля под ногами ответила лёгкой дрожью.

Эллианна невольно отступила.

Валун медленно сдвинулся в сторону, открывая узкий проход, уходивший в непроглядную темноту. Из него пахло холодом. Не сыростью подземелья, а временем. Так мог пахнуть мир, который тысячи лет не видел солнечного света.

Она долго смотрела вниз, не решаясь сделать шаг.

— Что это за место?

— Старые дороги Разломов, — тихо ответил Каэль.

— Они безопасны?

Он встретился с ней взглядом.

— Нет.

Именно поэтому нас там никто не станет искать. Будто подтверждая его слова, где-то совсем близко послышался чужой голос. Он прозвучал отчетливо, перекатившись между деревьями:

— След ведёт в эту сторону!

Следом раздался шум крыльев. На этот раз настолько близко, что ветер, поднятый ими, добрался даже сюда.

Каэль больше не колебался.

— Идём.

Он первым исчез в темноте. Рейн последовал за ним. Эллианна ещё раз посмотрела на серебристый лес, который совсем недавно казался ей пугающим, а теперь вдруг стал последней связью с небом.

Глубоко вдохнув, она шагнула вслед за ними. Едва её нога коснулась каменного пола тоннеля, проход начал медленно закрываться. Полоса лунного света становилась всё уже, пока не исчезла совсем.

Мир погрузился в тишину.

Эллианна очень быстро потеряла ощущение времени.

Казалось, сами тоннели существовали вне привычного течения часов. Их стены мягко светились изнутри голубоватыми прожилками, похожими на тонкие ручки света, текущие сквозь камень. Иногда ей чудилось, что они меняют направление, словно реагируют на шаги тех, кто проходил мимо.

Чем глубже они уходили, тем сильнее становилось странное чувство, будто за ними кто-то наблюдает. Несколько раз ей казалось, что впереди мелькнула человеческая фигура. Стоило присмотреться — оставались только свет и пустота. Иногда издали доносился едва различимый шёпот. Невозможно было понять, настоящий он или рождается только в её воображении.

Она всё чаще ловила себя на желании обернуться. Каждый раз за спиной была только бесконечная темнота.

Каэль шёл впереди молча. Иногда он ненадолго останавливался, словно прислушиваясь к самому камню, после чего менял направление, выбирая очередной коридор, ничем не отличавшийся от предыдущего.

Эллианна уже перестала понимать, поднимаются они или спускаются. Но внезапно впереди появился свет. Не холодное сияние тоннелей. Совсем другой. Тёплый. Живой.

Он становился всё ярче, пока наконец не ослепил после долгой темноты.

Каэль первым вышел наружу и, обернувшись, протянул ей руку. На этот раз она не раздумывала. Её пальцы коснулись его ладони всего на мгновение.

И этого короткого прикосновения оказалось достаточно, чтобы внутри Каэля что-то едва заметно дрогнуло. Так тонкая струна отзывается на звук, которого никто, кроме неё, не способен услышать.

Он почти сразу отпустил её руку, словно не позволил себе задуматься о странном ощущении. Эллианна сделала ещё несколько шагов и остановилась.

Перед ней раскинулся Эйрилон.

Мир парящих островов, соединенных мостами из светящегося камня, казался одновременно невозможным и удивительно настоящим. Между островами струились водопады, исчезающие в сияющей бездне, а над белоснежными башнями величественного города медленно кружили крылатые силуэты.

Две луны заливали всё вокруг серебристо-золотым светом, отчего дворцы словно были высечены не из камня, а из самого сияния.

Эллианна долго молчала. Она не пыталась подобрать слова. Потому что человеческих слов для увиденного просто не существовало.

— Значит... это и есть Эйрилон... — прошептала она.

Каэль посмотрел на город, который за двести тридцать семь лет успел стать для него привычным. Потом перевёл взгляд на неё. И неожиданно понял, что впервые за очень долгое время видит свой мир глазами человека, оказавшегося здесь впервые.

Эйрилон действительно был прекрасен. Настолько, что на одно короткое мгновение даже он сумел забыть обо всём, что ждало их впереди.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.